

Crim.

461

3

Crim. 461 7

<36632014930014

<36632014930014

Bayer. Staatsbibliothek

Смет. 461 $\frac{7}{2}$

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ

УГОЛОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ:

- 1) Объ ученикъ Тамбовской гимназiи **Горскомъ**, обвинявшемся въ убiйствъ семи членовъ семейства и прилуги купца **Жемарина**.
- 2) О бывшемъ ученикѣ Новгородской гимназiи **Лабинѣ**, обвинявшемся въ убiйствъ воспитанника той же гимназiи **Труфанова**.
- 3) Объ ученикѣ Харьковской гимназiи **Эдельбергѣ** и дворянинѣ **Полозовѣ**, обвинявшихся въ убiйствѣ крестьянина **Мерзлякина**.
- 4) Объ ученикѣ Владимiрской гимназiи **Пестрово**, обвинявшемся въ нанесенiи раны, послѣдствiемъ которой была смерть.

МОСКВА.

1873.

МОЧН

81 B

12.05.15

~~0150 275~~

HW
5405

WKO 985
75

2425 1/2

III P

3884

ЗАМЪЧАТЕЛЬНЫЕ

УГОЛОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ:

- 1) Объ ученикъ Тамбовской гимназiи Герселевъ, обвинявшемся въ убiйствѣ семи членовъ семейства и прислуги купца Жемарина.
- 2) О бывшемъ ученикѣ Новгородской гимназiи Ламбинѣ, обвинявшемся въ убiйствѣ воспитанника той же гимназiи Труфанова.
- 3) Объ ученикѣ Харьковской гимназiи Эдельбергѣ и дворянинѣ Полозовѣ, обвинившихся въ убiйствѣ крестьянина Мерзликина.
- 4) Объ ученикѣ Владимiрской гимназiи Пестреве, обвинявшемся въ нанесенiи раны, послѣдствiемъ которой была смерть.

М О С К В А.

Типографiя И. Н. Мышкина, на Тверскомъ бульварѣ, д. Полякова.
1873.

Sim. 46A ²/₋

RECORDED AND INDEXED

[Faint, mostly illegible text within a rectangular border]

1965

SEARCHED BY _____ INDEXED BY _____

FgT/86/5314

Д Ъ Л О

ОБЪ УЧЕНИКЪ ТАМБОВСКОЙ ГИМНАЗИИ

ВИТОЛЬДЪ ГОРСКОМЪ

обвинявшемся въ убійствѣ семи челоѵкъ семейства и
прислуги купца Жемарина.

Дѣло это разбиралось въ Тамбовѣ временнымъ военнымъ
судомъ подѣ председательствомъ полковника *Деконскаго* и
при прокурорѣ Московскаго военно-окружнаго суда *Нельсонѣ*;
защищаль подсудимаго г. *Дураковъ*.

Подсудимый *Горскій* 18 лѣтъ, не высокаго роста, съ ум-
нымъ лицомъ; волосы темнорусые, глаза голубые съ срос-
шимися бровями, показывающими твердый и самостоятель-
ный характеръ; во время засѣданія онъ держаль себя чрез-
вычайно спокойно и на лицѣ его появлялась не разъ улыбка,
но при объявленіи приговора его крѣпкая натура не выдер-
жала и лицо покрылось смертельною блѣдностью.

Обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

Въ городѣ Тамбовѣ, 1 марта 1868 года, въ домѣ купца Ивана Сергѣева Жемарина, въ отсутствіе послѣдняго, совершено убійство четырехъ человѣкъ семьи Жемарина и трехъ человѣкъ прислуги.

Преступленіе обнаружено въ тотъ же день, вслѣдствіе заявленія кучера Бильдена и няни Кудешовой, которые въ 10-мъ часу вечера дали знать полиціи, что у нихъ въ домѣ неблагополучно. По прибытіи полиціи на мѣсто, одновременно съ возвращеніемъ домой купца Жемарина, найдено, что ведущее въ кухню заднее крыльцо, черезъ которое обыкновенно ходили въ домъ, заперто изнутри; у входа на снѣгу были видны слѣды крови, замеченные метлою, и тамъ же лежалъ башмакъ кухарки; переднее крыльцо оказалось отпертымъ, но дверь была притворена; въ комнатѣ лежали на полу убитыми: въ залѣ, смежномъ съ переднею, противъ дверей кабинета—мать Жемарина, Варвара Силантьева; въ кабинетѣ—старшій сынъ Жемарина, Иванъ; въ столовой—дворникъ и кухарка, лежащіе рядомъ; въ кухнѣ, раздѣленной на двѣ половины, въ 1-й половинѣ—горничная, во 2-й—жена Жемарина и, въ небольшомъ разстояніи отъ нея, младшій сынъ Александръ израненный и безъ всякаго сознанія, хотя и съ признаками жизни. При осмотрѣ всѣ убитые оказались въ постоянно носимомъ ими платьѣ, только горничная и младшій сынъ Жемарина были въ теплой одеждѣ: первая въ салопѣ, а послѣдній въ полушубкѣ; на кухаркѣ же не оказалось одного башмака. Всѣ трупы были окровавлены и нѣкоторые лежали въ потокахъ крови, а на трупѣ горничной усмо-

трѣно дубовое полѣно съ окровавленнымъ концомъ и въ недалежномъ отъ нея разстояніи—другое полѣно, меньшей величины, и тоже въ крови. Сверхъ того, по усмотрѣніи найдены, въ 1-й половинѣ кухни, въ углу на угольникѣ—пестикъ, передѣланный изъ безыбна и имѣющій на одномъ концѣ обыкновенную головку въ крови, а на другомъ—меньшей величины шишку, и въ залѣ на полу—разбитый пистонъ и три свинцовыя картечи, а на столикѣ, гдѣ занимался уроками старшій сынъ Жемарина—нѣсколько свинцовыхъ стружекъ, аспидная доска и трифѣль, также въ крови. Наклоненъ на этомъ столикѣ замѣченъ кровавыя брызги и пятна, въ особенности съ лѣвой стороны, а у стола на полу размазанная кровь, слѣдъ которой оканчивался большимъ потокомъ крови.

«По судебно-медицинскому осмотру заключено, что мать Жемарина, Варвара Силантьева, убита была пулею, направленною сзади отъ лѣваго уха и найденною въ головѣ. Старшему сыну Ивану раздроблены кости черепа, съ разрывомъ существа мозга, тупымъ и, по всей вѣроятности, шарообразнымъ орудіемъ. Дворникъ Константинъ убитъ сзади пулею, направленною въ шею и найденною близъ передней дужки шейнаго позвонка. Кухарка Прасковья ранена двумя выстрѣлами и одна изъ ранъ имѣетъ положеніе по лѣвой сторонѣ лица, на восходящей вѣтви нижней челюсти, а другая на углу нижней челюсти; одна пуля найдена въ шейныхъ мышцахъ правой стороны, и здѣсь же вынуть осколокъ свинца; кромѣ того, часть теменныхъ, височныхъ и затылочной костей разбита кистенемъ; такъ что, по заключенію медиковъ, смерть кухарки произошла отъ пролома черепа и поврежденія самаго мозга,

причемъ раны, нанесенныя огнестрѣльнымъ оружіемъ, не могли быть безусловно смертельными; при внутреннемъ же осмотрѣ тѣла кухарки, матка найдена въ беременномъ состояніи и по вскрытіи оказался младенецъ, мужескаго пола, совершенно доношенный. Жена купца Жемарина, Марья Емельянова, убита пулею, направленною сзади въ шею, прошедшею чрезъ позвоночный столбъ и найденною у праваго шейнаго позвонка. Горничная, убита ударомъ дубоваго подѣла, направленнымъ въ голову и произведшимъ проломъ черепа и разрывъ мозговыхъ оболочекъ и самаго мозга. Четыре пули, вынутыя изъ убитыхъ, были одинаковаго вѣса, въ 1 $\frac{1}{2}$ драхмы, а двѣ пули оказались неправильной конической формы.

«Что же касается младшаго сына Жемарина, Александра, то изъ произведеннаго осмотра видно, что, по прибытіи въ домъ полиціи, онъ сильно стоналъ и, не смотря на поданное несобіе, не пришелъ въ память и къ утру 3 марта умеръ, какъ сказано въ заключеніи врача, отъ пролома черепа тупымъ орудіемъ въ сторонѣ лобной кости, выше затылочнаго бугра.

«Слѣдствіемъ открыто, что въ день происшествія, случившагося на 3-й недѣлѣ Великаго поста въ пятницу, жена купца Жемарина, Марья Емельянова, съ младшимъ сыномъ Александромъ, горничной и кучеромъ, отправилась послѣ обѣда на именины къ послушницѣ Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря Евдокіи Толмачевой; разстояніе монастыря отъ дома Жемариныхъ было на $\frac{1}{2}$ часа ѣзды. Жемарина приѣхала въ монастырь въ 3 часа пополудни и, оставшись съ сыномъ у Толмачевой, горничную и кучера съ лошадейю от-

правила обратно. Затѣмъ купецъ Жемаринъ, его мать, старшій сынъ, и вся прислуга находились въ дѣмѣ на лицо. Около 4 часовъ пришелъ къ Жемаринымъ на урокъ воспитанникъ VII класса тамбовской гимназіи Витольдъ Горскій, учившій старшаго сына Жемариныхъ, Ивана; въ то же время изъ дому вышла къ дочернѣ няня Авдотья Кулемова, тогда гонимая Горскій, по приходѣ, занялся съ ученикомъ въ залѣ, на учебномъ столѣ. Черезъ нѣсколько времени Жемаринъ позвалъ учителя съ сыномъ къ чаю въ столовую; тутъ была и мать Жемарина. Во время чаю Горскій, вынулъ изъ кармана дѣтскій свинцовый пистолетикъ, показывалъ его и выстрѣлилъ, а Жемаринъ, заинтересованный пистолетикомъ, вадлъ его отъ Горскаго, выходилъ съ нимъ въ кухню и тутъ стрѣлялъ въ горничную, кухарку и дворника, которые пугались выстрѣла. Въ стрѣльбѣ принималъ участіе и Горскій и даже, раздавивъ пистонъ ногою, сдѣлалъ взрывъ, причѣмъ мать Жемарина просила оставить стрѣльбу. Въ это время Горскій говорилъ, что пистолетикъ принесъ въ подарокъ младшему сыну, но Жемаринъ отказался взять его. Послѣ чаю Горскій возвратился съ ученикомъ въ залъ для занятія, а самъ Жемаринъ, одѣвшись, вышелъ изъ дому въ 5 часовъ и при выходѣ отдалъ приказаніе черезъ горничную запретъ лошадей и ѣхать за женою въ монастырь. Кучеръ съ горничною прибылъ въ монастырь около половины 6 часа и выѣхали обратно съ женою и сыномъ Жемарина около 6 часовъ. По приѣздѣ, кучеръ ссадилъ Жемарину съ сыномъ и горничною у задняго крыльца, а самъ отъѣхалъ къ конюшнѣ, выпрягъ лошадь и убралъ ее, послѣ чего, поѣхалъ

къ заднему крыльцу, чтобы войти въ кухню, онъ замѣтилъ на снѣгу кровь и нашелъ, что дверь въ кухню заперта изнутри. Въ это время возвратилась изъ церкви няня и когда кучеръ указалъ ей кровь, то, разсматривая вмѣстѣ, они замѣтили, что кровь засыпана снѣгомъ и тутъ же лежалъ башмакъ кучарки; внутри же дома, за дверью, они слышали стоны, но объявивъ все это развѣщеніемъ кучарки отъ беременности, хотѣли идти къ явщанину Якову Уварову, содержавшему лавку при домѣ Жемарина. Въ эту минуту подошелъ къ нимъ Горскій, спрашивая, что они дѣлаютъ? а когда кучеръ и няня объявили свое недомысліе, указывая на кровь, запертую дверь и на замѣченную ими чрезъ окно горничную, лежавшую въ кухнѣ на полу, то Горскій вмѣстѣ съ ними удивился этому и говорилъ, что онъ встрѣтился на улицѣ съ Жемаринымъ, который велѣлъ ему придти и самъ скоро будетъ; что онъ, Горскій, приходилъ уже разъ и что въ домѣ случилось что-то чудное. На предложеніе кучера подождать возвращенія Жемарина въ лавкѣ Уварова, Горскій отговаривалъ ихъ и предлагалъ идти въ конюшню, гдѣ можно съѣсть на сѣно и гдѣ будетъ тепло; но кучеръ и няня не согласились и вмѣстѣ съ Горскимъ вышли съ двора; при этомъ кучеръ и няня пошли въ лавку Уварова, а Горскій—по направленію къ своему дому. Разказавъ Уварову о своемъ недоумѣніи и обогрѣвшись у него въ лавкѣ, няня и кучеръ опять отправились въ домъ и найдя по прежнему дверь запертою, возвратились обратно въ лавку и, по общему совѣту съ Уваровымъ, объявили о случившемся въ полицейскомъ управленіи.

«Такъ какъ по прибытіи полиціи купецъ Жемаринъ заявилъ, что въ домъ его въ день происшествія былъ, изъ числа постороннихъ лицъ, одинъ только гимназистъ Витольдъ Горскій, котораго онъ подозрѣваетъ въ совершеніи убійствъ, то въ 11 часовъ ночи 1-го же марта Горскій былъ взятъ изъ дома родителей командированнымъ полицейскимъ приставомъ и доставленъ въ домъ Жемарина, и такъ какъ при распросахъ онъ мѣшался въ отвѣтахъ, а загадочность его поведенія, обнаруженная чрезъ распросы кучера и няни, усиливали противъ него подозрѣніе, то онъ былъ арестованъ.»

«Витольдъ Людвиковъ Горскій, воспитанникъ 7-го класса тамбовской гимназіи, родившійся 29 октября 1849 года, римско-католическаго исповѣданія, жилъ въ домъ отца своего, отставнаго коллежскаго секретаря Людвигъ Горскаго, по казывающагося изъ дворянъ виленской губерніи; онъ имѣлъ отца и мать, младшаго брата и сестру; занимался преподаваніемъ уроковъ въ домъ архитектора Мейснера и купца Жемарина, причѣмъ у послѣдняго давалъ уроки старшему сыну каждый день, начиная урокъ съ 3 или 4 часовъ пополудни и оканчивая по истеченіи двухъ часовъ. По отзыву директора гимназіи, Горскій довольно хорошо развитъ въ умственномъ отношеніи, держался одиноко и не былъ любимъ товарищами, которые считали его злымъ, въ характеръ его замѣчались неискренность и нѣкоторая нервность.»

«Въ домъ отца своего Витольдъ Горскій имѣлъ особую комнату, и при взятіи его приставъ засталъ его спящимъ; въ комнатѣ же у него найдена дробь въ двухъ жестяныхъ коробкахъ, крупная дробь въ бумажѣ, пороховъ въ бумажномъ

мѣшечкѣ и пороховницѣ, 4 коническія и двѣ круглыя пули, Сверхъ того, по осмотрѣ платья Горскаго замѣчено: на правой петлицѣ воротника у сюртука—красное пятно; на правомъ рукавѣ съ нижней лицевой стороны—нѣсколько сплошныхъ пятенъ величиною въ 3-хъ копѣечную монету, и одно отдѣльное величиною въ кедровый орѣхъ, повидному кровавыя; такія же пятна на сгибѣ рукава противъ кисти, на правой долѣ съ внутренней стороны,—последнее величиною въ 2-хъ копѣечную монету; на лѣвомъ сапогѣ сверху до 10 кровавыхъ брызгъ, а на подметкѣ и каблукѣ и на правой подошвѣ—пятна, смѣшанныя съ несомнѣ. Сюртукъ Горскаго отправленъ, для изслѣдованія, въ медицинскій департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ и оттуда не возвращенъ, а пятна на сапогахъ, по изслѣдованію на мѣстѣ, признаны происшедшими отъ человѣческой крови.

«2 марта Горскій далъ первое показаніе, въ которомъ объяснилъ, что 1-го марта пришелъ къ Жемарину на урокъ въ 3¼ часа пополудни; жены Жемарина и младшаго сына не видалъ, а всѣ остальные были дома; во время урока пилъ чай; а по окончаніи урока хотѣлъ у Жемарина просить денегъ, но его уже не было, почему отправился его отыскивать по базару въ лавкахъ и заходилъ обратно въ домъ Жемарина; тутъ встрѣтилъ у задняго крыльца кучера съ нянею и, узнавъ, что Жемаринъ не возвратился, а дверь заперта, совѣтовалъ имъ укрыться отъ холода въ сараѣ, причемъ самъ стучалъ въ дверь, но на кровь у крыльца и на башмакъ кучера не обратилъ вниманія и отправился домой, куда пришелъ въ 7 часовъ. Онъ, Горскій, занимался

охотою, но револьвера не имѣлъ, а ружье продалъ прежде, и найденныя у него пули лежали безъ употребленія.

«Между тѣмъ, слухъ о преступленіи распространялся по городу и жители стали обращаться въ учрежденную на другой же день слѣдственную комиссію съ заявленіями, содѣйствуя къ открытію убійцы. Съ своей стороны и слѣдственная комиссія, приступивъ немедленно къ слѣдственнымъ дѣйствіямъ по нравственнымъ наказамъ судебнымъ слѣдователямъ и допрашивая подъ присягою свидѣтелей по обстоятельствамъ, вошедшимъ въ дѣло, принимала мѣры къ разъясненію преступленія и опредѣленію личности преступника. Отсюда возникъ рядъ уликъ, подтверждавшихъ, что убійство въ домѣ купца Жемарина совершенно было Витольдомъ Горскимъ, но Горскій съ упрямствомъ отвергалъ эти улики.

«Такъ: 1) директоръ гимназіи 3-го марта сообщилъ, что воспитанники гимназіи Пискаревъ и Александровъ видѣли у Горскаго револьверъ. Вызванные въ комиссію, они показали, что Горскій первому изъ нихъ показывалъ въ классѣ револьверъ 28 февраля, а второму 1 марта, причемъ револьверъ вынималъ изъ кармана брюкъ и говорилъ Пискареву, что носить для безопасности. Уличенный своими товарищами, Горскій сознался, что имѣлъ револьверъ и что купилъ его на докучемъ рынкѣ у неизвѣстнаго человѣка, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, показалъ, что еще днемъ 1 марта во время стрѣльбы на Толмачевомъ валу потерялъ его.

«2) 4 марта ординаторъ губернской больницы Ноговикѣвъ заявилъ, что у него пропалъ съ окна, въ кабинетѣ, пятиствольный револьверъ съ надломленнымъ куркомъ и въ по-

хищеніи его онъ подозрѣваетъ гимназиста Горскаго, который былъ у брата его, Ноговикова, какъ своего товарища по гимназій, 23 или 25 февраля. Гимназистъ Иванъ Ноговиковъ, 17 лѣтъ, подтвердилъ, что 23 февраля у него действительно былъ Горскій съ 4-хъ часовъ пополудни до сумерекъ; револьверъ лежалъ на окнѣ подъ бумагами; и Горскій мѣзжитно могъ его похитить въ это время, какъ онъ выходилъ изъ комнаты. Но Горскій на очной ставкѣ съ Ноговиковымъ въ похищеніи револьвера не сознался.

(3) 5 марта архитекторъ Мейснеръ заявилъ, что въ бывшихъ у него въ стаканѣ на письменномъ столѣ лежалъ къ револьверу; по его счету, въ настоящее время оказывается 8 штукъ. Сынъ же Мейснера, Венедиктъ, 12 лѣтъ, добавилъ къ заявленію отца, что учитель его, Горскій, въ теченіе двухъ послѣднихъ недѣль ежедневно приходилъ на уроки съ револьверомъ, нося его за бортомъ сюртука, и также былъ съ револьверомъ на урокъ 1 марта, въ 11 часовъ утра; въ послѣднее же время онъ казался угрюмымъ. Витольдъ Горскій, соглашаясь въ отношеніи револьвера на улику Мейснера, объяснилъ угрюмость свою въ обращеніи съ нимъ неудовольствіемъ отца Мейснера за дурные успѣхи сына.

(4) По свидѣтельству проживавшаго въ трактирѣ подъ названіемъ «Золотой Якорь», отставнаго губернскаго секретаря Богданова, Горскій однажды, придя въ трактиръ и живясь на холодъ, говорилъ, что носилъ къ мастеру, живущему у Чугуннаго моста, для починки свой револьверъ. По свидѣтельству мѣщанина Ивана Бляева, 27 или 29 фев-

раля Горскій, въ 4-мъ часу по полудни, заходилъ къ нему въ лавку, показывалъ средней величины револьверъ, и пошелъ, какъ говорилъ, на урокъ къ Жемарицу. По показанію кухарки Горскихъ, Акулины Корневой, Горскій, на 2-й недѣль Великаго поста, два раза стрѣлялъ на кухню въ доску и вынималъ обратно пули. Наконецъ, По свидѣтельству оружейныхъ мастеровъ, рядовыхъ 71 пѣхотнаго бѣлевскаго полка: Владиміра Зейдлица, Леопольда Гончаровскаго, Павла Иванова, Ипполита Медзинскаго и Эдмунда Рейшеля, Горскій 26 февраля, въ 9 часовъ утра, приносилъ къ Зейдлицу пятиствольный заряженный пистолеть для починки и, не позволивъ его разрядить, взялъ барабанъ къ себѣ; починка состояла въ придѣлкѣ верхней части курка; въ тотъ же день вечеромъ Горскій взялъ револьверъ, заплативъ 40 коп. за починку; а 1-го марта, въ 4 часа по полудни, онъ съ тѣмъ же пистолетомъ опять приходилъ къ Зейдлицу, для поправки разряженнаго барабана, неvertъвагося при взводѣ курка, причеиъ денегъ не платилъ, говоря, что скоро закажетъ пульную форму, торопился, объясняя, что его ждутъ товарищи, съ которыми идетъ пробовать револьверъ, и тутъ же его зарядилъ, доставъ изъ кармана порохъ англійскій въ бумажномъ мѣшечкѣ и 4 пули, сдѣланныя отъ руки; нѣкоторыя пули высовывались, мѣшая барабану вертѣться и Зейдлицъ ихъ подпиливалъ; при этомъ Горскій просилъ 5-ю пулю у Зейдлица, но тотъ не далъ; послѣ же починки Горскій пробовалъ вертится-ли барабанъ. По предъявленіи Зейдлицу пуль, найденныхъ при судебно-медицинскомъ вскрытіи убитыхъ, онъ призналъ ихъ за тѣ самыя, которыми, вмѣстѣ

съ Горскимъ, заряжалъ револьверъ вечеромъ 1 марта. Зейдлицъ призналъ также и найденный въ комнатѣ Горскаго бумажный мѣшокъ съ порохомъ. Противъ этихъ уликъ Горскій, на очныхъ ставкахъ, призналъ, что показывалъ револьверъ мѣщанину Бѣляеву, когда возвращался отъ Жемарина; что Богданову говорилъ о револьверѣ не въ трактирѣ, а при встрѣчѣ на улицѣ, 1 марта; что Зейдлицу отдавалъ револьверъ 26 февраля, чтобы приварить конецъ курка, а во второй разъ приносилъ 1 марта утромъ, чтобы поправить барабанъ; но при этомъ пороха въ бумажномъ мѣшкѣ не приносилъ; вечеромъ же, около 5½ часовъ, заходилъ къ Зейдлицу только сказать о потерѣ револьвера, случившейся, какъ онъ прежде показывалъ, на Толмачевомъ лугу.— При этомъ о пуляхъ, вынутыхъ изъ труповъ, Горскій отозвался, что онъ ему не принадлежать.

«Наконецъ, 5) квартирующій въ одномъ домѣ съ семействомъ Горскихъ, чиновникъ Михаилъ Семеновъ заявилъ, что онъ видѣлъ, какъ кузнецъ Алексѣевъ принесъ Горскому пестикъ во вторникъ или среду на 2-й недѣль поста и что Горскій принялъ его отъ кузнеца въ сѣняхъ своей квартиры. Кузнецъ, мѣщанинъ Петръ Алексѣевъ, и сынъ его, Николай, 17 лѣтъ, подтвердили это, объяснивъ, что Горскій самъ приходилъ къ нимъ въ пятницу на 2-й недѣль (23 февраля) заказывать пестикъ и принесъ рисунокъ, по которому и сдѣланъ былъ пестикъ изъ сломаннаго безмѣна и отнесенъ въ Горскому на другой день. Предъявленный комиссіею пестикъ признавъ Семеновымъ и Алексѣевымъ за тотъ самый, о которомъ они говорили въ своихъ показаніяхъ. Горскій, не от-

вергая вполнѣ этого факта, на улики кузнеца утверждалъ, что для упражненія въ гимнастикѣ, онъ дѣйствительно заказалъ по рисунку балластъ съ 2 шишками на концахъ, но кузнецъ отступилъ отъ рисунка, сдѣлалъ на одномъ концѣ шишку болѣе, чѣмъ на другомъ, вслѣдствіе чего, онъ не принялъ балласта.

«5 марта въ слѣдственной комисіи предложены были Горскому вопросы, выясняющіе силу уликъ и несообразность его показаній съ положительными фактами, собранными при слѣдствіи. Горскій пытался еще посредствомъ изворотовъ опровергнуть улики, но 6 марта призналъ, что рядъ убійствъ въ домѣ Жемарина совершенъ имъ, безъ участниковъ, съ цѣлью грабежа.

«По сознанію Горскаго, онъ, чувствуя тяжесть бѣдности, въ которой находилось его семейство, рѣшился ограбить Жемарина и для этого убить все его семейство. Мысль эта возникла за мѣсяцъ до происшествія, обратилась же въ полную рѣшимость съ планомъ привести ее въ исполненіе—болѣе недѣли; съ этою цѣлью онъ укралъ у Ноговикова револьверъ, который былъ кругомъ заряженъ и который онъ предварительно пробовалъ, стрѣляя у себя на кухнѣ, а потомъ заказалъ пестикъ. Болѣе недѣли онъ ходилъ къ Жемарину съ револьверомъ и пестикомъ, выбирая удобное время къ выполненію убійства. 1-го Марта онъ также взялъ съ собою орудія убійства: порохъ, 8 пуль и пестикъ. Послѣ чаю, когда Жемаринъ вышелъ изъ дому, Горскій, занимаясь съ мальчикомъ на учебномъ столѣ, вынулъ изъ кармана пестикъ и нанесъ мальчику ударъ по головѣ, отъ котораго тотъ свалился со

стула; трупъ мальчика Горскій оттащилъ изъ зала въ кабинетъ и еще нанесъ ему пестикомъ нѣсколько ударовъ. Въ это время дома находились въ кухнѣ: мать Жемарина, дворникъ и кухарка, и такъ какъ напасть разомъ на троихъ было опасно, то Горскій рѣшился каждого убить порознь, вызывая ихъ поочередно изъ кухни, съ тѣмъ при томъ расчетомъ, чтобы въ кухнѣ не было ни одного трупа и чтобы жена Жемарина, по возвращеніи, проходя черезъ кухню, не могла видѣть убитыхъ. Сперва Горскій вызвалъ изъ кухни мать Жемарина, подъ предлогомъ кровотечения изъ носу у мальчика; спрятавшись за дверь въ чайной, онъ пропустилъ ее въ залу и, выстрѣливъ сзади, убилъ наповалъ; потомъ позвалъ дворника и, пропустивъ его въ чайную, убилъ также изъ револьвера; въ эту минуту Горскій стоялъ въ дверяхъ, ведущихъ изъ кухни въ чайную, и кухарка была на виду у него, такъ что онъ тутъ же сдѣлалъ по ней два выстрѣла; раненая кухарка выбѣжала изъ кухни на дворъ, но Горскій силою удержалъ ее, и когда она затѣмъ, бросившись бѣжать въ комнаты, споткнулась въ чайной на трупъ дворника, то Горскій добилъ ее пестикомъ; засыпавъ снѣгомъ слѣды крови, оставленные кухаркою на дворѣ, Горскій вошелъ въ залу, зарядилъ револьверъ запасными пулями и сталъ ожидать возвращенія жены Жемарина Марьи Емельяновой. Когда она подѣхала къ дому, Горскій перешелъ въ кухню и черезъ окно увидѣлъ, что Жемарина и горничная замѣтили слѣды крови на снѣгу и разсматривали ихъ; когда же онѣ стали подходить къ двери, Горскій удалился

въ уголь первой половины кухни, пропустилъ мимо себя Же-
марину и, какъ только взялась она за дверь въ чайную,
выстрѣлилъ въ нее, а затѣмъ, обратившись къ горничной,
прицѣлился въ нее, но револьверъ не выстрѣлилъ. По сло-
вамъ Горскаго, горничная не обратила вниманія на выстрѣлъ
и смѣялась, когда онъ прицѣливался, принимая это за шут-
ку; Горскій же, осмотрѣвъ пистолеть и увидѣвъ, что всѣ
заряды выпали, схватилъ лежавшее въ кухнѣ дубовое полѣ-
но и однимъ ударомъ убилъ горничную, а другимъ полѣномъ
убилъ мальчика. Послѣ этого Горскій хотѣлъ снова заря-
дить револьверъ, но барабанъ оказался испорченнымъ, а по-
тому онъ заперъ изнутри заднее крыльцо и, выйдя через пе-
реднее, отправился въ слесарню къ Зейдлицу, который по-
правилъ и зарядилъ револьверъ; тогда Горскій снова воз-
вратился въ домъ Жемарина и тамъ встрѣтилъ кучера съ
нянею, причемъ, по словамъ его, могъ бы ихъ убить, но уже
рука не поднималась. Отсюда онъ возвратился домой, что
было около 7 часовъ, и, пройдя прямо въ свою комнату, пе-
реодѣлся, умылъ лицо и руки, бывшія въ крови, и вытеръ
полотенцемъ кровь на сюртукѣ и штанахъ; револьверъ же,
для избѣжанія подозрѣнія, спряталъ на чердакѣ.

«Револьверъ этотъ при обыскѣ дома Горскихъ не найденъ,
а панталоны, въ которыхъ Горскій совершилъ убійство, хо-
тя отысканы, но, по изслѣдованію, оказались заматыми.
При этомъ изъ показанія семейства Горскаго обнаружено,
что онъ вышелъ изъ дому 1-го марта около 4-хъ часовъ пос-
лѣ обѣда и возвратился около 7 часовъ, причемъ безпорядка
въ платьѣ и никакого волненія въ немъ не замѣчено, толь-

ко по возвращеніи онъ умывался и на вопросъ о томъ, говорилъ, что лицо запачкалъ чернилами. Чиновникъ же Семеновъ показалъ, что 1-го марта видѣлъ Горскаго возвращавшагося домой въ 6 часовъ пополудни, и замѣтилъ въ платьѣ его нѣкоторый безпорядокъ.

По доставленіи этого дѣла къ военному прокурору московскаго военно-окружнаго суда, Витольдъ Горскій измѣнилъ свое сознаніе, объясняя, что преступленіе въ домъ Жемарина совершенно при его содѣйствіи двумя неизвѣстными людьми, съ которыми онъ встрѣтился и сговаривался на преступленіе въ трактиръ «Золотой Якорь», и что въ самомъ совершении убійствъ онъ не принималъ непосредственнаго участія. По показанію этому производимо было тамбовскимъ полиціймейстеромъ дознаніе, но оговоренныя Горскимъ лица не отысканы и неизвѣстны ни содержателю, ни прислугѣ трактира «Золотой Якорь».

«На семь основаніи и въ виду первоначальнаго сознанія Витольда Горскаго въ преступленіи,—сознанія, вполне согласнаго съ обстоятельствами дѣла и обнаруженными при слѣдствіи уликами, при которыхъ представляется лживымъ и самое отрицательство его отъ признанія въ личномъ совершеніи преступленія,—онъ, Витольдъ Горскій, обвиняется въ томъ, что, замысливъ сдѣлать грабежъ въ домъ тамбовскаго купца Жемарина, посредствомъ убійства его семейства и прислуги, предварительно обдумалъ способы къ достиженію своей цѣли, приобрѣлъ необходимыя для убійства орудія и 1-го марта сего года привелъ свой умыселъ въ исполненіе, причемъ убилъ жену Жемарина, Марью, сыновей ихъ,

Ивана и Александра, мать Жемарина, Варвару, и прислугу дома: дворника Константина, горничную Авдотью и кухарку Прасковью, но грабжа не могъ совершить по обстоятельствамъ, отъ него независающимъ. За эти преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя въ 632 и 635 ст. 1 кн. военно-уголовнаго устава; Вигольдъ Горскій, по Высочайшему повелѣнію, преданъ суду по полевому военно-уголовному уложенію.

Подсудимый Горскій призналъ себя виновнымъ и разсказалъ, что онъ хорошо не помнитъ время, когда у него въ первый разъ явилась мысль совершить преступленіе; револьверъ добылъ онъ отъ Ноговикова во время масляницы, а пестикъ дѣлалъ ему по заказу кузнецъ на второй недѣлѣ великаго поста. Подсудимый съ недѣлю собирался привести свое намѣреніе въ исполненіе и наконецъ 1 марта рѣшился совершить преступленіе. Когда онъ занимался съ сыномъ Жемариномъ, послѣдній пригласилъ его пить чай и въ это время подсудимый дѣйствительно показалъ Жемарину дѣтскій пистолетъ, изъ котораго тотъ нѣсколько разъ выстрѣлилъ; но пистолетъ этотъ былъ принесенъ безъ всякой цѣли. По возвращеніи послѣ чая въ залъ для занятій, подсудимый, какъ только ушелъ самъ Жемаринъ изъ дому, приступилъ къ исполненію начатаго преступленія и убилъ сына Жемарина, своего ученика, принесеннымъ съ собою пестикомъ. Въ это время совѣсть заговорила въ немъ и онъ не хотѣлъ продолжать задуманнаго имъ преступленія; всталъ цалто и думалъ уйдти, но опасеніе, что подозрѣніе въ этомъ преступленіи падеть на него и боязнь наказанія пересилили его совѣсть, — онъ отнесъ трупъ ребенка въ кабинетъ и тамъ

нанесть ему еще нѣсколько ударовъ пестикомъ по головѣ. Потомъ онъ вызвалъ мать Жемарина подъ предлогомъ кровотечения изъ носа своего ученика и, пропустивъ ее черезъ корридоръ, выстрѣдилъ въ нее сзади и сразу убилъ. Затѣмъ онъ позвалъ изъ кухни въ чайную дворника, а кухарка осталась въ кухнѣ; онъ выстрѣдилъ въ дворника и кухарку, вѣроятно, видѣла это, такъ какъ дверь изъ кухни осталась отворенною; вслѣдъ за этимъ онъ немедленно сдѣлалъ два выстрѣла въ кухарку, но не убилъ ее; она бросилась бѣжать на дверь, но подсудимый успѣлъ воротить ее; она опять вырвалась отъ него и побѣжала въ чайную и тутъ, споткнувшись на друнѣ дворника, упала, — подсудимый добилъ ее окончательно пестикомъ. Придя въ залу, подсудимый только что успѣлъ зарядить револьверъ бывшими при немъ пулями, какъ пріѣхала жена Жемарина съ меньшимъ сыномъ, горничной и кучеромъ. Совершивъ четыре убійства, подсудимый не хотѣлъ идти дальше въ своемъ преступленіи, но пріѣздъ Жемариной поневолѣ заставилъ его продолжать начатое преступленіе. Въ кухнѣ изъ окна онъ видѣлъ какъ горничная и Жемарина разсматривали слѣды крови у крыльца; онъ сталъ къ углу правой половины кухни, пропустилъ мимо себя горничную, которая и не замѣтила его, и когда Жемарина только что взялась рукою за ручку двери въ чайную комнату, онъ выстрѣдилъ въ нее; потомъ прицѣлился въ горничную, но револьверъ осѣкся; подсудимый, находясь въ затруднительномъ положеніи, за неимѣніемъ никакого другаго орудія, схватилъ лежащее тутъ дубовое полѣно и убилъ имъ горничную; затѣмъ другимъ полѣномъ нанесть ударъ меньшему сыну Же-

марина. Послѣ этого онъ хотѣлъ зарядить револьверъ, но онъ оказался испорченнымъ и потому подсудимый отправился въ слесарню; проходя черезъ дворъ онъ видѣлъ кучера, распрягавшаго лошадей, но тотъ его не замѣтилъ. Исправивъ и зарядивъ въ слесарнѣ пистолетъ, онъ возвратился опять къ дому Жемарина, чтобы убить остальныхъ лицъ, но уже не могъ на это рѣшиться,—рука у него не поднималась. Около двери въ кухню, на дворѣ, онъ увидѣлъ кучера и няньку, которые указали ему кровь около двери и башмакъ кухарки, но онъ имъ ничего на это не сказалъ; показанія ихъ, что будто онъ сказалъ имъ, что встрѣтилъ Жемарина и слышалъ отъ него о какомъ-то несчастіи, подсудимый признаетъ ложными. Подсудимый хотя и бывалъ у Жемариныхъ каждый день, но кромѣ убійства не видѣлъ другаго средства совершить задуманный имъ грабежъ. Почему, совершивъ убійство, ничего не взялъ—объяснить этого теперь не можетъ. Пестикъ забылъ у Жемарина по разсѣянности.

Прокуроръ требовалъ, въ виду важности дѣла, произвести судебное слѣдствіе, несмотря на сознаніе подсудимаго, тѣмъ болѣе, что въ своемъ сознаніи подсудимый не выяснилъ, почему онъ не совершилъ грабежа и отказался отъ убійства кучера, няньки и самого Жемарина, и, наконецъ, онъ отвергаетъ показанія дворника и няньки о разговорѣ съ нимъ; по всѣмъ этимъ основаніямъ, и еще для того, чтобъ ему свободнѣе высказать свое заключеніе по всей строгости полевыхъ военныхъ законовъ, онъ проситъ произвести судебное слѣдствіе.

Защитникъ просилъ судъ, на основаніи 746 ст. воен. суд. уст., перейти къ заключительнымъ преніямъ, не производя судебного слѣдствія.

Судъ постановилъ приступить къ судебному слѣдствію. Подсудимый, на дальнѣйшіе вопросы предсѣдателя, объяснилъ, что пули онъ не укралъ, а ему далъ ихъ сынъ Мейснера; дѣтскій пистолетъ при есь къ Жемаринымъ 1 марта въ первый разъ, безъ всякой цѣли; не привелъ своего намѣренія относительно убійства кучера и няньки въ исполненіе потому, что душевное расстройство не позволило ему, въ конюшню ихъ онъ не звалъ, а они жаловались на холодъ, и онъ имъ сказалъ: ступайте въ конюшню, тамъ сядьте на сѣно и согрѣйтесь. Второе показаніе свое относительно совершенія убійства двумя неизвѣстными людьми подсудимый теперь признаетъ ложнымъ; сдѣлалъ онъ его по наущенію со держащагося въ секретной арестантѣ Егорова; когда подсудимый узналъ, что онъ преданъ полемому суду, то Егоровъ посовѣтовалъ ему дать показаніе о соучастникахъ и свалить всю вину на нихъ говоря что, вслѣдствіе этого, полевой судъ уменьшить наказаніе. О преданіи себя полемому суду подсудимый узналъ отъ Егорова, въ субботу на страстной недѣлѣ; познакомился онъ съ Егоровымъ въ церкви и послѣ по цѣлымъ днямъ разговаривалъ съ нимъ черезъ окно въ дверяхъ камеры, которая находилась противъ камеры Егорова; часовой разговаривать не запрещалъ, а при проходѣ караульнаго офицера они не разговаривали.

Послѣ осмотра плана дома Жемарина были прочтены акты осмотра дома Жемарина и квартиры Горскаго. Затѣмъ были предъявлены слѣдующія вещественныя доказательства:

а) Взятая въ домъ Жемарина,

1) Столикъ крашеиый, высоту 1 арш. $\frac{3}{4}$ верш., длиною $13\frac{1}{2}$ верш., шириною $10\frac{1}{2}$ верш.; отъ низу на высоту $8\frac{1}{4}$ верш.—полга; слѣды крови на самомъ столѣ съ той стороны, гдѣ сидѣлъ сынъ Жемарина, и на краю полки; 2) дубовое полѣно, колотое, высушенное, съ частью коры и съ сгнившей сердцевинной; длины 14 верш., вѣсу $3\frac{1}{2}$ ф., толщина въ окружности окрѣвавленнаго 4 сторонняго конца $5\frac{1}{2}$ верш.; самые дальнѣе слѣды крови на 5 верш. отъ окрѣвавленнаго конца по длинѣ полѣна; 3) дубовое полѣно безъ коры, высушенное, длиною 10 верш., вѣсу $1\frac{1}{2}$ ф.; окружность окрѣвавленнаго конца $4\frac{1}{2}$ верш.; конецъ со всѣхъ сторонъ окрѣвавленъ на 4 верш. по длинѣ полѣна.

Посудимый первое полѣно призналъ за то самое, которымъ онъ билъ горничную, а второе—за то, которымъ онъ убилъ маленькаго сына Жемарина.

4) Аспидная доска, длины 6 веш., ширины $3\frac{3}{4}$ верш., съ отшибленнымъ угломъ; на доскѣ пятна крови; при ней окрѣвавленный грифель.

Прокуроръ заявилъ, что членами слѣдственной комисіи было обращено вниманіе на то, что послѣдняя цифра, написанная на доскѣ, «6», имѣетъ хвостикъ сдѣланный какъ будто бы отдернутою рукою; и, на этомъ основаніи, они полагаютъ, что убійство мальчика совершенно было неожиданно для него, въ то время, когда онъ занимался.

Подсудимый. Я признался, что убилъ мальчика и потому все равно сказать—такъ или иначе я его убилъ, но я чистосердечно говорю, что въ то время, когда я его ударилъ онъ не занимался, а, сидя, смотрѣлъ на дворъ въ окно,

около котораго стоялъ столикъ; я сидѣлъ около него съ лѣвой стороны; послѣднія наши занятія состояли въ томъ, что я вписывалъ въ его тетрадку ариѳметическія задачи; предъ нимъ лежала доска; лежалъ-ли грифель на столѣ или былъ у него въ рукѣ—я не помню; ударъ былъ сдѣланъ неожиданно для мальчика.

5) Желѣзный вѣстень, длины $6\frac{1}{2}$ верш., вѣсу $1\frac{1}{2}$ ф., толстый круглый конецъ его въ крови, съ прилипшимъ волоскомъ; 6) австрійскій смятый пистонъ, найденный въ залѣ на полу, и 3 куска свинца и свинцовые обрѣзки, найденные на столѣ, гдѣ Горскій занялся съ сыномъ Жемарина; 7) вынутыя изъ убитыхъ: матери Жемарина, жены его, дворника и кухарки, 4 пули.

Подсудимый, на вопросъ предсѣдателя: тѣ-ли это самыя пули, которыми онъ стрѣлялъ?—отвѣчалъ: «форма ихъ измѣнена, и потому узнать невозможно, но такъ какъ преступленіе совершилъ я одинъ, то, значитъ, пули тѣ самыя.»

в) Вещи, взятыя изъ комнаты Витольда Горскаго: 8) дѣтскій свинцовый пистолетъ для стрѣльбы бумажными пистонами.

9) Коробка съ бумажными розовыми пистонами.

Подсудимый показалъ, что какъ бумажные пистоны, какъ и самый пистолетикъ, подарены ему сыномъ Мейснера.

10) 9 золотниковъ шлифованнаго пороха въ бумажномъ склеенномъ мѣшечкѣ.

Подсудимый показалъ, что порохъ этотъ онъ приносилъ въ день совершенія преступленія въ домъ Жемарина и въ слесарную и что купилъ его въ мелочной лавочкѣ Лоскутова, послѣ приобрѣтенія револьвера.

11) Бумажная коробка съ порохоми, пушеннымъ, какъ показалъ подсудимый, въ годъ тому назадъ; 12) пороховница жестяная; 13) жестяная коробка съ пулями и дробью.

Подсудимый показалъ, что пули съ порохоми для стрельбы изъ ружья онъ покупалъ прежде у солдатъ въ Тамбовѣ, а также бралъ ихъ у своего товарища Неговникова.

14) Круглая жестяная коробка съ дробью.

Подсудимый объяснилъ, что этою дробью онъ стрѣлялъ изъ ружья на охотѣ.

15) Желѣзная коробка съ остатками и обрѣзками свинца.

Подсудимый объяснилъ, что эти кусочки у него остались отъ того свинца, который онъ расплавлялъ года 2 назадъ, когда придѣлывалъ свинцовую головку къ шомполу.

16) Платье Горскаго: пальто, брюки, сюртукъ, правый рукавъ котораго вырѣзанъ въ медицинскомъ департаментѣ для химико-микроскопическаго изслѣдованія пятенъ крови, находящихся на этомъ рукавѣ, — калоши и сапоги; на лѣвои сапогѣ замѣчено было 10 кровавыхъ брызгъ; подошвы сапогъ въ крови.

Подсудимый, признавъ все платье, исключая брюкъ, за то самое, въ которомъ онъ былъ въ день совершенія преступленія, показалъ, что когда онъ оттащилъ трупъ своего ученика въ кабинетъ и нанесъ ему еще нѣсколько ударовъ кистенемъ, то въ это время кровь брызнула ему на сапоги; подошвы же запачканы были имъ въ крови или 2-го марта, когда онъ былъ вызванъ въ домъ Жемарина, гдѣ, по всей вѣроятности, наступилъ на кровь, или, можетъ быть, около стола, за которымъ онъ убилъ своего ученика.

Послѣ этого было приступлено къ спросу свидѣтелей.

Купецъ Жемаринъ, вслѣдствіе сильнаго волненія, во время своего показанія нѣсколько разъ садился на скамью и послѣ 2—3 минутнаго отдыха снова продолжалъ свое показаніе и предѣдатель дозволилъ ему отвѣчать сидя.

Купецъ Жемаринъ безъ присяги показалъ, что 1 марта въ 9¹/₂, или 9¹/₂ часовъ пришелъ онъ къ себѣ на дворъ и видя, что окна уже закрыты и въ домѣ огня нѣтъ, подумалъ, что семейные его легли спать и потому заперъ ворота на задвижку. Затѣмъ, подойдя къ заднему крыльцу, черезъ которое свидѣтель обыкновенно ходилъ, онъ началъ стучать въ дверь, оказавшуюся запертою, но на стукъ его никто не отозвался; прошло съ четверть часа. Вслѣдствіе робости или душевнаго предчувствія свидѣтель бросился къ воротамъ, чтобы позвать караульнаго; тутъ онъ встрѣтилъ шедшихъ во дворъ полицейскаго чиновника, солдатъ, вяньку и гучера. Когда онъ спросилъ послѣднихъ, почему заднее крыльцо заперто, они отвѣчали, что и сами удивляются этому, что часа два стучались въ дверь и не получили никакого отвѣта и потому пошли въ часть сказать, что въ домѣ неблагополучно. Тогда свидѣтель предложилъ ломать переднюю дверь, но она оказалась уже отпертою съ крючка; свидѣтель бросился къ двери, полиція просила его не входить въ домъ; пока не будетъ зажженъ огонь, но онъ не послушался и бросился въ комнату, гдѣ сейчасъ же наткнулся на трупъ, оказавшійся потомъ его матери; свидѣтель закричалъ «убиты!» и кинулся по корридорѣ въ столовую и чайную искать своихъ домашнихъ, но не нашелъ ихъ и упалъ въ обморокъ. Свидѣтель

не помнить, черезъ сколько времени принесли огонь, и онъ, очнувшись, увидѣлъ еще два мертвыхъ тѣла — дворника и кухарки; собравшись съ силами, онъ бросился искать свое семейство, вошелъ въ кухню и увидѣлъ, что жена его сидитъ мертвая, сестры ея уже застыли, а 4-лѣтній сынъ, одѣтый въ шубку, плачетъ въ крови, стонетъ; свидѣтель схватилъ его, сталъ растегивать шубку, прижалъ его къ себѣ и потащилъ въ дѣтскую; онъ надѣялся, что спасетъ хоть его, что хоть это дитя будетъ ему утѣшеніемъ, но тамъ онъ увидѣлъ трупъ матери, на который прежде наткнулся; бросился въ кабинетъ, тамъ на полу лежалъ весь изуродованный закоченѣлый трупъ старшаго сына. Когда пріѣхали доктора, свидѣтель просилъ ихъ спасти младшаго сына. Затѣмъ явился начальникъ губерніи, приказалъ составить слѣдственную комиссію, и спросилъ свидѣтеля на кого онъ имѣетъ подозрѣніе. «Я прямо указалъ на этого злодѣя» (*указываетъ на Горскаго, который во все время показанія Жемарина смотритъ въ противоположную сторону отъ него*): На вопросъ начальника губерніи, какія онъ имѣетъ данныя въ доказательство справедливости своего подозрѣнія; свидѣтель указалъ все то, что значитъ въ первоначальномъ его объясненіи, и просилъ принять мѣры къ аресту какъ Горскаго, такъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, на которыхъ онъ указалъ въ то время.

Спрошенный прокуроромъ, Жемаринъ показалъ, что онъ принялъ Горскаго въ свой домъ въ качествѣ учителя, вследствие рекомендаціи о немъ, какъ о хорошемъ воспитанникѣ и учителѣ гимназіи Левицкаго. Свидѣтель не помнить въ на-

стоящее время, спрашивалъ-ли онъ о его нравственности. Платилъ онъ Горскому сперва 5 руб., а потомъ 6 руб. въ мѣсяць, за что Горскій долженъ былъ заниматься по часу ежедневно; онъ ходилъ на уроки аккуратно, очень рѣдко пропускалъ, иногда заходилъ, по приглашенію свидѣтеля, и не для занятій, но очень рѣдко, — случалось, что онъ не заставлялъ семейство дома. Горскаго свидѣтель уважалъ, чтобы тѣмъ самымъ побудить его заниматься хорошенько съ смысломъ, но у жены было противъ него какое-то предубѣжденіе, тайное предчувствіе. До послѣдняго времени свидѣтель не имѣлъ на подсудимаго неудовольствія и не замѣчалъ, чтобы онъ былъ недоволенъ.

Сынъ свидѣтеля ходилъ въ гимназію; онъ его не спрашивалъ, хорошо-ли Горскій занимается съ нимъ. Были-ли какія нибудь непріятности и ссоры между учителемъ и ученикомъ — свидѣтель не знаетъ; сынъ никогда не жаловался на учителя, изрѣдка только говорилъ, что Горскій иногда дерзко что нибудь говорить ему, но чтобы онъ билъ его, этого никогда не было. Горскій съ своей стороны также не жаловался на своего ученика. Этотъ пистолетикъ (*указываетъ на дѣтскій пистолетъ*) свидѣтель въ первый разъ увидѣлъ 1 марта, а до этого времени ничего не слышалъ о немъ. Когда сѣли въ этотъ день пить чай четверомъ — свидѣтель, его мать, старшій сынъ и Горскій, — послѣдній вдругъ вынулъ изъ кармана пистолетикъ, и спросилъ: «что, вы видѣли такой пистолетъ?» и сдѣлалъ на пробу выстрѣлъ изъ него. Свидѣтель никогда не видалъ подобнаго пистолетика, вынулъ изъ за стола, выстрѣлилъ нѣсколько разъ изъ пи-

столетника Горскаго, что сдѣлалъ также и сынъ его. Мать свидѣтеля сказала тогда: «перестаньте, не пугайте пожалуйста», и рассказала при этомъ одинъ случай, какъ кто-то шалилъ, шалилъ пистолетомъ, да и застрѣлился. Свидѣтель отдалъ пистолетъ Горскому, тѣмъ дѣло и кончилось. Звукъ отъ выстрѣла этого пистолетника громскій, почти какъ отъ настоящаго пистолета. Слышали ли кухарка и дворникъ эти выстрѣлы и выходилъ ли свидѣтель съ пистолетникомъ въ кухню—онъ не помнитъ. Горскій въ этотъ день пришелъ на урокъ въ 4 часа, чай пили около 5 часовъ; послѣ чаю учитель съ ученикомъ пошли доканчивать ученье; свидѣтель отправился въ городъ, а его мать осталась въ столовой. Жена свидѣтеля въ этотъ день поѣхала въ монастырь совершенно случайно, безъ всякаго къ этому приготовленія. Въ 3 часа свидѣтель велѣлъ заложить лошадей и сказалъ женѣ и дѣтямъ: «ступайте, прокатайтесь», но старшій сынъ не захотѣлъ ѣхать, потому что ему надо было заняться уроками изъ какихъ-то предметовъ. Свидѣтель поругалъ его и велѣлъ ему ѣхать, но жена сказала: «зачѣмъ къ нему приставать, если онъ не хочетъ ѣхать, я поѣду въ монастырь». Прислать за собой въ монастырь лошадей она велѣла въ 5 часовъ; свидѣтель зналъ, что воротится она могла и не въ 6 часу, а позже, напримѣръ часовъ въ 9. О времени возвращенія жены Гереній во время чая не спрашивалъ и вообще объ этомъ не было никогда разговора. Взяла ли жена съ собою ключи отъ комода, свидѣтель не знаетъ, но обыкновенно ключи находились постоянно при ней; если она ихъ и оставляла дома, то очень рѣдко, меннае какъ по забывчивости. Когда сви-

дѣтель вечеромъ возвратился домой, то ключи были въ комодѣ, ящикъ изъ котораго на вершокъ былъ выдвинутъ; кто могъ выдвинуть его, свидѣтель объяснить не можетъ: жена его была аккуратна и всегда заперала комодъ; впрочемъ, въ этотъ разъ она можетъ быть не сочла нужнымъ запереть его, такъ какъ не знала, что свидѣль намѣренъ уйти со двора. Въ комодѣ хранились лишнія деньги, жемчугъ, брилліанты. Вещи эти, стоившія 5,000 р., разложены были въ коробочкахъ, а деньги, которыхъ оставалось въ то время 1,500 руб. вмѣстѣ съ другими документами, были завязаны въ платокъ. Что деньги хранятся въ комодѣ, въ платкѣ Горскій не могъ знать, потому, что онѣ при немъ никогда не показывались; драгоценныя вещи Горскій видѣлъ, когда жена надѣвала ихъ. Женаты свидѣтель 14 лѣтъ; съ женою жилъ очень согласно; имѣлъ 4 дѣтей, изъ коихъ двое умерло прежде. Старшій сынъ, какъ всѣмъ извѣстно, былъ очень хорошъ; младшій былъ рѣзвъ не по лѣтамъ; онъ 4 лѣтъ читалъ самъ азбуку, былъ чрезвычайно рѣзвъ. Дворникъ жилъ года 4, кучеръ поступилъ передъ Масляницей; кухарка жила у свидѣтеля 3 раза; въ послѣдній разъ пробыла не менѣе 1/2 г.; няня поступила еще при кормилицѣ меньшаго сына, слѣдовательно, года 4 тому назадъ. Свидѣтель зналъ, что кухарка беременна; зналъ ли это Горскій, сказать не можетъ, но положеніе ея было очень замѣтно для глазъ. Мать свидѣтеля постоянно жила съ нимъ. Свидѣтель дѣйствительно писалъ въ «Сынѣ Отечества» статью, въ которой выражалъ мысль, что преступленіе это совершено съ политическою цѣлью, но въ подтвержденіе этого

мнѣнія положительныхъ фактовъ свидѣтель представлять не можетъ и основывался въ этомъ случаѣ на слѣдующихъ предположеніяхъ: во-первыхъ на томъ, что ограбить Горскій могъ, не убивая 7 человекъ, такъ какъ свидѣтель убѣждаетъ иногда изъ города, жена его лѣтомъ тоже часто убѣждаетъ, дома остается одна мать; въ это время ему удобнѣе было бы обокрасть: лучше напасть на одного, на двухъ, чѣмъ на десятерыхъ; во-вторыхъ на томъ, что, имѣя возможность украсть послѣ совѣшенія преступленія, онъ все-таки ничего не укралъ, наконецъ, въ третьихъ, на томъ крайнемъ хладнокровіи, съ которымъ онъ дѣйствовалъ во время совершенія преступленія: онъ отправился въ слесарную, зарядилъ тамъ револьверъ и опять спокойно пришелъ на дворъ; между тѣмъ, въ это время свидѣтель могъ возвратиться домой, увидѣть все случившееся, позвать полицію; но онъ не обратилъ на все это никакого вниманія, и пришелъ на мѣсто преступленія; слѣдовательно, у него была рѣшительная мысль убить всѣхъ; онъ былъ такъ дерзокъ и смѣлъ, что рѣшился совершить ужасное преступленіе въ домѣ, который соприкасается съ 8 улицами, близъ котораго находится церковь, откуда вечеромъ, постомъ, постоянно идетъ народъ; онъ не затруднился и тѣмъ обстоятельствомъ, что у свидѣтеля бываетъ много посѣтителей; можетъ быть даже и въ тотъ вечеръ кто нибудь былъ, но увидѣвъ, что дверь заперта, постучалъ и ушелъ. Отъ Горскаго свидѣтель ничего не слышалъ такого, чтобы могло характеризовать его какъ поляка, потому что обыкновенно онъ разговаривалъ съ нимъ о дѣлахъ, касающихся сына, а не о постороннихъ предметахъ. Мнѣніе;

высказанное свидѣтелемъ въ газетной статьѣ, что Горскій воспринимался подъ вліяніемъ поляковъ, есть только его предположеніе, основанное во первыхъ на томъ, что онъ безбожникъ—человѣкъ безъ религіи, а это свидѣтель приписываетъ польскому воспитанію и, во-вторыхъ, что онъ дѣйствовалъ согласно съ своимъ катехизисомъ, изданнымъ во время послѣдняго польскаго возстанія. Если-бы свидѣтель зналъ прежде, что онъ не признаетъ Бога, онъ прогналъ бы его. Съ родителями Горскаго онъ не былъ знакомъ. Заявленіе свое, что отецъ Горскаго высланъ изъ сѣверо-западнаго края свидѣтель основывалъ на однихъ слухахъ.

Прокуроръ объяснилъ, что по собраннымъ имъ справкамъ черезъ тамбовскаго полиціймейстера оказывается, что отецъ Горскаго въ 1848 г. вышелъ въ отставку изъ виленскаго губернскаго правленія и черезъ 4 мѣсяца опредѣленъ на службу въ губернское правленіе въ Тамбовѣ, а изъ этого можно заключить, что отецъ подсудимаго вовсе не былъ высланъ въ Тамбовъ подъ надзоръ полиціи.

Жемаринъ, спрошенный защитникомъ, показалъ, что онъ подозрѣваетъ, что Горскій приносилъ нистолетикъ для того, чтобы приучить домашнихъ къ выстрѣламъ, чтобы въ то время, когда онъ будетъ стрѣлять изъ револьвера, другіе, услыхавъ выстрѣлъ, не разбѣжались. До этого времени свидѣтель никогда не видѣлъ этого нистолетика. Ключи жена могла забыть дома. Въ послѣднее время сынъ сказалъ свидѣтелю, что, по случаю приближающихся экзаменовъ, въ скоромъ времени Горскому, вѣроятно, некогда будетъ заниматься съ нимъ; свидѣтель отвѣтилъ на это, что тогда онъ

другаго учителя найметъ. — На вопросы прокурора, свидетель показалъ, что черезъ переднее крыльцо трудно выйти къ воротамъ незамѣченнымъ изъ конюшни. Заложить лошадей для жены свидетель приказалъ черезъ торничную.

Кромѣ этого, Жемаринъ просилъ позволенія сказать нѣсколько словъ по поводу его заявленія следственной комисіи объ арестованіи семейства Горюхиныхъ; но судья отказалъ ему въ этомъ, потому что это касается не не самого преступника, а до его семейства. Еще Жемаринъ просилъ о дозволеніи получить копию со всего настоящаго дѣла; но судья отказалъ ему въ этомъ, потому что онъ не гражданскій истецъ, и что онъ можетъ обратиться съ подобной просьбой къ начальнику губерніи, къ которому впоследствии поступить настоящей дѣло.

Подсудимый возразилъ, что политической цѣли въ убійствѣ онъ вовсе не имѣлъ; онъ родился въ Тамбовѣ, польскаго языка почти не знаетъ; онъ врагъ поляковъ, потому что во время мятежа отцу его не давали мѣста.

Бильдеизъ, кучеръ Жемарина, спрошенный безъ присяги, какъ лицо, которое Горскій имѣлъ намѣреніе убить, показалъ, что онъ привезъ барыню часовъ въ 6; она пошла въ комнаты, а онъ сталъ убирать лошадей; послѣ этого пошелъ въ кухню, но дверь нашелъ запертою, тутъ онъ замѣтилъ на снѣгу около двери кровь. Свидетель, не обративъ на это вниманія, пошелъ за ворота въ лавку и тамъ рассказалъ что хозяева на него разсердились и не хотѣли пускать его домой. Вскоръ вернулась нянюшка изъ церкви и свидетель вмѣстѣ съ ней вошелъ во дворъ; здѣсь, у порога, у кото-

рага была кровь, они увидѣли кухаркинъ башмакъ; тогда они стали подозрѣвать, что причиною крови и того, что дверь въ кухню заперта, были обстоятельства кухарки. Няня постучалась въ кухню, но такъ, какъ дверь никто не отворилъ, то они отошли отъ двери и стали разсматривать засыпанную свѣжимъ снѣгомъ кровь, къ нимъ въ это время подошелъ Горскій; они показали ему кровь и затѣмъ всѣ трое заглянули въ окно, но было уже темно и потому они не могли разсмотрѣть, что такое въ комнатахъ случилось; видно было только, что горничная лежитъ въ платьѣ, но они знали, что когда она угоритъ, то гдѣ ляжетъ, тамъ и лежитъ цѣлые сутки и хозяйка ее не тревожили. Свидѣтель сказалъ, что у него ноги озябли; «пойдите въ конюшню», отвѣчалъ на это Горскій, «въ ней тепло, тамъ мы дождемся Жемарина». «Зачѣмъ идти въ конюшню, когда лошади уже убраны и конюшня заперта», сказалъ свидѣтель, «лучше поидемте въ лавку». Свидѣтель съ нянькой просидѣли въ лавкѣ, онъ ходилъ затворять ставни, и видѣлъ, что въ это время Горскій все вертѣлся у угла, — потомъ вернулся въ лавку и вмѣстѣ съ нянюшкой и лавочникомъ пошелъ посмотреть, не зажгли ли хозяйка огонь, отворилъ одну-другую ставню, но огня нѣтъ какъ нѣтъ; нянька говоритъ, чтобы сходить къ Каменскому, узнать, нѣтъ ли тамъ барыни съ дѣтьми. Свидѣтель сходилъ туда, но и тамъ барыни не нашелъ. Тогда они отправились въ часть, воротились оттуда съ полицейскими и стали стучать въ ворота. Жемаринъ отворилъ; когда они сказали, что уже больше двухъ часовъ ждутъ его и что ихъ не пускаютъ въ домъ, Жемаринъ отвѣтилъ, что его

самого тоже, неизвестно почему, не пускали в дом; и что онъ удивляется, почему въ окнахъ не видно огня. Только что онъ тронулся за парадную дверь, она сейчасъ же открылась, хотя ходу черезъ нее никогда не было; его не пустили въ комнаты въ потьмахъ, но онъ бросился туда, нагнулся на трупъ матери и закричалъ. — Сиротенный прокуроромъ, свидѣтель показалъ, что барыня приказала пріѣхать за ней въ монастырь въ 5 часовъ, и что беременность кучарки была очень замѣтна.

Подсудимый возразилъ, что онъ не можетъ приближить смотрѣль къ окну, но и отрицать этого тоже не можетъ; вообще же показаніе свидѣтеля справедливо.

Кулешова, няня Жемарина, сиротенная безъ пріянги по той же причинѣ какъ и кучеръ, во всемъ показала согласно съ нимъ и, кромѣ того, прибавила, что Горскій, когда они его встрѣтили на дворѣ, передалъ имъ, что онъ видѣлъ Жемарина, который будто бы сказалъ ему, что у него случилось какое-то несчастіе и послалъ его сходить въ свой домъ; на вопросъ же ея: гдѣ Иванъ Сергѣевичъ (Жемаринъ)? Горскій отвѣчалъ, что онъ пошелъ за чѣмъ-то на базаръ. *(На очной ставкѣ это обстоятельство подтверждено кучеромъ Билдепомъ)*. — Сиротенная прокуроромъ, Кулешова показала, что изъ церкви она возвратилась часовъ въ 8; хотя было уже темно, но кровль на дворѣ можно было рассмотреть; когда она подходила къ двери, то слышала стонъ, который приняла за крикъ новорожденного ребенка кучарки; человѣческаго слѣдовъ незамѣтно было. Ключи отъ комода барыни имѣла всегда при себѣ, даже когда по-

жилая пснать; отъ сундуковъ была другая связка ключей, которая обыкновенно лежала въ комодѣ. Барыня найдена была въ сидячемъ положеніи, одна нога протянута, другая поджата; въ платьѣ у ней былъ карманъ только съ одной правой стороны; былъ ли прикрытъ тѣломъ, или свободенъ карманъ — свидетельница не замѣтила; потому что ужъ не до того ей было, чтобы обращать вниманіе на такую мелочь. Горскаго видела рѣдко; въ день совершенія преступленія она его совсѣмъ-бы не видѣла, если-бы охъ не подошла къ крыльцу въ то время, когда они съ кучеромъ разсматривали кровь. — «Это была просто настоящая бойница, какъ Господь имѣлъ терпѣніе, кровь вездѣ валила, всѣ избиты, живаго нѣстечка нѣтъ!» такъ закончила свое показаніе Кудешова.

Подсудимый заявилъ, что не помнитъ, говорилъ ли, что слышалъ отъ Жемарина о случившемся несчастіи; но если и говорилъ подобную чепуху, то это доказываетъ только, что онъ былъ въ это время сильно разстроенъ.

Акулина Коренева, кухарка Горскихъ, подъ присягой показала, что Горскій въ кухнѣ два раза дѣлалъ по одному выстрѣлу изъ револьвера въ стѣну, изъ которой потомъ вынималъ дуди. Изъ родныхъ его въ кухнѣ тогда никого не было. Звукъ отъ выстрѣла былъ не сильный. Она не замѣчала, чтобы Горскій шалить дома; уходилъ онъ изъ дома, всегда немедленно послѣ обѣда. Поздно ли возвращался онъ, свидетельница не знаетъ, потому что въ горнищу можно пройти не заходя въ кухню; ссоръ между Горскимъ и его родными она тоже не замѣчала. Между собою они говорили по-своему, по-польски, а съ нею по-русски.

Подсудимый объяснилъ, что стрѣлялъ онъ въ кухнѣ потому, что досталъ револьверъ заряженнымъ, и хотѣлъ испробовать; выстрѣлить имъ онъ; послѣ еще онъ стрѣлялъ такъ, безъ всякой причины; пули вынималъ и хотя онъ были уже немного измѣнены послѣ выстрѣла, но ими еще можно было опять стрѣлять.

Коллежскій секретарь Семеновъ, принимавшій присягу при предварительномъ слѣдствіи, показалъ, что Горскаго онъ видѣлъ каждый день, когда тотъ уходилъ въ гимназію, такъ какъ Горскій съ родными квартировалъ въ домѣ у его отца. 1 марта свидѣтель видѣлъ, какъ онъ вечеромъ возвращался домой; это было около 6½ часовъ. Одѣтъ онъ былъ въ пальто на лѣвый рукавъ, правое плечо было немного поднято; прежде онъ ходилъ всегда одѣвшись въ оба рукава. Далѣе свидѣтель, указавъ на желѣзный пестъ, продолжалъ: это тотъ самый толкачъ, который сдѣлалъ Горскому кузнецъ. Свидѣтель знаетъ это потому, что кузнецъ, въ это же время, когда принесъ свидѣтелю косарь, принесъ Горскому и толкачъ, сдѣланный имъ, какъ самъ онъ сказалъ, по формѣ, нарисованной на бумагѣ Горскимъ, для гимнастическихъ упражненій. Ходилъ Горскій въ гимназію часу въ 9-мъ; чтобы онъ маневрировалъ классами, свидѣтель не замѣчалъ. Точно также онъ никогда не видѣлъ, чтобы Горскій возвращался домой поздно, кромѣ того раза, когда кузнецъ принесъ ему толкачъ, это было около 8 часовъ вечера. Съ Горскимъ свидѣтель коротко знакомъ не былъ, а послѣдніе 1½ года совсѣмъ съ нимъ не говорилъ; причиною этому было то, что маленькій братъ Горскаго, Людвигъ, шая, взялъ у свидѣ-

теля небольшой охотничий арапникъ, и такъ какъ онъ не хотѣлъ возвратитъ его, то свидѣтель обратился къ старшему Горскому, но, не получивши и чрезъ него арапника, рѣшился не говорить съ нимъ; арапникъ лежалъ въ конюшнѣ, которая не запиралась; когда бралъ его Людвигъ, онъ не видѣлъ. Свидѣтель зналъ, что Горскій имѣетъ ружье и ходилъ на охоту, но удачно ли онъ охотился, ему неизвѣстно, потому что онъ ни разу не былъ съ нимъ на охотѣ. Въ домѣ отца свидѣтеля Горскіе живутъ 2 года; деньги за квартиру отдавалъ отецъ всегда аккуратно; бѣдности у нихъ не замѣчалъ. 1 марта, когда Горскій возвращался домой, свидѣтель лица его не видалъ и беспорядка въ одеждѣ не замѣтилъ.

Подсудимый объяснилъ, что онъ постоянно носилъ пальто въ оба рукава, но когда возвращался изъ слесарни оно было надѣто на одинъ лѣвый рукавъ для того, чтобы правая рука, въ которой былъ револьверъ, была по свободнѣе, такъ какъ онъ шелъ въ домъ Жемарна съ цѣлью продолжать убійства, а раздѣваться не имѣлъ намѣренія.

Буянецъ мльщанинъ Петръ Алексѣевъ, принимавшій присягу на предварительномъ слѣдствіи, показавъ, что на второй недѣлѣ великаго поста, въ пятницу, ночью вечеръ приходилъ къ нему Горскій и спросилъ его, можетъ ли онъ сдѣлать ему одну вещь, показалъ рисунокъ, и спросилъ скоро ли будетъ готово; свидѣтель взялся сдѣлать къ вечеру, Горскій хотѣлъ зайти самъ, но не пришелъ. Свидѣтель, имѣя нужду въ деньгахъ и узнавъ отъ сына, что Горскій живетъ въ домѣ Семенова, понесъ ему пестикъ и, кстати, захватилъ

съ собою и косарь Семенова; когда Горскій братья его, то не закрывался и не торошился, отдавал за работу 40 коп., 20 коп. серебромъ и 20 коп. мѣдью. Далѣе свидѣтель показаль, что его кузница самая близкая отъ квартиры Горскаго. Онъ зналъ отца Горскаго потому, что прежде, когда онъ еще имѣлъ лошадей и экипажъ, свидѣтель часто работалъ у него. Въ послѣдніе 2 года онъ къ нему уже не ходилъ, потому что онъ все распродалъ. Свидѣтель зналъ Горскаго еще маленькимъ, но когда онъ пришелъ къ нему съ заказомъ, онъ его не узналъ, потому что онъ въ послѣднее время очень выросъ. Горскій приходилъ къ нему въ надыто, воротникомъ котораго закрывалъ свое лицо и какъ будто бы отворачивался отъ свидѣтеля; при этомъ солнце прямо свѣтило свидѣтелю въ глаза и онъ, разговаривая съ Горскимъ, лица его почти совсѣмъ не видѣлъ. Въ то время у свидѣтеля, кроиъ двухъ его дѣтей, никого не было. На вопросъ, «зачѣмъ ему нужна эта штука,» Горскій сказалъ, что для гимнастическихъ упражненій. Исполняя заказъ, свидѣтель не отступалъ отъ рисунка, даннаго Горскимъ.

Подсудимый возразилъ, что закрываться отъ кузнеца онъ и не думалъ; а что это его привычка — ходить закрывшись воротникомъ. Если бы онъ хотѣлъ скрыть свой заказъ, то не пошелъ бы къ знакомому кузнецу.

Мъщанинъ Николай Петровъ, подтвердивъ показаніе своего отца, прибавилъ, что однажды, когда онъ, вчетверомъ съ другими мальчиками, игралъ въ лапту, Горскій, котораго онъ до тѣхъ поръ не зналъ, подошелъ къ нимъ и пригласилъ ихъ на охоту, съ тѣмъ, чтобы они подбирали ту дичь,

которую онъ убьетъ, и на это обещалъ раздѣлить добычу между всѣми; онъ стрѣлялъ хорошо, убилъ 10 голубей, ходившихъ по землѣ и ворона на лету; и затѣмъ убѣжалъ отъ нихъ, не давши ничего.

Надѣрный совѣтникъ Поговиловъ, приведенный къ присягѣ при предварительномъ слѣдствіи, показалъ, что услышавъ, что семейство и прислуга Жемарина были кѣмъ-то застрѣлены и зная, что Горскій, котораго подозрѣвали въ совершеніи этого преступленія, былъ у него за нѣсколько дней до происшествія и прежде бывалъ, — ему пришло въ голову удостовѣриться, цѣль ли револьверъ и, не найдя его у себя въ квартирѣ, онъ счелъ своею обязанностью заявить объ этомъ комиссіи, какъ о фактѣ, можетъ быть имѣющемъ отношеніе къ настоящему дѣлу. Револьверъ у свидѣтеля былъ заряженъ, верхняя часть курка поломана, но, несмотря на это, онъ былъ годенъ къ употребленію. Когда онъ именно пропалъ, свидѣтель не знаетъ. Онъ постоянно хранился въ кабинетѣ, на окнѣ, подъ бумагами, такъ что его не видно было. Въ 3-мъ годѣ Горскій ходилъ часто заниматься съ братомъ свидѣтеля, который былъ въ то время въ одномъ классѣ съ нимъ, но потомъ онъ бывалъ у нихъ очень рѣдко. Пули въ револьверѣ были небольшія, коническія. Свидѣтель рассмотрѣлъ пули, находившіяся въ числѣ вещественныхъ доказательствъ, и указалъ на одну изъ нихъ, которая могла подойти къ его револьверу.

Подсудимый показывалъ, что въ числѣ пуль, употребленныхъ имъ при совершеніи преступленія, 2 или 3 были изъ тѣхъ, которыми заряженъ былъ револьверъ Поговикова и по-

торыя были уже имъ употреблены для выстрѣловъ въ стѣну, а остальные приобрѣтены имъ отъ Мейснера, и такъ какъ онѣ были велики, то онъ обрѣзалъ ихъ.

Гимназистъ Иванъ Ноговииковъ, принимавшій присягу при предварительномъ слѣдствіи, повторилъ все сказанное братомъ его, показалъ еще, что онъ былъ вмѣстѣ съ Горскимъ въ 4-й классѣ, что Горскій былъ вслышчивъ, занимался и выдерживалъ экзамены хорошо, если что попросишь у него, не отказывалъ; изъ дома Ноговиикова прежде ничего не пропадало.

Подсудимый объяснилъ, что онъ похитилъ револьверъ у Ноговиикова на масляницѣ въ то время, когда самъ Ноговииковъ и всѣ его домашніе были дома; какъ только братъ Ноговиикова вышелъ изъ кабинета, подсудимый воспользовался удобнымъ случаемъ, взялъ револьверъ съ окна, положилъ его въ карманъ и уже дома замѣтилъ, что онъ былъ заряженъ и съ сломаннымъ куркомъ. Объ этомъ похищеніи никто изъ родныхъ подсудимаго не зналъ.

Балашихина, кухарка и Матвѣева, горничная Ноговиикова спрошенные подъ присягою на предварительномъ слѣдствіи, показали, что однажды Горскій пришелъ на кухню Ноговиикова, спросилъ кухарку: «дома ли братъ Ноговиикова», и, несмотря на данный ему отвѣтъ, что дома никого не было, пошелъ въ комнаты, спросилъ о томъ же горничную, и хотя горничная дала такой же отвѣтъ, какъ и кухарка, онъ все-таки снялъ калоши, вошелъ прежде въ столовую, потомъ въ кабинетъ и затѣмъ немедленно вернулся назадъ; унесъ ли онъ что нибудь съ собой, они не замѣтили; не слѣ-

дили же за нимъ потому, что считали его за товарища брата Ноговикова.

Подсудимый возражалъ, что въ тотъ разъ онъ спросилъ кухарку: «дома ли братъ Ноговикова», прошелъ въ двѣвчью, переспросилъ горничную и вернулся, но въ другія комнаты не входилъ и даже не раздѣвался.

Прокуроръ заявилъ суду, что при признаніи подсудимаго въ похищеніи у Ноговикова револьвера, разночѣіе между нимъ и показаніями Матѣевой и Балалыкиной не представляетъ никакого существеннаго значенія для дѣла.

Губернскій секретарь Богдановъ, принимавшій присягу на предварительномъ слѣдствіи, показалъ, что дня за четыре до совершенія преступленія приходитъ Горскій въ трактиръ «Золотой Якорь» (гдѣ живетъ свидѣтель) и потираетъ руки: «коткорозилъ», говоритъ, «ихъ, далече ходилъ, къ слесарю, револьверъ поправляетъ относитъ»; болѣе никакихъ подробностей, о револьверѣ онъ свидѣтелю не сообщалъ. Въ трактиръ Горскій приходилъ довольно часто, раза 3—5 въ недѣлю; почти всегда вечеромъ; часовъ въ 8, сидѣлъ до 9—10 часовъ и очень рѣдко до 11; до закрытія трактира, которое бываетъ въ 12 часовъ, онъ никогда не досаживалъ. Одинъ онъ приходилъ довольно рѣдко, большею частью бывалъ съ горбатовскимъ его товарищемъ или съ другими гимназистами; съ не-гимназистами свидѣтель его не видалъ. Ни водки, ни закуски, ни чаю Горскій никогда не требовалъ, а игралъ съ товарищами или съ нимъ на бильярдѣ, не на деньги, а на партію. Игралъ Горскій цдохо и всегда почти проигрывалъ и платилъ за партію по 5 коп. за каждую, но больше 3-хъ

партий не проигрывалъ; иногда оставался долженъ копѣекъ по 50 но рассчитывался аккуратно. Характера онъ вспыльчиваго и у него часто бывали ссоры съ партнерами изъ-за какого нибудь сказаннаго лишняго слова.

Гимназистъ Пискаревъ, показалъ, что онъ былъ въ одномъ классѣ съ Горскимъ, но друженъ съ нимъ не былъ; въ среду 28 февраля свидѣтель пошелъ въ классъ немного раньше обыкновеннаго; потому что наканунѣ согласился съ однимъ товарищемъ заниматься математикою; но, придя въ классъ, товарища онъ не нашелъ, а встрѣтилъ Горскаго, которому и предложилъ заняться математикою; но онъ не принялъ этого предложенія и, подойдя къ классной доскѣ, показалъ сначала часть, а потомъ весь револьверъ; пистоны были надѣты на немъ. Свидѣтель спросилъ его, заряженъ ли револьверъ? онъ сказалъ заряженъ, и при этомъ злобно улыбнулся, по этому онъ не повѣрилъ ему. У Горскаго вообще была такая то злобная улыбка. Свидѣтель никому не говорилъ объ этомъ, потому что забыть; но когда услышалъ, что Горскій совершилъ убійство разсказалъ товарищамъ, что онъ показывалъ ему револьверъ. Имѣлъ ли Горскій друзей въ гимназии и какое мнѣнiе о немъ имѣли другiе гимназисты, свидѣтель не знаетъ.

Гимназистъ Александровъ, показалъ, что 1 марта передъ первую лекциею пришелъ Горскій въ классъ и, по обыкновенiю, сѣлъ рядомъ съ нимъ; чрезъ нѣсколько минутъ, когда уже началась лекцiя, онъ обратился къ свидѣтелю съ словами: «смотри, какой у меня револьверъ» и затѣмъ показалъ изъ леваго кармана панталоновъ часть револьвера.

«Весь вынуть нельзя», сказал Горскій; «потому что онъ зараженъ». Свидѣтель на это сказалъ ему, что напрасно онъ принесъ его, что за это его могутъ исключить изъ гимназіи; тогда Горскій просилъ его для безопасности никому не говорить объ этомъ; когда онъ ушелъ въ этотъ день изъ класса, свидѣтель не знаетъ. Свидѣтель знаетъ Горскаго, кажется, еще въ 4 классѣ, въ слѣдующихъ классахъ свидѣтель былъ съ подсудимымъ вмѣстѣ, но узнать его въ это время хорошо не могъ. Онъ посѣщалъ большею частью только первыя лекціи, а потомъ уходилъ изъ класса. Хотя свидѣтель и самъ тоже пропускалъ лекціи, но замѣчалъ также, что и онъ часто пропускаетъ ихъ. Онъ былъ вѣнльчичъ, золь, чуждался всѣхъ; что касается до откровенности, то нельзя сказать, чтобы онъ былъ съ свидѣтелемъ откровененъ; да и самъ онъ не былъ съ нимъ откровененъ.

Подсудимый на вопросы прѣдсѣдателя объяснилъ, что 1 марта онъ ушелъ изъ гимназіи въ 11 часовъ, а такъ какъ безъ спроса не позволяютъ уходить, то онъ предварительно отпрашивая (*при этомъ подсудимый улыбнулся*) у надзирателя.

Мейнеръ подъ присягою показалъ, что когда въ домѣ Жемарина совершенно было убійство и въ городѣ разнеслись слухи, что существуетъ цѣлая партія убійцъ, свидѣтель, изъ боязни нападенія на свой домъ, сталъ заряжать револьверъ и когда взялся за пули, лежавшія въ стаканѣ, на письменномъ столѣ, то замѣтилъ, что ихъ недостаетъ. Онъ не обратилъ тогда на это вниманія, но когда черезъ 3—4 дня узналъ, что преступленіе совершено Горскимъ и что жертвы убиты

пулями, то невольно подумалъ, не взялъ ли онъ эти пули, и сталъ спрашивать объ этомъ домашнихъ; сынъ сказалъ свидѣтелю, что учитель велѣлъ дать ему пуля, и что онъ далъ Горскому прежде 5, а потомъ еще 3 пули. Свидѣтель заявилъ объ этомъ слѣдственной комисіи и представилъ ей оставшіяся у него пули. Сынъ его говорилъ также, что видѣлъ въ карманѣ своего учителя дуло или барабанъ револьвера. Горскій поступилъ къ нему въ качествѣ учителя сына осенью прошлаго года. Первоначально онъ платилъ ему 7 руб. за 1½ часа ежедневныхъ занятій, но послѣ новаго года свидѣтель просилъ заниматься по 2 часа и назначилъ ему 10 рублей. Прежде у свидѣтеля были другіе учителя, но одинъ изъ нихъ занимался больше уроками не ученика, а своими собственными; другой же имѣлъ чрезвычайно тихій характеръ, ребѣнокъ шалилъ при немъ, а онъ его не останавливалъ и успѣховъ не было. Горскаго свидѣтелю никто не рекомендовалъ, онъ самъ пришелъ къ нему, узнавши, что нуженъ учитель. Свидѣтель зналъ, что отецъ его боленъ и не имѣетъ средствъ, и потому взялъ его учителемъ къ сыну. Деньги отдавалъ свидѣтель самому Горскому, платилъ неаккуратно и остался долженъ; у отца Горскаго былъ только раза 3—4 въ праздники, и о состояніи его ничего не можетъ сказать. Сынъ занимался хорошо съ Горскимъ, особенно оказалъ успѣхи въ русскомъ языкѣ; нѣсколько разъ свидѣтель былъ при ихъ занятіяхъ, но никогда не замѣчалъ, чтобы Горскій небрежно занимался, или дурно обращался съ ученикомъ. Когда онъ сталъ Горскому платить 10 руб., онъ обыкновенно бывалъ у него отъ 1 до 3 часовъ. Въ послѣд-

нее. Время онъ сдѣлался болѣе молчаливымъ, болѣе устранился отъ общества; когда, во время масляницы, свидѣтель звалъ его на блины, то онъ шелъ неохотно. Въ другое время, кромѣ уроковъ, онъ не приходилъ, такъ какъ свидѣтель его не звалъ къ себѣ въ гости. О характерѣ его ничего другаго сказать не можетъ, потому что имѣлъ съ нимъ мало разговоровъ.

Подсудимый объяснилъ, что изъ пяти пуль, которыми былъ заряженъ револьверъ въ первый разъ, одну пулю онъ выстрѣлилъ въ мать Жемарина, одну въ дворника, двѣ въ кухарку, куда дѣвалась пятая—онъ не знаетъ. Потомъ онъ опять зарядилъ револьверъ пятью пулями, но изъ нихъ сдѣлалъ только одинъ выстрѣлъ, а остальные, должно быть, выпали, потому что онъ ихъ слишкомъ много обрѣзалъ, такъ какъ онъ были прежде велики для револьвера. Изъ выпавшихъ пуль 3 найдено въ залѣ, а 4-я, по всей вѣроятности, выпала въ кухнѣ, потому что подсудимый слышалъ, какъ что-то упало тамъ.

Послѣ этого было прочитано показаніе неявившагося въ судъ свидѣтеля сына Мейснера, Венедикта; сущность этого показанія заключается въ показаніи его отца.

Подсудимый, на вопросъ предсѣдателя относительно замѣченной Мейснеромъ его угрозы въ послѣднее время, не отрицая этого, объяснилъ, что онъ не замѣчалъ въ себѣ этого и потому не можетъ объяснить причины.

Оружейный мастеръ Владимиръ Зейдлицъ, поди присягой показалъ, что въ первый разъ Горскій приходилъ къ нему въ понедѣльникъ, не помнитъ какого числа, и просилъ

исправить заряженный 5-ю зарядами револьверъ, съ доломаннымъ куркомъ; эта доломка не мѣшала стрѣлять. Свидѣтель отнялъ барабанъ отъ револьвера, отдалъ его Горскому и сказалъ, что револьверъ будетъ исправленъ къ вечеру; онъ пришелъ за револьверомъ не въ понедѣльникъ вечеромъ, какъ обѣщался, а во вторникъ утромъ, когда шелъ въ классъ, и отдалъ за работу 40 к. Другой разъ онъ приходилъ въ пятницу, часовъ въ 5 или 6 вечера, и просилъ исправить и зарядить револьверъ; почта состояла въ томъ, что послѣ выстрѣловъ между стволикомъ и барабаномъ оставался свинецъ; по свѣжей пороховой коцоти на барабанѣ видно было, что изъ револьвера только что стрѣляли; Горскій просилъ приннать какъ можно скорѣе, потому что его ожидаетъ товарищъ, съ которымъ онъ хочетъ идти попробовать револьверъ; когда револьверъ былъ исправленъ, Горскій досталъ изъ кармана порохъ и пули и просилъ зарядить; когда свидѣтель исполнилъ это, онъ взялъ револьверъ и не заплатилъ деньги, сказавши, что придетъ на другой день заказывать форму для литья пуль. Горскій принесъ 4 пули, а 5-ю просилъ сдѣлать; когда же свидѣтель отказалъ ему въ этомъ, то онъ взялъ и унесъ съ собою револьверъ съ 11 зарядами. Пули, принесенныя имъ, были литыя, но не для этого пистолета—онѣ были слишкомъ длинны и потому, свидѣтель жаль и подрѣзалъ ихъ, послѣ чего онѣ плотно пришились къ револьверу. Горскій пришелъ въ пальто въ накидку; какъ въ немъ самою, такъ и на пальто его, свидѣтель ничего особеннаго не замѣтилъ. Револьверъ онъ взялъ, подъ мышку, а пальто надѣлъ въ накидку. Пребылъ онъ у свидѣтеля въ

этотъ разъ не болѣе 10 минутъ. Револьверъ былъ небольшою, пули въ него должны вкладываться самыя маленькія. Мастерная, гдѣ работалъ свидѣтель, находится отъ дома Жемариныхъ только черезъ улицу. Свидѣтель видѣлъ его иногда въ трактирѣ; онъ игралъ на билиардѣ или смотрѣлъ какъ другіе играютъ.

Четверо рядовыхъ, занимающихся въ одной мастерской съ Зейдлицемъ, подтвердили показаніе его.

Подсудимый на вопросъ предсѣдателя, куда онъ дѣлалъ револьверъ? — показалъ, что положилъ его на чердакъ своей квартиры въ день преступленія, въ 7 часовъ вечера, и почему его тамъ не оказалось, онъ не знаетъ.

Прапорщикъ Венецкій подъ присягою показалъ, что когда онъ былъ въ караулѣ, Горскій говорилъ, что у него былъ прѣхавшій изъ Москвы предсѣдатель суда и предлагалъ ему защищаться самому, на что онъ отвѣтилъ, что сконфузится и будетъ не въ состояніи самъ защищаться, и выбралъ себѣ защитникомъ г. Преображенскаго. Затѣмъ Горскій сказалъ: «не знаю какихъ показаній держаться: первыхъ или вторыхъ», на что свидѣтель ему отвѣтилъ, что лучше всего говорить правду, которая можетъ послужить къ облегченію его участи. Въ караулѣ тогда свидѣтель былъ, кажется, одинъ и никакихъ инструкцій по этому дѣлу не имѣлъ.

Арестантъ Сармановичъ (съ разрыванною губою) состоялъ подъ судомъ за дерзость противъ ротнаго командира; по суду опредѣлено его лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу, но окончательнаго рѣшенія еще не получено, по этому судъ призналъ возможнымъ спро-

ситъ его подъ присягою. Сармановичъ какъ католикъ, былъ приведенъ къ присягѣ председателемъ суда. Сначала онъ отказался повторять за председателемъ слова клятвеннаго общанія, но когда председатель сказалъ, что онъ долженъ повторять, такъ какъ этого требуетъ законъ, Сармановичъ уступилъ этому требованію, но цѣловать крестъ и Евангеліе положительно отказался, сказавши, что онъ, какъ полякъ, не можетъ исполнить этого.

Прокуроръ далъ заключеніе, что не встрѣчаетъ никакого препятствія къ этому, и потому председатель не настаивалъ болѣе, чтобы Сармановичъ поцѣловалъ крестъ и Евангеліе.

Сармановичъ показалъ, что онъ писемъ Горскаго никакъ не передавалъ, а кто таковыя передавалъ — не знаетъ.

Прокуроръ заявилъ, что, на основаніи 787 ст. воен. суд. уст., свидѣтель не обязанъ отвѣчать на вопросы, уличающіе его самого въ какомъ либо преступленіи.

Судъ постановилъ освободить Сармановича отъ допроса.

Подсудимый объяснилъ, что письмо передалъ чрезъ арестанта Егорова, который сказалъ, чтобы онъ, написавши письмо, бросилъ его въ окно, гдѣ онъ будетъ дожидаться, что подсудимый и исполнилъ; подсудимый прежде пытался передать письмо секретно и вложилъ его въ книгу, которую чрезъ ефрейтора губернскаго гарнизона передалъ Егорову, но письмо было къмъ то открыто и изорвано.

Председатель. Значить вы могли писать въ арестанской?

Подсудимый. Могъ.

Председатель. Вѣдь около васъ стоитъ постоянно часовая?

4

Подсудимый (улыбается). Это ничего не значитъ; онъ вря-
стоитъ.

Подсудимый далѣе объяснилъ, что ему изъ осторожной би-
бліотеки давались для чтенія духовныя книги; въ переплетѣ
бывали чистыя листы, онъ вырывалъ и на нихъ писалъ
письма; стѣны въ арестанской выкрашены черной краской,
онъ ее развелъ въ водѣ и такимъ образомъ получилъ чер-
нила; сперва онъ писалъ зажигательною спичкою, а потомъ
перомъ, которое мазелъ въ камерѣ на окнѣ.

Рядовой Копицкій подъ присягою показалъ, что арестантъ
съ разрѣзанною губою (Сармановичъ) нѣсколько разъ про-
сидъ свидѣтеля передать письмо, но онъ говорилъ ему, что
не можетъ, потому что за это долженъ будетъ самъ пропасть.
Потомъ свидѣтель взялъ письмо и передалъ его офицеру Ве-
нецкому.

Были прочтены слѣдующія два письма Горскаго (въ пе-
реводѣ съ подьскаго языка).

1-е письмо: «Любезная Ванда! узналъ я, что папаша
умеръ, и что васъ высылаютъ изъ Тамбова, куда—этого я
не знаю. Это все, очевидно, есть наказаніе Божіе, которое
падаетъ разомъ на наши головы и которое мы должны сно-
сить съ терпѣніемъ. Находясь въ тюрьмѣ подъ большимъ над-
зоромъ, такъ что ко мнѣ никто не входитъ, кромѣ смотри-
теля и дежурнаго офицера, я отъ этого не могъ вамъ пи-
сать. Теперь, на авось, пишу къ вамъ и то черезъ Мейс-
нера; никто не хочетъ нести къ вамъ письма изъ боязни.
Прошу васъ продать мою собаку хотя за 15 руб., а еже-
ли никто ее у васъ не купитъ теперь, то оставьте ее у
когонибудь изъ знакомыхъ, чтобы онъ ее продалъ и день-

ги отдай мнѣ; продайте тоже и шпекъ, патронташъ, пороховницу, вынесите ихъ на базаръ, и другія ненужныя вещи, какъ то книги и.... Выбжая, положите въ сундукъ вещи мои какъ то: пальто, штаны, сюртукъ, рубашки денныя и ночныя, платки носовые, 2 простыни, 2 пары подштанниковъ, 4 полотенца, одѣяло красное, носки, 3 наволочки, подушку и другія мелочи и вещи, которыя могутъ быть мнѣ нужны, и отдайте ихъ смотрителю въ цейхгаузъ, гдѣ онѣ будутъ сохраняться до моей высылки. Деньги 13 руб., должныя Мейснеромъ и которыя вы получите отъ продажи моихъ вещей, и потормошите тоже Мохнатѣва, чтобы онъ отдалъ долгъ,—всѣ эти деньги соберите и передайте мнѣ потихоньку, если намъ позволятъ, а если позволятъ мнѣ оставить мои вещи, то зашейте ихъ въ какое нибудь платье, написавши мнѣ потомъ, куда именно, а если не позволятъ мнѣ оставить, то запечатайте ихъ въ письмо и отдайте Мейснеру, къ которому я уже пошлю посла и онъ мнѣ отъ него принесетъ; отвѣчайте же тотчасъ на мое письмо и напишите, когда и куда васъ высылаютъ, также и адресъ Возницкаго. Просите прокурора, чтобы мнѣ съ вами видѣться и покажите ему Сводъ Законовъ 1864 г. т. XV, 962 ст., и я также буду просить о томъ же. Предъ вашимъ отъѣздомъ оставьте мнѣ нисьмо у Мейснера, и съ мѣста можете писать Мейснеру на мое имя, только чтобы онъ держалъ письма у себя до тѣхъ поръ, пока я за ними пришлю. Пишите мнѣ больше. Простите мнѣ, потому что я причиною всѣхъ этихъ неприятностей, помните, что это можетъ быть Богъ поведетъ къ лучшему. Кланяюсь и цѣлую васъ всѣхъ.»

2-е письмо Горскаго: «Прошу всѣ мои дѣльни собрать и чтобы онѣ были въ бумажкахъ, а не мелочью, для того, чтобы какъ можно менѣе мѣста занимали. Такъ переслать — онѣ могутъ пропасть. Запечатайте ихъ и пришлите въ острогъ (хоть Семеновну или Казиміровну), могутъ привезти что нибудь съѣдомое и вызвавши Романовича подать для него это съѣдомое и отдайте письмо, чтобы онъ мнѣ отдалъ. Это вѣрный человекъ, нашъ землякъ, взятый въ возстаніи, раненый и отданный въ арестанскія роты. Письма и отвѣты на письма присылайте чрезъ него. Только чтобы моею фамиліи гласно не говорить.»

Во время чтенія этихъ писемъ подсудимый смѣялся, закрывши правую рукою половину своего лица.

Такъ какъ вызванный въ качествѣ свидѣтеля, директоръ тамбовской гимназіи Архиповъ не явился въ судъ, за отъездомъ изъ Тамбова, то прочитано было слѣдующее письменное его показаніе:

«Изъ дѣлъ гимназіи видно, что Витольдъ Горскій поступилъ въ гимназію въ августѣ 1860 г. во 2 классъ; въ августѣ 1864 года переведенъ въ 7 классъ; журналомъ сдѣланнымъ 6 марта 1868 года исключенъ изъ списковъ, въ повѣденіи по 4 и по 3, въ штрафной книгѣ записанъ 3 раза: 20 марта 1862 г. за шалость въ классѣ при учителѣ; 14 ноября 1864 г. за вырѣзку трехъ картинокъ изъ книги, принадлежащей ученической бібліотекѣ, причемъ книга эта была взята имъ на чужое имя, и 18 октября 1867 г. за драку съ товарищемъ Дмитревскимъ, причемъ оказались оба не правы. Успѣхи оказывалъ большею частію посредствен-

ные и былъ два раза оставляемъ въ одномъ и томъ же классѣ, въ 3 и 4. Любилъ чтеніе и вообще литературныя занятія. Держался одиноко и не былъ любимъ товарищами, которые считали его злымъ; въ отношеніи къ наставникамъ держалъ себя вѣжливо и какъ бы застѣнчиво. Въ характерѣ его замѣчалась не искренность и нѣкоторая неровность, которая приписывалась къ слабому тѣлосложенію. Его подозрѣвали также въ похищеніи книгъ у товарищей, но уличенъ въ этомъ не былъ. Вообще поступки и поведеніе Горскаго, какъ ученика, не заключали въ себѣ ничего особеннаго въ нравственномъ отношеніи. Объ образѣ его жизни никакихъ положительныхъ свѣдѣній гимназіи не имѣеть, такъ какъ онъ жилъ въ домѣ родителей и въ этомъ отношеніи, по гимназическимъ правиламъ, подлежалъ собственно родительскому надзору. Въ домѣ его родителей, сколько мнѣ извѣстно, никто изъ служащихъ въ гимназіи никогда не бывалъ. Въ умственномъ отношеніи Горскій былъ развитъ довольно хорошо по его лѣтамъ, что высказывалось преимущественно въ подаваемыхъ имъ сочиненіяхъ; но въ этомъ дѣлѣ онъ сфальшивилъ однажды, подавъ въ 6 классѣ сочиненіе, наполненное выписками изъ печатныхъ книгъ, за что былъ подвергнутъ взысканію.»

Прокуроръ заявилъ, что онъ получилъ сейчасъ свѣдѣніе о томъ, что Горскій принадлежитъ къ числу дворянъ, утвержденныхъ въ этомъ званіи департаментомъ герольдіи.

Прокуроръ Нельовъ, Г. предсѣдательствующій и гг. члены временнаго военнаго суда! Вы призваны по Высочайшему повелѣнію открыть ваши судебныя дѣйствія въ г. Там-

бовѣ и постановить строгій и справедливый приговоръ о дворянинѣ Горскомъ, который обвиняется въ тяжкомъ преступленіи. Преступленіе это почти безпримѣрное въ лѣтописяхъ уголовныхъ дѣлъ и заносить новую кровавую страницу въ эту лѣтопись. Безъ особеннаго волненія, безъ невольнаго ужаса, невозможно говорить объ этомъ преступленіи. Въ немъ все замѣчательно: съ одной стороны жертвы преступленія, отъ мала до велика, одна за другою павшія подъ неумолимыми, яростными ударами убійцы; съ другой стороны, самъ преступникъ, представшій предъ вами для принятія законной отвѣтственности, въ томъ еще юномъ возрастѣ, когда, казалось бы, всѣ нравственныя силы человѣка должны быть направлены единственно къ добру, любви, сочувствію и состраданію къ ближнимъ; въ добавокъ къ этому— возмутительныя подробности преступленія: глубокой, вѣрно рассчитанный замыселъ преступника, дерзкая предприимчивость, съ которою онъ рѣшился совершить преступленіе среди бѣлаго дня, въ центрѣ многолюднаго города, вблизи православной церкви, какъ бы осѣнявшей своимъ крестомъ домъ злополучнаго купца Жемарина, глубокая обдуманность дѣйствій преступника, его необыкновенное хладнокровіе во время убійствъ и, наконецъ, самая цѣль ихъ, ради которой, несмотря на всю ея гнусность, преступникъ позабылъ привѣтъ и ласки, которые постоянно встрѣчалъ въ домѣ, гдѣ оставилъ послѣ себя смерть и разрушеніе! Возможно ли послѣ этого удивляться, что едва совершилось преступленіе въ домъ купца Жемарина, какъ въ ту же ночь оно сдѣлалось извѣстнымъ почти всѣмъ жителямъ г. Тамбова, а на

другой день о немъ говорили на улицахъ, въ домахъ, на площадяхъ и даже въ церквахъ, гдѣ узнала о немъ и призванная сего дня, въ качествѣ свидѣтельницы, монахиня Толмачева, у которой, вечеромъ въ день преступленія, была жена купца Жемарина? Можно ли удивляться, что вслѣдъ за Тамбовомъ, чрезъ мѣстныхъ корреспондентовъ и чрезъ газетныя редакціи, вѣсть о преступленіи, случившемся въ Тамбовѣ, быстро разнеслась по всей Россіи? При этомъ, естественно всѣ задавали вопросъ: кто преступникъ и съ какою цѣлью совершено преступленіе? Сначала въ Тамбовѣ полагали, что преступленіе произведено организованною шайкою, и невольно каждый изъ жителей г. Тамбова опасался за спокойствіе и безопасность своего собственнаго дома, за жизнь своихъ близкихъ, родныхъ и друзей; но въ скоромъ времени узнали, что въ домѣ Жемарина, по осмотру полиціи, все найдено было въ цѣлости и потому для жителей стало ясно, что убійства въ этомъ домѣ не могли быть совершены шайкою разбойниковъ. Между тѣмъ, съ той поры, какъ вѣсть о преступленіи распространилась изъ Тамбова за предѣлы его, всѣ тамъ ждали съ нетерпѣніемъ новыхъ извѣстій, которыя могли бы разоблачить загадочность преступленія, опредѣлить и разъяснить личность преступника, его цѣль и стремленія. Надежды не были обмануты! Благодаря распорядительности мѣстнаго начальства г. Тамбова, въ самую ночь преступленія была составлена слѣдственная комиссія, которая тотчасъ приступила къ осмотру труповъ и въ ту же ночь былъ арестованъ заподозрѣнный купцомъ Жемаринымъ гимназистъ Горскій. Открытія слѣдовали за от-

крытіями; дѣло разъяснялось; собирались улики, доказывавшія несомнѣнно, что арестовацый гимназистъ дѣйствительно былъ убійцею; только самъ преступникъ удорствовалъ въ признаніи; наконецъ и онъ сознался, подавленный массою уликъ, собранныхъ комисіею въ теченіе 5-ти дневной усиленной дѣятельности; вѣсть о его сознаниіи распространилась за предѣлы Тамбова съ такою же быстротою, какъ и вѣсть о преступленіи. Сознаніе это, однако, слишкомъ мало опредѣлило, насколько глубоко и заранѣе былъ обдуманъ планъ преступленія, потому необходимо было произвести вторичный допросъ Горскому, и только послѣ этого выяснилось самое преступленіе и подтвердились обстоятельства, при которыхъ было оно совершено.

Моя задача въ настоящее время значительно обдегчена: преступникъ, послѣ долгихъ колебаній, послѣ отрицательства отъ своего признанія, — отрицательства, произнесеннаго тогда, когда дѣло было уже передано мнѣ для составленія обвинительнаго акта, — здѣсь снова принесъ сознаніе и, мнѣ кажется, только здѣсь, въ первый разъ онъ сталъ говорить наиболѣе откровенно; по крайней мѣрѣ относительно тѣхъ вопросовъ, которые были предлагаемы подсудимому, какъ вами гг. судьи, такъ, чрезъ предсѣдателя суда, мною и защитникомъ, онъ старался дѣлать объясненія, по возможности отвѣчающія вопросамъ. Но я не выполнилъ бы своей обязанности, если бы не опредѣлилъ дѣйствительное значеніе сознанія подсудимаго, если бы не доказалъ, что собственное сознаніе подсудимаго, произнесенное предъ слѣдственною комисіею, не опередило уликъ; напротивъ, собственному

сознанию предшествовали удилки, и только подъ тяжестью ихъ пало; наконецъ, упорство преступника Горскаго, и только благодаря этимъ удилкамъ, слѣдственной комисіи удалось, наконецъ, услышать изъ устъ самаго Горскаго, разказъ о совершенномъ имъ преступленіи.

1 марта 1868 года кучеръ и няня купца Жемарина, явсь въ мѣстное полицейское управленіе, заявили о томъ, что въ домъ ихъ неблагополучно. Самое заявленіе представлялось весьма страннымъ: изъ словъ кучера и няни оказалось, что въ тотъ вечеръ въ домъ Жемарина должно было найдтись не менѣе 7 человекъ, а между тѣмъ они неодновременно стучались въ дверь задняго крыльца и никто на ихъ стукъ не отозвался. Предполагать, что во время отсутствія кучера и няни разошлись тѣ 7 человекъ, которые находились въ домѣ, не было возможности, ибо, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же было заперто изнутри заднее крыльцо, служившее постоянно единственнымъ сообщеніемъ съ домомъ? Съ другой стороны, кучеръ и няня видѣли у задняго крыльца слѣды крови; нашли тутъ же башмакъ кухарки; слыщали изнутри дома стонъ. Вотъ почему мѣстный полицейскій чиновникъ поспѣшная явиться на мѣсто преступленія и встрѣтить Жемарина, только что воротившагося домой. По входѣ Жемарина въ комнаты черезъ переднее крыльцо, которое оказалось отпертымъ, глазамъ Жемарина открылась ужасная картина: въ первой комнатѣ онъ наткнулся на трупъ своей матери и вслѣдъ затѣмъ увидѣлъ мертвыми жену, дѣтей и прислугу! Онъ, имѣвшій до сихъ поръ большую семью, жену, двухъ сыновей, остался вдовцомъ и сиротою! Въ то же самое

время Жемаринъ, на распросы полиціи, заявилъ, что въ течение вечера у него былъ только одинъ гимназистъ Горскій. Бытность кого либо на мѣстѣ преступленія въ то время, когда оно совершено, еще не даетъ основанія заподозрѣвать этого человѣка въ совершеніи преступленія; я скажу даже, что обстоятельство это составляетъ вообще весьма слабую улику и развѣ можетъ дать поводъ подозрѣвать этого человѣка въ укрывательствѣ, въ недонесеніи, но далеко не въ личномъ совершеніи преступленія. Но, гг. судьи, бытность подсудимаго Горскаго въ домѣ купца Жемарина въ вечеръ происшествія стала твердою уликою противъ Горскаго, потому что вслѣдъ затѣмъ улика эта подтвердилась всѣми послѣдующими фактами дѣла. Горскій былъ представленъ въ слѣдственную комиссію въ платьѣ, которое оказалось сверху до низу окровавленнымъ; на немъ замѣчены были кровавыя пятна и брызги, которыя давали поводъ прямо предполагать, что рука Горскаго произвела тѣ страшные удары, подъ которыми пали несчастныя жертвы. Вотъ почему, гг. судьи, присутствіе Горскаго въ вечеръ происшествія въ домѣ Жемарина я ставлю первую противъ него уликою. Эта улика, на мѣстѣ же происшествія, предъ полицейскими чиновниками, усилилась тѣмъ, что Горскій мѣшался въ своихъ отвѣтахъ. Слѣдуетъ ли мнѣ перечислять вновь всѣ улики, которыя обнаружены были въ теченіе пяти дней, благодаря неутомимой дѣятельности слѣдственной комиссіи. Мнѣ кажется, что передъ вами, гг. судьи, судебное слѣдствіе такъ полно воспроизвело подробное содержаніе этихъ уликъ, что будетъ достаточно, если я ограничусь краткимъ перечнемъ ихъ.

1) На мѣстѣ преступленія найдено было орудіе, которое, какъ оказалось, принадлежитъ преступнику Горскому; принадлежность его Горскому была доказана двумя свидѣтельскими показаніями подъ присягою: чиновника Семенова, видѣвшаго, какъ подеудимый Горскій получилъ отъ кузнеца Алексѣева тотъ самый пестикъ, который былъ найденъ на мѣстѣ преступленія и который въ числѣ вещественныхъ доказательствъ, в кузнеца Алексѣева, подтвердившаго, что это тотъ пестикъ, который онъ дѣлалъ Горскому по принесенному имъ рисунку, и что этотъ пестикъ онъ передалъ Горскому въ то самое время, на которое указалъ Семеновъ; а именно за день или за два до совершенія преступленія.

2) По осмотру труповъ, найденныхъ въ домѣ Жемарина, открылось, что нѣкоторые были убиты изъ огнестрѣльнаго орудія, и вслѣдъ затѣмъ, посредствомъ заявленій, данныхъ предъ слѣдственной комиссіею, обнаружилось, что Горскій имѣлъ у себя передъ совершеніемъ преступленія револьверъ. Изъ показаній свидѣтелей, явившихся во временный военный судъ для допроса, обнаружено, что преступникъ Горскій похитилъ этотъ револьверъ у ординатора губернской больницы Ноговикова еще на масляницѣ; что этотъ револьверъ имѣлъ изломанный курокъ, и что Горскій передавалъ револьверъ для починки курка рядовому Зейдлину, который подтвердилъ, что онъ дѣйствительно починивалъ Горскому револьверъ и представилъ при этомъ наиболѣе славную улику противъ Горскаго, засвидѣтельствовавъ, что Горскій приносилъ къ нему револьверъ и вечеромъ 1 марта, т. е. въ то

самое время, когда совершено преступление. Изъ вышеизложеннаго же показанія Зейдлица, мать и его товарищюю оказывается, что часъ, въ который приходилъ къ нему Горскій, былъ тотъ самый, когда въ домъ Жемарина проведено убійство. Они действительно совершены въ 6-мъ часу вечера. Изъ дѣла извѣстно, что подсудимый Горскій пришелъ въ домъ Жемарина въ 4 часа и въ это время не засталъ дома жену Жемарина, которая уѣхала вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ въ Вознесенскій монастырь къ своей родственницѣ монахинѣ Евдоии Толмачевой; извѣстно также, что въ 5 часовъ вечера Жемаринъ ушелъ изъ дому, усадивъ кучера и горничную за женюю въ Вознесенскій монастырь, и затѣмъ въ домѣ оставались только преступникъ Горскій, мать Жемарина, старшій сынъ его, дворникъ и кухарка; няня же, тогда го- вѣдшая, отлучилась изъ дому въ церковь еще передъ приходомъ Горскаго на урокъ. Затѣмъ, по признанію самого Горскаго, преступленіе начато имъ послѣ того, какъ Жемаринъ ушелъ изъ дому, и слѣдовательно это было въ 6-мъ часу вечера.

3) Рядовой Зейдлицъ показалъ, что Горскій приходилъ къ нему въ 6-мъ часу вечера 1 марта, для поправки револьвера, съ тѣмъ самымъ бумажнымъ мѣщечкомъ съ порохомъ, который на другой день былъ найденъ въ комнатѣ Горскаго и сегодня предъявленъ вамъ въ числѣ другихъ вещественныхъ доказательствъ.

Вотъ тѣ улики, гг. судьи, которыя послужили первоначальнымъ основаніемъ для положительнаго убѣжденія въ томъ, что преступленіе въ домѣ Жемарина совершено было

преступникомъ Горскимъ, и я, съ своей стороны, думаю, что улики эти были до такой степени сильны и важны, что, даже при отсутствіи собственнаго сознанія Горскаго, эти улики могли бы служить достаточнымъ основаніемъ для несомнѣннаго убѣжденія въ его виновности.

Я не стану при этомъ указывать на тѣ многочисленныя улики, которыя возникли изъ собственныхъ разнорѣчивыхъ показаній подсудимаго Горскаго. Изъ полицейскаго акта видно, что онъ являлся въ отвѣтахъ еще въ то время, когда былъ не арестованъ (во время допросовъ); въ слѣдственной комисіи онъ такъ неправильно опредѣлялъ бытность свою въ домѣ Жемарина, такъ неточно указывалъ часъ, въ который вышелъ изъ дома Жемарина и обратно воротился къ нему, когда встрѣтился съ кучеромъ и нянею, что эта неопредѣленность, эта неточность служила еще больше подтвержденіемъ его виновности.

Затѣмъ преступникъ Горскій сознался. Но спрашивается, что сказалъ онъ новаго, что уже не было бы открыто слѣдственной комисіею? Онъ указалъ въ своемъ сознаніи, что совершилъ преступленіе съ заранее обдуманнѣмъ намѣреніемъ. Да развѣ слѣдственная комисія не могла опредѣлить по свойству преступленія, по тѣмъ способамъ, которыми оно совершено, что преступленіе это заранее обдуманно? Возможно ли безъ заранее обдуманнаго намѣренія убить громадное семейство, которое состояло изъ 4 родственниковъ Жемарина и 3 его слугъ? Въ этомъ отношеніи Горскій указалъ новаго только время, когда зародилась у него мысль о преступленіи; онъ объяснилъ, что эта мысль появилась у него

бодѣ чѣмъ за мѣсяцъ предъ первымъ мартомъ, а вполнѣ сформировалась и составила планъ для приведенія ея въ исполненіе за недѣлю до этого дня; я же прибавлю, что это случилось гораздо ранѣе, ибо уже на масланицѣ Горскій похитилъ револьверъ Ноговикова, послужившій орудіемъ убійства. Что новаго сказалъ подсудимый тѣмъ, что онъ началъ свои убійства съ старшаго сына Жемарина? Развѣ этого нельзя было доказать и самымъ ходомъ процессуальности? По дѣлу видно было, что Жемаринъ, уходя изъ дому, оставилъ Горскаго въ задѣ, гдѣ онъ занимался у письменнаго стола съ старшимъ сыномъ; на самомъ столѣ, который былъ представленъ вамъ, гг. судьи, въ числѣ вещественныхъ доказательствъ, вы видѣли слѣды крови; изъ акта полицейскаго осмотра вы знаете, что около письменнаго стола найдены были большіе слѣды крови, какъ бы размазанный; аспидная доска и грифель, лежавшіе на письменномъ столѣ, на которомъ занимался старшій сынъ Жемарина, оказались въ крови; наконецъ, ему нанесена была рана тупымъ орудіемъ, тѣмъ самымъ, которое найдено было на мѣстѣ преступленія, въ лѣвую сторону головы; между тѣмъ, по дѣлу видно, что преступникъ Горскій, при уходѣ Жемарина, сидѣлъ съ правой стороны стола, и, слѣдовательно, ему всего возможно было нанести ударъ съ лѣвой стороны. Если у преступника Горскаго была мысль убить семейство купца Жемарина, то очевидно, что онъ долженъ былъ начать убійство съ этого несчастнаго мальчика, своего бывшаго ученика. Что новаго, затѣмъ, сказалъ подсудимый, рассказавъ, что онъ раздѣлилъ всѣхъ членовъ семейства и постепенно

поражать ихъ одного за другимъ; что сначала онъ убилъ мать Жемарина, вызвавъ ее въ столовую, потомъ убилъ дворника, вызвавъ его въ дѣвичью, и затѣмъ стрѣлялъ въ кухарку? Это можно было видѣть и по судебно-медицинскому осмотру, составленному въ то время врачами; это можно было видѣть по самому положенію труповъ; это можно было заключить и потому, что едва-ли возможно было, не раздѣливъ жертвъ преступленія, убить ихъ всѣхъ. И безъ того подсудимый имѣлъ мало успѣха относительно послѣдней своей жертвы: какъ первый, такъ и второй, послѣдовавшій вслѣдъ за первымъ, выстрѣлы въ кухарку были неудачны. Въ самомъ дѣлѣ, какъ-то странно, послѣ трехъ удачно совершенныхъ убійствъ, натапливаться на четвертое, гдѣ рука подсудимаго, кажется, какъ бы дрогнула! Но это произошло не оттого, чтобы у подсудимаго не было рѣшимости продолжать преступленіе; это произошло потому, что, вызвавъ дворника въ столовую, самъ Горскій стоялъ у двери кухни, которая осталась незапертою, и, вслѣдствіе этого, кухарка, находившаяся въ первой половинѣ кухни, могла видѣть паденіе дворника отъ выстрѣла, очевидно, что, для успѣшности преступленія, необходимо было немедленно обратиться къ кухаркѣ и произвести выстрѣлъ; слѣдовательно, въ этомъ случаѣ только быстрота выстрѣла могла имѣть вліяніе на то, что нанесена была несмертельная рана. Тѣмъ же самымъ я объясняю и незначительность раны, произведенной вторымъ выстрѣломъ. Но далѣе подсудимый воротилъ въ столовую побѣжавшую на дворъ кухарку и добилъ ее пестикомъ, который найденъ былъ въ этой же самой комнатѣ,

на угольникъ. Пестикъ этотъ послужилъ первую улику противъ подсудимаго. Спрашивается, почему онъ, такъ хладнокровно, такъ обдуманно составившій заранѣе планъ преступленія, могъ оставить пестикъ на мѣсть убійства? Я объясняю это тѣмъ, что у преступника оставалось слишкомъ мало времени для того, чтобы не столкнуться во время совершенія преступленія съ возвращеніемъ въ домъ жены Жемарина и горничной. Онъ, очевидно, торопился; онъ бросилъ пестикъ на ближайшій угольникъ, и успѣвшимъ пополнить заряды револьвера, которые растратилъ производя убійства. Онъ самъ говоритъ, что отправился въ залъ и тамъ началъ заряжать револьверъ, и, между тѣмъ, тогда же, какъ я полагаю, возвратилась жена Жемарина и подсудимый долженъ былъ поспѣшить къ заднему крыльцу, чтобы отворить ей дверь. Подсудимый самъ говоритъ, что онъ выжидаетъ входа Жемариной и, укрывшись въ углу кухни, произвелъ въ нее выстрѣлъ и затѣмъ обратился съ револьверомъ къ горничной, но выстрѣла не оказалось. Отчего это произошло? Я думаю отъ того, что подсудимый, торопясь, или вовсе не вложилъ пуль въ револьверъ, или вложилъ ихъ такъ неосторожно, что онъ могли впасть, что онъ и самъ предполагаетъ. Но, съ другой стороны, у него встрѣтилось препятствіе и въ томъ, что барабанъ у револьвера не вертѣлся. Вотъ собственно почему онъ снова обратился къ Зейдлицу и, думая только о дальнѣйшихъ убійствахъ, совсемъ позабылъ о пестикѣ, котораго потомъ уже не могъ выручить.

Изъ всего этого я заключаю, что въ собственномъ сознаніи своемъ подсудимый такъ мало сказалъ, чего бы не бы-

до извѣстно слѣдственной комиссіи, что сознаніе его въ настоящемъ дѣлѣ играло весьма ничтожную роль. Повторяю, не собственное сознаніе подсудимаго опередило улики, но улики предшествовали собственному сознанію, и только подъ тяжестью ихъ пало упорство преступника Горскаго.

Спрашивается: какія же причины были этого преступленія; гдѣ то прошедшее, вслѣдствіе котораго сформировался этотъ замѣчательный преступникъ?

Вы видѣли, гг. судьи, какія усилія я употреблялъ во время допроса всѣхъ лицъ, болѣе или менѣе близко знавшихъ Горскаго; я желалъ, посредствомъ отвѣтовъ сихъ лицъ, разъяснить характеръ преступника, его нравственную сторону, узнать его прошедшее; но въ этомъ отношеніи мы пріобрѣли чрезвычайно слабыя указанія, точно, также какъ и слѣдственная комиссія. Относительно этого вопроса я могу указать на отзывъ директора гимназіи, который свидѣтельствуетъ, что преступникъ Горскій не былъ любимъ своими товарищами, держалъ себя одиноко, товарищи считали его злымъ, а въ характерѣ своемъ онъ обнаруживалъ неискренность. Кромѣ того, мы видимъ еще указаніе, и притомъ весьма слабое, на характеръ Горскаго въ словахъ зятя содержателя трактира «Золотой Якорь», который свидѣтельствуетъ, что Горскій часто заходилъ въ трактиръ, проигрывалъ и весьма часто нуждался въ деньгахъ. Мы можемъ также сослаться на показаніе самаго отца подсудимаго, который говоритъ, что предъ Рождествомъ или послѣ Рождества онъ пригрозилъ сыну своему, потому что тотъ часто отлучался изъ дома. Есть еще маловажное указаніе, выясняющее, что

преступникъ Горскій, во время гимназическихъ уроковъ, отличался изъ гимназій, захаживалъ въ трактиръ «Золотой Якорь» и игралъ тамъ на биллиардѣ. Но всѣ эти указанія чрезвычайно слабы для того, чтобы отъ нихъ можно было перейти прямо къ тому преступленію, о которомъ идетъ рѣчь и въ которомъ обвиняется Горскій.

Мнѣ кажется, недостатокъ указаній о характерѣ подсудимаго объясняется скрытностью его, о которой говоритъ въ своемъ отзывѣ директоръ гимназій, называя ее неискренностью. Я, съ своей стороны, не могу допустить, чтобы столь тяжкое преступленіе было совершено человѣкомъ, вполне нравственнымъ, неубившимъ въ себѣ добрыхъ нравственныхъ началъ мало-по-малу, постепенно, въ теченіе всей жизни. Я думаю, что если бы и могли быть хорошіе отзывы до этого времени о преступникѣ Горскомъ, или, лучше сказать, не было бы вовсе опредѣленныхъ отзывовъ, что нынѣ замѣчается, то это скорѣе всего объяснить скрытностью Горскаго, его лицемеріемъ; между тѣмъ, лицемеріе, лишая человѣка возможности исправлять свою нравственную сторону, тѣмъ самымъ даетъ начало той нравственной порчѣ въ дальнѣйшемъ развитіи которой, если на нее не обращается вниманія, могутъ проявиться, наконецъ, такіа послѣдствія, съ какими мы столкнулись въ настоящемъ дѣлѣ.

Теперь другой вопросъ: какаѣ же цѣли этого великаго преступленія? Было ли то чувство мести, ненависти, чувство глубокаго оскорбленія, гнусная политическая цѣль, или не менѣе гнусная цѣль грабежа? Гг. судьи, вы слышали изъ показаній купца Жемарина, что въ домѣ его преступникъ

Горскій не могъ встрѣтить ничего такого, что могло бы расположить его къ ненависти, что могло бы побудить его къ мести; ему не было наносимо никакого оскорбленія, да объ оскорбленіи не можетъ быть и рѣчи, потому что оскорбленное чувство высказывается внезапно и видитъ предъ собою одну лишь жертву, а между тѣмъ здѣсь принесено семь жертвъ. Купецъ Жемаринъ, заявляетъ, что, по мнѣнію его, преступникъ Горскій совершилъ убійство семьи съ политической цѣлью. Но гдѣ указанія на это, гдѣ доказательства для того, чтобы можно было возвестъ на главу преступника столь тяжкое, столь презрѣнное обвиненіе? Съ своей стороны, по внимательномъ изученіи дѣла, по внутреннему убѣжденію, я твердо заявляю, что политической цѣли въ настоящихъ убійствахъ нѣтъ и что въ дѣлѣ не заключается ни малѣйшаго обстоятельства, на основаніи котораго можно было бы вывести какое нибудь соотношеніе между Горскимъ, какъ лицомъ польскаго происхожденія, и тѣмъ преступленіемъ, которое онъ совершилъ въ русскомъ семействѣ. Притомъ, гг. судьи, вы сами слышали, что, на мой вопросъ, Жемаринъ заявилъ, что не имѣетъ никакихъ вѣрныхъ доказательствъ и основывается на одномъ только предположеніи; но одно предположеніе не даетъ мнѣ основанія обвинять подсудимаго въ совершеніи преступления съ политической цѣлью. За всѣмъ тѣмъ, гг. судьи, не менѣе гнусна цѣль преступленія Горскаго; онъ предпринялъ его съ тѣмъ, чтобы ограбить домъ купца Жемарина, а ограбленіе хотѣлъ произвестъ, по его собственному сознанію, посредствомъ убійства всего семейства. Самъ законъ говоритъ, что чѣмъ гнуснѣе, чѣмъ

безнравственнѣе цѣль преступленія, тѣмъ выше и самое преступленіе; Горскій же имѣлъ въ виду не только ограбить, но и убить все семейство Жемарина; къ счастью онъ не достигъ своей цѣли и убилъ только 7 жертвъ, а между тѣмъ въ этомъ недогонченномъ преступленіи сколько является совершенно оконченныхъ! Убиты мать, жена, двое дѣтей купца Жемарина и вмѣстѣ съ ними трое преданныхъ слугъ! Почему же совершилъ Горскій эти убійства? Неужели онъ не зналъ, что жизнь есть величайшее, самое драгоценное благо человѣка, и что посягательство на жизнь своего ближняго есть преступленіе, не только караемое закономъ человѣческимъ, но и закономъ Божескимъ? Неужели, повторяю я, не понималъ Горскій цѣну жизни? Нѣтъ, гг. судьи, поведеніе подсудимаго во время производства настоящаго дѣла приводитъ меня къ убѣжденію, что онъ хорошо сознаетъ цѣну жизни и дорожить ею. Онъ самъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ показаній, что послѣ преступленія, возвратясь къ себѣ домой, онъ отправился на чердакъ для того, чтобы запрятать револьверъ и тамъ хотѣлъ застрѣлиться, но рука его дрогнула; по собственнымъ его словамъ, у него явилось непреодолимое стремленіе къ жизни! Далѣе, послѣ совершенія этого тяжкаго преступленія, когда подсудимый былъ арестованъ, онъ твердо рѣшился не сознаваться и этимъ еще разъ доказалъ свою любовь къ жизни. Наконецъ, уже послѣ признанія, когда до него дошелъ слухъ, что его будутъ судить по полевымъ военнымъ законамъ, онъ снова обнаружилъ, что понимаетъ цѣну жизни, ибо отрекся отъ своего первоначальнаго признанія. Въ чемъ же состояло это отрицательство?

Мнѣ кажется, что гг. судьи настолько убѣдились въ неосновательности втораго показанія Горскаго всѣмъ ходомъ судебного слѣдствія и настоящимъ сознаниемъ подсудимаго, что я могу быть избавленъ отъ необходимости доказывать несостоятельность этого показанія, вытекающую не только изъ сравненія обстоятельствъ, изложенныхъ въ немъ, съ дѣйствительными фактами преступленія, но и изъ каждой строки этого показанія. Но тутъ же мнѣ представляется, что въ ходѣ настоящаго дѣла были какъ бы два періода: первый періодъ, когда Горскій былъ только преступникомъ, и второй, когда онъ быстро сталъ преступникомъ—арестантомъ; въ этотъ періодъ, посаженный въ тюремную камеру, находясь подъ надзоромъ часовыхъ, онъ быстро обнаруживаетъ свои истинныя наклонности, отыскиваетъ для себя возможность войти въ сношеніе съ другими арестантами, отъявленными ворами, избираетъ между ними друзей и пріятелей, получаетъ отъ нихъ совѣты и, сообразно съ ними, начерчиваетъ цѣлый обдуманый планъ отрицательства отъ своего правдиваго признанія.

Вотъ, гг. судьи, и тѣ улики, и тѣ обстоятельства собственнаго сознанія подсудимаго Горскаго, вслѣдствіе которыхъ я предъявляю противъ него обвиненіе въ предумышленномъ убійствѣ семейства и прислуги купца Жемарина съ цѣлью грабежа, котораго онъ не могъ исполнить по независявшимъ отъ него обстоятельствамъ. Относительно послѣдняго предмета я считаю долгомъ заявить суду, что преступникъ не совершилъ грабежа дѣйствительно по обстоятельствамъ, которыя отъ него не зависѣли. Вы знаете, что по совершеніи

последнихъ трехъ убійствъ, Горскій долженъ былъ поспѣшить въ слесарню для того, чтобы починить свой испорченный револьверъ, и затѣмъ продолжать убійства; но по возвращеніи изъ слесарни онъ засталъ уже кучера и няню у двери задняго крыльца, и, конечно, въ это время убѣдился, что далѣе идти по избранному пути невозможно, а кучеръ и няня не соглашались идти въ конюшню, куда онъ ихъ приглашалъ; послѣ этого Горскому нельзя было ни продолжать убійствъ, ни сдѣлать самый грабежъ.

На основаніи своей обязанности, я долженъ предъявить суду не только обвиненіе, но и мѣру наказанія, которой подлежитъ преступникъ. Мѣра наказанія опредѣляется въ 1 кн. воен. угол. уст. въ ст. 632 и 635, изъ которыхъ въ первой выражено, что убійство жителей наказывается смертью, а въ 635 ст. сказано: «нападеніе съ оружіемъ на безоружнаго жителя, жену его и дѣтей наказывается также смертью». По силѣ закона, вамъ, гг. судьи, предоставляется право, при разсмотрѣніи дѣла, если бы обнаружены были какія либо уменьшающія вину обстоятельства, смягчить наказаніе, опредѣляемое закономъ, на одну и даже на двѣ степени. Съ другой стороны, въ 86 ст. правилъ 15 мая прошедшаго года выражено, что если дѣло идетъ о преступникѣ отъ 17 до 21 года, то при особенно-уменьшающихъ вину обстоятельствахъ, судъ можетъ также смягчить наказаніе, опредѣленное закономъ, въ той самой мѣрѣ, въ которой оно смягчается для преступниковъ, недостигшихъ 17 лѣтнаго возраста. Вотъ почему я считаю нужнымъ войти въ разсмотрѣніе вопроса: встрѣчаются ли въ настоящемъ дѣлѣ какія либо осо-

бенныя, смягчающія вину преступника Горскаго обстоятельства? Къ нимъ можно было бы отнести молодость и признаніе Горскаго; но, гг. судьи, своимъ преступленіемъ развѣ не доказалъ подсудимый полную возмужалость, развѣ не обнаружилъ хладнокровія и обдуманности далеко выше своего возраста, развѣ не выказалъ порочныхъ страстей своихъ въ такой силѣ, которой едва-ли возможно ожидать отъ самаго закоренѣлаго убійцы? Что касается собственнаго сознанія подсудимаго, то, мнѣ кажется, сказаннаго мною достаточно, чтобы снова не повторяться по этому вопросу. По закону, собственное сознаніе подсудимаго уменьшаетъ вину только въ томъ случаѣ, если оно чистосердечно и принесено съ раскаяніемъ на первомъ же допросѣ и ранѣ, чѣмъ обнаружены улики. Въ такомъ-ли положеніи находился подсудимый? Нѣтъ, онъ сознался только тогда, когда слѣдственная коммисія вооружилась всѣми противъ него уликами. Было-ли признаніе его подкрѣплено раскаяніемъ? Изъ постановленія слѣдственной коммисіи видно, что подсудимый, прежде чѣмъ произнесъ сознаніе, пролилъ слезы. Я полагаю, что въ эту минуту онъ только упалъ духомъ, потому что видѣлъ необходимость сознаться, предвидѣлъ строгое наказаніе за преступленіе и плакалъ не отъ раскаянія, а оттого, что долженъ, наконецъ, потерпѣть наказаніе. Притомъ, можно-ли видѣть раскаяніе въ преступникѣ, который, менѣе чѣмъ черезъ мѣсяць послѣ сознанія, отрекается отъ него, и отрекается послѣ того, какъ вошелъ въ сношенія съ отъявленными негодяями и перенялъ отъ нихъ науку отрицательства отъ преступленія?

Такимъ образомъ, я въ настоящемъ дѣлѣ не вижу обстоятельствъ, уменьшающихъ вину преступника.

Теперь необходимо обратить внимание на другую сторону дѣла и посмотрѣть, нѣтъ-ли въ немъ обстоятельство, увеличивающихъ вину? Убийство есть одно изъ тягчайшихъ преступленій; убійствомъ, какъ я сказалъ, нарушаются не только законы человѣческіе, но и законы Божескіе; по теоріи уголовного права, оно стоитъ въ главѣ другихъ преступленій, и наказаніе, назначаемое за него, служитъ мѣриломъ наказаній, назначаемыхъ за всѣ остальные преступленія. Въ настоящемъ же дѣлѣ мы встрѣчаемся съ важнѣйшимъ видомъ убійства: преступникъ, задумавъ сдѣлать грабежъ у купца Жемарина и избить его семейство, цѣлый мѣсяцъ носился съ этою мыслью, развивалъ ее въ мельчайшихъ подробностяхъ, вооружалъ свои руки орудіями преступленія, пріобрѣталъ пистоль, револьверъ, порохъ, создавалъ планъ убійства и, наконецъ, приступивъ къ преступленію такъ хладнокровно и такъ обдуманно, вѣрно выполнилъ его. Необходимо также обратить вниманіе и на качество жертвъ, павшихъ подъ рукою Горскаго. Въ числѣ этихъ жертвъ— 70-лѣтняя мать купца Жемарина. Какъ христіане, мы вѣруемъ, что долголѣтняя жизнь даруется человѣку за его добрыя дѣла, но и эта старушка, достигшая преклонныхъ лѣтъ, почитаемая и любимая своимъ сыномъ, лелѣемая имъ въ своемъ домѣ, готовящаяся уже къ смерти, умерла внезапно отъ руки убійцы! Въ числѣ жертвъ мы видимъ также преданную жену Жемарина, которая оставила жизнь, только нѣсколькими минутами переживъ своего старшаго сына и на нѣсколько часовъ не доживъ до смерти своего младшаго сына. Въ числѣ жертвъ мы находимъ старшаго сына Же-

марина, обученіемъ котораго занимался преступникъ Горскій. Всѣмъ извѣстно, что отношенія, которыя возникаютъ, обыкновенно, между воспитателемъ и воспитанникомъ, иногда сохраняются на всю жизнь и составляютъ между ними неразрывную связь; но рука преступника поднялась даже на своего ученика! Горскій не остановился и передъ малолѣтнимъ сыномъ Жемарина, который былъ очевидцемъ убійства своей матери и ея горничной и оставался при нихъ, какъ бы ожидая, что убійца пощадитъ его; но не было пощады и этому 5-лѣтнему ребенку! Отъ удара, нанесеннаго въ голову, онъ страдалъ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ и умеръ на другой день послѣ происшествія! При этомъ нельзя не видѣть, гг. судьи, еще одну жертву преступленія Горскаго. Эта жертва не убита физически, но убита нравственно: я говорю о самомъ купцѣ Жемаринѣ. Живя до этого времени окруженный большимъ семействомъ, имѣя на своемъ попеченіи мать, пользуясь во всѣхъ дѣлахъ жизни подкрѣпленіемъ и утѣхою со стороны любимой жены, привѣтомъ и ласкою со стороны дѣтей—онъ въ настоящее время остался одинокомъ! Гг. судьи! Купецъ Жемаринъ долженъ быть присоединенъ къ числу жертвъ, которыя пали подъ рукою убійцы, и если однѣ жертвы навсегда окончили свою земную жизнь, то купецъ Жемаринъ также расцелся окончательно съ своимъ прошедшимъ и едвали для него возможно утѣшеніе въ будущемъ!

Гг. судьи! Я указалъ законы, которые должны быть примѣнены къ винѣ преступника Горскаго. Вслѣдъ за мною вы услышите слово защитника, на долю котораго

вышла не легкая задача. Тѣмъ съ большимъ вниманіемъ вы отнесетесь къ тому, что будетъ высказано имъ и, помня сказанное мною въ обвинительной рѣчи, вы постановите приговоръ такъ, чтобы всѣ тѣ, которые слышали о преступленіи, совершившемся въ Тамбовѣ 1 марта 1868 года и услышать о вашемъ приговорѣ, не могли бы сказать, что, не открывъ въ дѣлѣ никакихъ данныхъ, вы дали ваше снисхожденіе тому, кто не оказалъ снисхожденія ни одной изъ жертвъ своего неимовѣрнаго тяжкаго преступленія, и поражая хладнокровно, безъ раскаянія, соединилъ въ одной могилѣ бабуку съ ея внуками, мать съ ея дѣтьми, и тѣмъ погубилъ цѣлое семейство отъ перваго и до третьяго поколѣнія.

Защитникъ Горскаго, указывая на обстоятельства, могущія, по его мнѣнію, смягчить вину подсудимаго, заключеніе ходатайствовалъ, на основ. 826 воен. суд. уст., о снисхожденіи.

Горскій прибавилъ нѣсколько словъ, указывая на чистосердечность своего признанія.

Затѣмъ, послѣ 2-хъ часоваго совѣщанія, въ 3-мъ часу пополудни, была объявлена слѣдующая резолюція суда: Подсудимаго изъ дворянъ Витольтда Людвигова Горскаго, 19 лѣтъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, казнить смертию черезъ повѣшеніе. Приговоръ этотъ прежде обращенія къ исполненію, на основ. 1 пун. 1016 ст. воен. суд. уст., представить, чрезъ военнаго министра, на Высочайшее усмотрѣніе. Судебныя издержки по сему дѣлу, если у подсудимаго не окажется имущества, принять на счетъ казны.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, 6-го Іюня Высочайше повелѣть соизволилъ: означенный приговоръ временнаго военнаго суда привести въ исполненіе съ тѣмъ, чтобы присужденную дворянину Горскому смертную казнь замѣнить каторжною работою въ рудникахъ безъ срока.

The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions. It emphasizes that every entry should be clearly documented and supported by appropriate evidence. This ensures transparency and accountability in the financial reporting process.

Furthermore, it is noted that regular audits are essential to verify the accuracy of the records. These audits should be conducted by independent parties to provide an objective assessment of the financial data. Any discrepancies identified during the audit process should be promptly investigated and corrected.

In conclusion, the document stresses that a robust system of record-keeping and auditing is fundamental to the integrity of financial statements. By adhering to these principles, organizations can ensure that their financial information is reliable and trustworthy.

Д Ъ Л О

○

БЫВШЕМЪ УЧЕНИКЪ

НОВГОРОДСКОЙ ГИМНАЗИИ

ЛАМБИНЪ

**Обвинявшемся въ убійствѣ воспитанника той же
гимназии**

ТРУФАНОВА.

Д. П. О.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНСКОГО

УНИВЕРСИТЕТА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИЗДАНИЕ

ТРИНАДЦАТЬ

Дѣло Ламбина разсматривалось въ Новгородскомъ Окружномъ Судѣ 14-го Декабря 1867 года, подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя Проскуракова; обвинялъ Товарищъ Прокурора Сутовичъ; защищалъ присяжный повѣренный Передольскій.

Подсудимый средняго роста, на видъ нѣсколько старѣе своихъ лѣтъ; большой лобъ придаетъ умное выраженіе его круглому лицу, обрамленному темнорусыми волосами; сѣрые глаза его внимательно останавливаются на всей окружающей обстановкѣ; говорить спокойно и обстоятельно.

На обычные вопросы предсѣдательствовавшаго Ламбинъ отвѣчалъ, что онъ сынъ Коллежскаго Совѣтника, имѣетъ 17 лѣтъ отъ роду, вѣроисповѣданія православнаго, жилъ до задержанія у брата своего въ Новгородѣ, воспитывался въ Новгородской гимназіи, а потомъ вышелъ.

Обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

18. Апрѣля 1867 года, около 10 часовъ вечера, жившій въ г. Новгородѣ, въ домѣ мѣщанина Моченева, воспитанникъ 6 класса Новгородской губернской гимнази Ксенофонтъ Труфановъ, 19 лѣтъ на своей квартирѣ былъ убитъ уволеннымъ изъ той же гимнази, по желанію родственниковъ,

сыномъ Коллежскаго Совѣтника Львомъ Ламбининымъ, 16 лѣтъ, 5 мѣсяцевъ и 27 дней, черезъ выстрѣлъ пулей изъ пистолета, причинившій Труфанову смертельную рану въ грудь, послѣ полученія которой онъ черезъ нѣсколько минутъ, сначала сознательнаго состоянія, а потомъ предсмертной агоніи умеръ.

Ламбинъ, сознаваясь въ убійствѣ Труфанова, объяснилъ, что сдѣлалъ въ него вѣстрѣлъ по неосторожности и слѣдующимъ образомъ рассказалъ объ обстоятельствахъ событія въ упомянутый вечеръ: послѣ того, какъ они пришли вмѣстѣ на квартиру Труфанова и послѣдній сталъ рѣзать хлѣбъ, онъ Ламбинъ взялъ заряженный передъ тѣмъ Труфановымъ принадлежащій ему пистолетъ и навелъ его на Труфанова, желая поугатъ его, но по ошибкѣ дернулъ за собачку, чѣмъ и произвелъ выстрѣлъ. Нижеслѣдующія обстоятельства однако изобличаютъ Ламбина въ умышенномъ совершеніи настоящаго убійства.

1) Труфановъ и Ламбинъ имѣли расположеніе къ дѣвицѣ Бабковой, которая оказывала болѣе вниманія Труфанову, какъ болѣе взрослому и умственно развитому; это, въ соединеніи съ горделивымъ обращеніемъ Труфанова въ отношеніи къ Ламбину породило въ Ламбинѣ чувство непріязни къ Труфанову.

2) Подъ вліяніемъ этого непріязненнаго чувства, Ламбинъ уже имѣлъ покушеніе на жизнь Труфанова, когда, 5 Марта настоящаго года, они вмѣстѣ съ другими воспитанниками гимназій ходили стрѣлять въ цѣль за городъ; послѣ того, какъ покушеніе это неудалось, такъ какъ направленная

Ламбини въ Труфанова пуля пролетѣла надъ его головою, Ламбинъ сказалъ: «теперь неудалось, такъ въ другой разъ удастся» и потомъ нѣсколько разъ говорилъ Труфанову, что онъ его застрѣлитъ.

3. Въ послѣдніе дни предъ убійствомъ Труфанова, Ламбинъ нѣсколько разъ просилъ у воспитанника гимназіи Бобкова пистолеть объясняя, что хочетъ поугаить Труфанова, когда пистолеть Бобкова оказался испорченнымъ, то вызвался поправить его на свой счетъ и спрашивалъ нѣтъ ли у него пистолета граненаго, а въ самой день убійства, утромъ, просилъ Труфанова зарядить принадлежавшій ему пистолеть, и

4. Получивъ рану, Труфановъ, по показанію Ламбина, бросился сначала на диванъ, но потомъ вскочилъ съ него и пошелъ къ письменному столу, гдѣ сталъ писать; при первомъ же осмотрѣ квартиры Труфанова, на этомъ письменномъ столѣ, отъ котораго шли кровавые слѣды къ дивану, была найдена окровавленная нотная бумага съ написанными на ней Труфановымъ карандашемъ словами: «Ламбинъ меня убилъ».

Вслѣдствіе сего, уволенный изъ Новгородской гимназіи, сынъ коллежскаго совѣтника Левъ Петровъ Ламбинъ, обвиняется въ умышенномъ убійствѣ 18 Апрѣля 1867 г., воспитанника той же гимназіи Ксенофонта Труфанова.

На вопросъ предѣдательствовавшаго, признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ взводимомъ на него преступленіи, подсудимый отвѣчалъ, что онъ признаетъ себя виновнымъ въ убійствѣ, но въ убійствѣ случайномъ, а не предумышенномъ.

Судебное слѣдствіе началось чтеніемъ акта осмотра квартиры Труфанова, изъ котораго видно, что квартира эта состоитъ изъ одной комнаты имѣющей 6 аршинъ въ ширину и длину; на лежанкѣ и около нея лежатъ кухонныя принадлежности, на стѣнѣ виситъ платье, охотничья сумка, набитая паклей, на полу стоитъ сундукъ съ бѣльемъ и книгами; конторка простаго дерева, на которой лежатъ ноты, русскихъ пѣсень, раскрытыя на страницахъ подъ заглавиемъ: «Вы подруженьки» и «какъ по морю». За тѣмъ у стѣнки стоитъ шкафъ съ книгами, хозяйственными принадлежностями и нѣкоторыми мелкими вещами; въ углу стоятъ два ружья; на шкафу также виситъ ружье и дробовикъ, за шкафомъ вдоль по стѣнкѣ стоитъ кровать, съ постланною постелью, а надъ нею висятъ портреты Александра I и его супруги; между портретами и шкафомъ вѣсы. За тѣмъ по длинѣ комнаты, у окна, стоитъ письменный столъ, а у другаго окна стоитъ стулъ съ лежащимъ на немъ пистолетомъ. Далѣе въ углу виситъ образъ, а подъ нимъ стоитъ сундукъ, запертый на замокъ. У окна обѣденный столъ съ раскрытымъ однимъ полукругомъ, а вдоль по перегородкѣ стоитъ диванъ, на которомъ лежитъ тѣло Труфанова, подъ головой котораго черное пальто. На письменномъ столѣ у окна оказались разныя мелочи и между прочимъ альбомъ съ 42 фотографическими карточками, изъ которыхъ послѣдняя представляетъ портретъ самого Труфанова. Карточка эта, оклеенная бумагой, представляетъ катафалкъ, подушку съ изображеніемъ креста и два большіе подсвѣчника со свѣчами. Далѣе лежатъ книги «заграничнаго вѣстника», коробочка съ

табакомъ, гильзы, крышка изъ подъ спичекъ съ 12 маленькими нулями и картечью, раскрытая шкатулка съ зеркальцемъ, гармонія, головная щетка, очки въ футляръ и 3 эпиги сочиненій Бокля, Дарвина и Корнелія. На окнѣ помѣщается лупа, письменный приборъ и бутылка съ порохомъ. На другомъ окнѣ лежитъ нотная тетрадь, на верхней сторонѣ которой написано карандашомъ: «Ламбинъ меня убилъ;» конецъ послѣдняго слова написанъ не ясно; около тетради найденъ бѣлый карандашъ, съ кровяными пятнами; точно также запачкана кровью та часть нотной бумаги, на которой написаны вышеприведенныя слова. На обѣденномъ столѣ помѣщается самоваръ и чайный приборъ. Надъ диваномъ, на перегородкѣ висятъ часы, мужской портретъ и полярковая шляпа, а на диванѣ, гдѣ лежитъ трупъ Труфанова—гармонія. На стулѣ найденъ одноствольный пистолетъ, съ желѣзнымъ вынутымъ шомполомъ; подъ куркомъ расплюснутый пистонъ; къ рукояткѣ привязанъ сыромятный тонкій ремень; внутри дуло выпачкано сажей, образовавшейся отъ выстрѣла. На полу комнаты, между стуломъ и письменнымъ столомъ, оказался кусокъ рубленнаго свинца; а въ карманѣ сюртука Труфанова двѣ бумажки, изъ которыхъ одна написана цифрами и буквами, а на другой объявленіе почтовой конторы. Между кроватью и шкафомъ найдены двѣ рапиры, а на выступѣ нижней части шкафа часть сабли, оправленная въ кухонный ножъ. На столѣ у дивана лежала книга съ описаніемъ древностей на нѣмецкомъ языкѣ.

Изъ прочитаннаго затѣмъ судебно-медицинскаго акта осмотра тѣла Труфанова, видно, что пуля прошла спереди гру-

ди, чрезъ грудную стѣнку, сердечный мѣшокъ, стѣнку лѣваго желудка сердца, лѣвое легкое и чрезъ заднюю грудную стѣнку, и что по заключенію врача, смерть Труфанова произошла отъ нанесенія этой раны. Далѣе, основываясь на обоженномъ отверстіи рубашки и вставшимъ къ ней двумъ кускамъ пали спереди груди и на окружности этой раны, врачъ допускаетъ, что рана нанесена при жизни огнестрѣльнымъ оружіемъ на весьма близкомъ разстояніи, не болѣе 3 шаговъ, что подтверждается опаленіемъ рубашки спереди и вкрапленными въ кожу порошинками пороку. Судя по этимъ даннымъ и завороту раны внутрь, врачъ полагаетъ, что входъ пули былъ спереди груди, а выходъ на спинѣ; а что оружіе заряжено было пулей, объ этомъ свидѣтельствуешь пробитый ею однообразный путь чрезъ грудную кѣтну, въ видѣ каната. На вопросы, могъ ли Труфановъ, по полученіи раны, написать 3 слова и сдѣлать нѣсколько шаговъ, а равно долго ли продолжалась агонія, врачъ отвѣтилъ, что смерть Труфанова не могла произойти моментально, потому что стѣнка лѣваго сердца не была пробита насквозь. При такомъ состояніи въ горячахъ, Труфановъ, по близости карандаша и бумаги, могъ смѣло написать 3 слова, прежде чѣмъ наступила агонія, которая по всей вѣроятности послѣдовала по прошествіи 2 или много 3 минутъ; въ продолженіи этого времени онъ успѣлъ сдѣлать 5 или 6 шаговъ, чтобы лечь на диванъ при чемъ отъ сильной боли и начавшейся, быть можетъ, агоніи, Труфановъ упалъ на ручку дивана и нанесъ себѣ подтекъ крови на правомъ вискѣ.

Послѣ обычныхъ обрядовъ судъ приступилъ къ допросу видѣтелей.

Свидѣтель Василій Моченевъ, хозяинъ квартиры, въ которой жили Труфановъ и Кабановъ показалъ, что 18 Апрѣля они пришли въ 10-мъ часу вечера и по прошествіи весьма непродолжительнаго времени въ ихъ комнатѣ раздался выстрѣлъ, въ слѣдъ за которымъ кто-то побѣжалъ изъ комнаты жильцовъ; свидѣтель бросился туда, увидѣлъ дымъ и на диванѣ покойника и сейчасъ же далъ знать о случившемся частному приставу. До выстрѣла слышно было что кто-то изъ жильцовъ пѣлъ и игралъ на гармоніи. Прежде никогда не случалось слышать, чтобы жильцы стрѣляли или хлопали пистонами въ комнатѣ.

Подсудимый на вопросъ предсѣдателя, почему онъ послѣ выстрѣла поторопился уйти домой, а не прибѣгнувъ къ помощи постороннихъ, отвѣтилъ: «потому что я тогда ничего не помнилъ, ничего не могъ сообразить что сдѣлалось.»

Свидѣтель Частный приставъ Сакинъ показалъ, что когда онъ вошелъ въ квартиру Ламбина и сказалъ, что ему нужно ѣхать съ нимъ, Сакинымъ, то Ламбинъ сейчасъ же одѣлся и они отправились къ квартирѣ Труфанова на извожикѣ. Дорогою Ламбинъ спросилъ Сакина: «куда вы меня везете?»—«На ту сторону, (они ѣхали съ одной стороны Волхова на другую) въ то мѣсто, гдѣ вы были», отвѣтилъ Сакинъ.—«Вѣрно къ Труфанову?» спросилъ немного погодя Ламбинъ.—«Да».—«Вы были у него, что онъ живъ?»—«Да, иначе я не зналъ бы, какъ ваша фамилія».

Гос. Прокурора. Припомните хорошенько, какой отвѣтъ далъ Ламбинъ на вашъ вопросъ, «что вы надѣлали?» *Свид.* Я этого не говорилъ. *Гос. Прокурора.* На предваритель-

номъ слѣдствіи вы показали, что когда ѣхали по мосту, то спросили Ламбина; «что вы надѣлали?» и что онъ отвѣтилъ: «какъ ни убить, а убилъ». *Свид.* Дѣйствительно, не дожидая часовни онъ спрашивалъ: «живъ ли Труфановъ?», и на мой утвердительный отвѣтъ, сказалъ «слава Богу», а затѣмъ въ крѣпости на мой вопросъ: «что вы надѣлали?» сказалъ: «какъ ни убить, да убилъ».

На вопросъ *защитника* не замѣтно ли было въ Ламбинѣ дороговю какого нибудь волненія, свидѣтель отвѣтилъ отрицательно.

По требованію защитника прочитано было слѣдующее мѣсто изъ показаній свидѣтеля на предварительномъ слѣдствіи: «во все время дороги я замѣчалъ, что Ламбинъ сильно дрожалъ и на мой вопросъ «не озябъ ли онъ?» отвѣчалъ: «не озябъ». Когда я привезъ его на квартиру Труфанова, то онъ оставался въ такомъ же положеніи».

Свидѣтель заявилъ, что онъ этого обстоятельства не помнитъ.

Врачи *Аренскій* и *Кузминскій*, подтвердивъ обстоятельства, изложенныя въ судебно-медицинскомъ актѣ осмотра тѣла Труфанова, между прочимъ объяснили, что для того, чтобы опустить курокъ пистолета, выстрѣломъ изъ котораго убить Труфановъ, нужно довольно порядочное усиліе и что отъ произвольнаго, судорожнаго движенія пальца едва ли могъ спуститься курокъ.

Подсудимый, на вопросы предсѣдателя, объяснилъ, что стрѣлять ему приходилось довольно часто, что обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ онъ умѣетъ, что разстояніе

между нимъ и Труфановымъ во время роковаго выстрѣла было не болѣе одного аршина и Труфановъ тогда рѣзалъ хлѣбъ; пистолеть передъ тѣмъ висѣлъ на стѣнѣ, Труфановъ снялъ его и зарядилъ — для чего именно, подсудимый не знаетъ. Онъ взялъ этотъ пистолеть и шутя навелъ его на Труфанова, но по ошибкѣ дернулъ за собачку и отъ этого произошелъ выстрѣлъ.

Предс. Для какой цѣли вы наводили пистолеть на Труфанова? *Подс.* Чтобы узнать испугается онъ или нѣтъ.

Предс. что вамъ за идея пришла это сдѣлать, вѣдь вы были только въ двоемъ? *Подсудимый молчитъ.* *Предс.* Что вы дѣлали когда Труфановъ заряжалъ пистолеть? *Подс.* Игралъ на гармоніи.

Предс. Не произошло ли ссоры между вами? *Подс.* Нѣтъ.

Свидѣтельница Бобкова, спрошенная подъ присягою, на обыкновенный вопросъ предсѣдательствовавшего, — не знаетъ ли чегонибудь по этому дѣлу, отвѣтила: по этому дѣлу я ничего не знаю. — *Тов. прок.* Не можете ли вы объяснить, когда Ламбинъ познакомился въ вашемъ домѣ? — *Свид.* Не-задолго до Рождества Христова, въ прошедшемъ году. — *Тов. прок.* Кто его познакомилъ съ вашимъ семействомъ? — *Свид.* Братъ. *Тов. прок.* Часто ли онъ посѣщалъ вашъ домъ? — *Свид.* Почти каждый день. — *Тов. прок.* Какъ вы полагаете, какая побудительная причина была къ тому, что онъ посѣщалъ васъ каждый день? — *Свид.* Я не знаю причины. — *Предс.* Не можете ли говорить громче, чтобы могли васъ слышать гг. присяжные? — *Свид.* Не могу говорить громче. — *Тов. прок.* На предварительномъ слѣдствіи

вы показали, что вы избѣгали разговоровъ съ Ламбинимъ— казая была къ тому причина?—*Свид.* Потому что онъ разказывалъ о своихъ чувствахъ ко мнѣ; это показалось мнѣ неделикатнымъ, потому что никто изъ моихъ знакомыхъ не смѣлъ говорить мнѣ это.—*Тов. прок.* Какъ вы приняли это признаніе Ламбина?—*Свид.* Какъ глупость. — *Тов. прок.* И вслѣдствіе этого вы ваше обращеніе съ нимъ перемѣнили?—*Свид.* Да, я стала избѣгать его и разговоровъ съ нимъ. *Тов. прок.* Какъ принялъ Ламбинъ ваше къ нему невниманіе? Не пересталъ-ли онъ бывать у васъ?—*Свид.* Нѣтъ, бывалъ также постоянно.—*Тов. прок.* Стало быть, на него не подѣйствовало это... Во время вечернихъ домашнихъ бесѣдъ, когда составится кружокъ для разговоровъ, то принималъ-ли Ламбинъ участіе въ этихъ разговорахъ?—*Свид.* Да.—*Тов. прок.* Не замѣчали-ли вы тогда что нибудь особенное въ немъ?—*Свид.* Ничего.—*Тов. прок.* Припомните, вы сказали на предварительномъ слѣдствіи, что подсудимый преимущественно придирался къ Труфанову?—*Свид.* Да, они взаимно трунили между собою.—*Тов. прок.* Какой изъ этихъ насмѣшекъ вы дѣлали выводъ?—*Свид.* Я принимала ихъ какъ обыкновенныя шутки.—*Тов. прок.* Не говорилъ-ли Труфановъ о событіи 5 марта?—*Свид.* Да, онъ говорилъ, что Ламбинъ въ него цѣдилъ и потомъ выстрѣлилъ, но онъ принялъ это за шутку.—*Тов. прок.* Говорилъ-ли вамъ это Труфановъ по секрету, или съ правомъ передать каждому?—*Свид.* Да, онъ просилъ, чтобы сохранить это въ тайнѣ.—*Тов. прок.* 18 апрѣля вечеромъ былъ у васъ Ламбинъ?—*Свид.* Былъ.—*Тов. прок.* Не замѣтили-ли вы тогда что нибудь въ немъ

особенное?—*Свид.* Не помню.—*Тов. прок.* Не замѣтили-ли вы, что Ламбинъ былъ занятъ какою-то мыслию, ходилъ задумчивый по комнатѣ, и принималъ-ли онъ участіе въ общихъ разговорахъ?—*Свид.* Ходить по комнатѣ это была обыкновенная его привычка, особенной задумчивости въ немъ не замѣчала, въ разговорахъ онъ участвовалъ.—*Тов. прок.* Въ этотъ вечеръ, когда у васъ были Ламбинъ и Труфановъ, чѣмъ вы занимались?—*Свид.* Прежде я участвовала въ общемъ разговорѣ, играла въ карты, а потомъ сѣла играть за фортеціано.—*Тов. прок.* Что въ то время дѣлалъ Труфановъ?—*Свид.* Онъ также участвовалъ въ общемъ разговорѣ и игрѣ въ карты; но когда я сѣла за фортеціано, то онъ всталъ раньше другихъ и слушалъ, какъ я играю.—*Тов. прок.* Не происходилъ-ли у васъ въ то время какой нибудь разговоръ?—*Свид.* Когда я перестала играть, то у насъ завязался разговоръ о музыкѣ, притомъ онъ изъявилъ желаніе переписать для меня ноты, о чемъ я его и попросила.—*Тов. прок.* Вы дали для этого ему оригиналъ?—*Свид.* Да.—*Тов. прок.* Труфановъ сидѣлъ долго въ этотъ вечеръ?—*Свид.* Онъ и Ламбинъ ушли въ 9 часовъ, или немного спустя.—*Тов. прок.* Не просилъ-ли Труфановъ, чтобы Ламбинъ сопровождалъ его домой?—*Свид.* Нѣтъ, Ламбинъ всегда провожалъ Труфанова.—*Тов. прок.* Когда они собирались домой, не замѣчали-ли вы чего нибудь въ Ламбинѣ?—*Свид.* Мнѣ показалось, что онъ имѣлъ въ то время видъ болѣе веселый, чѣмъ въ продолженіе цѣлаго вечера.—*Тов. прок.* Извѣстенъ ли вамъ почеркъ Труфанова?—*Свид.* Да, я его видѣла.—*Тов. прок.* Его-ли рукою написаны на нотной бумагѣ слова: «Ламбинъ меня убилъ»?—

Свид. Да, это его рука.—*Зац.* Не припомните ли вы, при каких обстоятельствах объяснялся вамъ Ламбинъ въ любви?—*Свид.* Не припомню.

По требованію *Гов. прок.* было прочитано слѣдующее мѣсто изъ показанія на предварительномъ слѣдствіи: «Во вторникъ на этой недѣлѣ Ламбинъ пришелъ къ намъ часовъ въ 5 вечера, когда я занималась съ Труфановымъ, и по окончаніи занятій продолжала съ ними разговаривать. Затѣмъ Труфановъ сѣлъ съ Ламбинымъ и бабушкой играть въ карты, но всталъ немного раньше другихъ и слушалъ, какъ я играла на фортепиано. Затѣмъ и бабушка съ Ламбинымъ кончили играть и тогда, составивъ общій кружокъ, начали заниматься разговоромъ. Я разговаривала больше съ Труфановымъ и, насколько запомню, преимущественно о музыкѣ, причеиъ Труфановъ вызвался переписать для меня ноты вальса, взятаго мною у подруги и мнѣ очень нравившагося. Ламбинъ, во время этихъ разговоровъ говорилъ очень немного, а больше ходилъ по комнатѣ, или просто сидѣлъ и слушалъ. Во время вечера, за Ламбинымъ, я ничего особеннаго не замѣчала, но только могу сказать, что когда Труфановъ собрался отъ насъ уходить, то и Ламбинъ сталъ торопиться, чтобы выйти вмѣстѣ съ нимъ, несмотря на то, что Труфановъ его съ собою не звалъ, и я при этомъ замѣтила, что у Ламбина вдругъ сдѣлалось лицо довольное, торжественное».

Далѣе свидѣтельница Бобкова на вопросы председателя показала, что ей никогда не случалось видѣть чтобы подсудимый ссорился съ Труфановымъ; нотная тетрадь, лежащая на столѣ вещественныхъ доказательствъ та самая, которую

она дала Труфанову, когда Труфановъ разсказалъ ей о происшествіи 5 марта, то это происшествіе не удивило ее, потому что Труфановъ объяснилъ его какъ глупость со стороны Ламбина.

Предсѣдатель. Послѣ того объясненія, которое вамъ сдѣлалъ Ламбинъ, случилось ли вамъ разговаривать съ нимъ и о чемъ именно?—*Свид.* Я съ нимъ разговаривала какъ и съ каждымъ изъ своихъ знакомыхъ. *Предс.* Но вы сказали, что избѣгали съ нимъ разговоровъ вслѣдствіе того оскорбленія, которое онъ нанесъ вамъ?—*Свид.* Да.—*Предс.* А въ обыкновенныхъ разговорахъ, которые вы вели какъ хозяйка дома не высказывалось ли неудовольствіе можетъ быть даже невольно съ вашей стороны?—*Свид.* этого не помню.

По требованію тов. прокурора, усмотрѣвшаго въ отвѣтахъ Бобковой противорѣчіе, прочитано было слѣдующее мѣсто изъ показанія ея на предварительномъ слѣдствіи: «Ламбинъ съ самаго начала нашего знакомства, мнѣ не совѣмъ нравился, такъ какъ казался онъ мнѣ недовольно умнымъ; но когда на праздникахъ рождества онъ оскорбилъ меня тѣмъ, что наединѣ сталъ говорить про свою ко мнѣ любовь, то съ того времени я перестала съ нимъ совершенно разговаривать; несмотря на это онъ все таки продолжалъ посѣщать насъ». Свидѣтельница заявила что какъ прежнія, такъ и теперешнія ея показанія вѣрны и если между ними оказывается какое нибудь противорѣчіе, то оно объясняется забывчивостью.

Подсудимый. Прошу Бобкову сказать объ обстоятельствахъ оскорбленія ея мною: въ какихъ это было выраженіяхъ и кто прежде началъ?—*Предс.* Бобкова! Не припомните ли вы

въ какихъ выраженіяхъ подсудимый выражалъ вамъ свои чувства?—*Свид.* Не помню.—*Предс.* Позвольте объяснить мнѣ это. — *Предс.* (*къ свидѣтельницѣ*). Это объясненіе могло имѣть характеръ шутки, поэтому, мнѣ кажется, если вы припомните, то вамъ нечего стѣсняться рассказать это и предъ судомъ.—*Свид.* Я не помню, поэтому не могу рассказать.—*Предс.* Въ обвинительномъ актѣ говорится, что Ламбинъ имѣлъ неудовольствіе къ Труфанову изъ-за того, что вы оказывали большее расположеніе къ послѣднему, чѣмъ къ Ламбину.—*Свид.* Этого я не помню.—*Предс.* Но этотъ вопросъ чрезвычайно важенъ; постарайтесь припомнить.—*Свид.* Я обращалась со всѣми равно.—*Предс.* Кто началъ первый вышеупомянутый разговоръ?—*Свид.* Не помню.

Подсудимый. Бобкова первая спросила меня, въ кого я влюбленъ. Не скажу, я отвѣчалъ. Тогда она начала называть фамиліи тѣхъ дѣвицъ, которыхъ я знаю, не упомянувъ только себя, на что получила тотъ же отвѣтъ. Затѣмъ, продолжая разговоръ, говорила: скажите хотя первую букву этой особы?—*Б.* было моимъ отвѣтомъ, что вовсе не оскорблено Бобковой.—*Предс.* И вы это сдѣлали для шутки?—*Подс.* Только для шутки.

Ученикъ Новгородской гимназіи *Феодосій Бобковъ* далъ слѣдующее показаніе: 5 Марта Труфановъ, Кабрановъ, Ламбинъ и я отправились за городъ стрѣлять въ цѣль. Когда очередь дошла до Ламбина, то онъ навелъ пистолеть на Труфанова и сказалъ: «Я въ тебя стрѣляю, берегись». Труфановъ, находясь въ 15 шагахъ отъ него, отвѣтилъ «стрѣляй» и тотъ, послѣ довольно долгаго прицѣла, выстрѣлилъ,

но пуля пролетѣла мимо. Когда мы стали упрекать его за это, то онъ сказалъ, что сдѣлалъ это, въ шутку. Труфановъ также называлъ это глупой шуткой. Возвращаясь въ городъ, онъ говорилъ: «если теперь неудалось, то другой разъ удасться» После этого событія отношенія Ламбина къ Труфанову кажется нисколько не измѣнились. За нѣсколько дней до 18 Апрѣля онъ просилъ у меня пистолеть, говоря, что желаетъ поугаить Труфанова, но мой пистолеть былъ испорченъ и потому я въ просьбѣ Ламбина отказалъ. Вечеромъ 18 Апрѣля въ немъ не было замѣтно никакой пережѣны; только выходя отъ насъ, онъ зашелъ въ мою комнату и, прощаясь со мною сказалъ: «можетъ быть мы больше не увидимся». — Я думалъ что онъ ѣдетъ на дняхъ въ Петербургъ, о чемъ былъ разговоръ прежде и потому не просилъ объясненія этой фразы. Сестра говорила что на Рождествѣ Ламбинъ сказалъ ей какую-то глупость, но въ чемъ она заключалась я не полюбопытствовала узнать.

На вопросъ *тов. Прокурора*, не отвелъ ли Ламбинъ руку въ сторону передъ выстрѣломъ въ Труфанова 5 Марта, *свидѣтель* отвѣтилъ, что не замѣтилъ этого.

Подсуд. Прошу судъ спросить свидѣтеля; въ какомъ разстояніи онъ стоялъ отъ меня во время выстрѣла 5 Марта.

Свид. Объяснилъ, что онъ стоялъ въ 10 шагахъ отъ мишени.

Подсуд. Это выходитъ около 30 шаговъ отъ меня; могли свидѣтель на такомъ разстояніи видѣть, отвелъ ли я во время выстрѣла руку или нѣтъ.

Свид. заявилъ, что онъ стоялъ отъ Труфанова въ разстояніи 4 шаговъ, а отъ Ламбина въ 10 и что когда Ламбинъ сказалъ, что будетъ стрѣлять, то внимательно смотрѣлъ на него.

Подсуд. Въ такомъ случаѣ прошу прочитатъ первоначальное показаніе Бобкова, гдѣ онъ говоритъ, что стоялъ дальше, надѣвалъ въ то время пальто и потому не могъ замѣтить, отвелъ ли я руку или нѣтъ.

Въ прочитанномъ за тѣмъ показаніи Бобкова говорится: «когда стрѣлялъ Ламбинъ въ Труфанова, то они находились другъ отъ друга на разстояніи отъ 15 до 20 шаговъ; Кабрановъ стоялъ педалеко отъ Труфанова, а я находился не много въ сторонѣ, надѣвая пальто, которое было снято въ то время, когда я стрѣлялъ.

Предс. (къ подсудимому). Вы имѣли объясненія съ Труфановымъ послѣ 5 Марта? *Подсуд.* имѣлъ. — *Предс.* Въ чемъ они состояли? *Подс.* Онъ меня спрашивалъ, что было причиною выстрѣла мною въ него. *Предс.* Что вы на это ему отвѣтили? *Подс.* Я ему сказалъ, что сдѣлалъ это изъ-за его цѣли. *Предс.* Что вы разумѣли подъ этими словами? *Подс.* Такъ какъ онъ въ тотъ день приставалъ ко мнѣ, то я сказалъ это для того, чтобы отвязаться отъ него.

Свидѣтель, воспитанникъ повгородской гимназіи *Кобрановъ*, рассказавъ о событіи 5 Марта совершенно сходно съ показаніемъ Бобкова, объяснилъ, что 18 Апрѣля утромъ, за чаемъ, Труфановъ показывалъ ему, Добронравову и Ламбину пистолеть, имѣвшій особое устройство и при этомъ Ламбинъ просилъ Труфанова зарядить пистолеть, на что Труфановъ от-

вѣтилъ ему шутя, что онъ не ловко стрѣляетъ. Далѣе свидѣтель показалъ, что Ламбинъ довольно часто посѣщалъ Бобковыхъ, гдѣ давалъ уроки ариѳметики и геометріи дѣвицѣ Бобковой. Съ послѣднею Ламбинъ былъ повидимому въ такихъ же отношеніяхъ какъ и со всѣми. Труфановъ и Ламбинъ часто остряли другъ надъ другомъ и эти остроты раздражали Ламбина. Впрочемъ Труфановъ острялъ не надъ однимъ Ламбинымъ, а и надъ другими—это было въ его характерѣ.

Свидѣтель, студентъ Петербургскаго университета *Добронравовъ*, въ дополненіе къ заявленію предыдущаго свидѣтеля, объ обстоятельстве, происшедшемъ утромъ 18 Апрѣля за чаемъ, показалъ, что Труфановъ за неимѣніемъ пуля отказался исполнить просьбу Ламбина о томъ, чтобы зарядить пистолеть и сказалъ, что Ламбинъ умѣетъ стрѣлять въ людей, но не попадаетъ. Въ то же утро Ламбинъ вызвался провожать свидѣтеля домой и дорогою спросилъ его, знаетъ ли онъ о выстрѣлѣ 5 Марта. Получивъ отъ Добронравова отрицательный отвѣтъ, Ламбинъ разсказалъ ему что они стрѣляли за городомъ въ цѣль и когда очередь дошла до него, онъ навелъ на Труфанова пистолеть и выстрѣлилъ, отвернувъ руку въ сторону, увѣряя его въ то же время, что стрѣлялъ серьезно. Далѣе Добронравовъ объяснилъ, что переписывался иногда съ Труфановымъ, но не обыкновеннымъ почеркомъ, а особеннымъ шифромъ.

Этимъ же шифромъ покойный Труфановъ велъ дневникъ, изъ котораго Добронравовъ на судѣ прочиталъ нѣсколько мѣстъ; прочитанное оказалось совершенно сходнымъ съ переводомъ, кото-

рый сдѣланъ Добронравовымъ при предварительномъ слѣдствіи. Изъ этого дневника было прочитано слѣдующее записанное Труфановымъ 5 Марта:

«Все собирався, собирався записывать свои мысли, да какъ то не приходилось только; ужъ совсѣмъ возьмешься писать, а какъ возьмешь перо, то не знаешь съ чего начинать... ну, и смотришь, отложишь до слѣдующаго раза. А вотъ сегодня такъ ужъ начало сдѣлано, ну только продолжать, а отчего?—оттого, что ужъ сильно неприятно изъ за этого господина Л. Ну, какъ же онъ не дуракъ за таяя выходки? Что у него за цѣль? Вѣроятно онъ и самъ... съ одури то онъ не разобралъ? Но хорошо бы, если бы кончилось сегодняшнимъ, а то пожалуй и еще хуже что нибудь выдумаетъ? Ужъ не боюсь за себя, но боюсь за другихъ, вѣдь онъ можетъ надѣлать такого скандала, что на гимназистовъ будутъ смотрѣть какъ на глупцовъ, и нигдѣ ихъ не будутъ принимать. Да и безъ того, ну что это за романтизмъ такой? Неужели онъ до того золъ и глупъ, что сердится на меня за то, что держу себя гораздо лучше, чѣмъ онъ, въ отношеніи къ К? А она, дѣйствительно, послѣ того разговора со мною, гдѣ я высказалъ ей нѣкоторые недостатки, стала подпадать подъ мое вліяніе, а это все таки лучше, чѣмъ быть подъ вліяніемъ какого нибудь Л. потому что я никогда не употребляю во зло довѣрія ко мнѣ, а скорѣе принесу пользу ея развитію, а ей это нужно, иначе будетъ плохо; надо же ей завоевать кое что въ свою пользу, тогда и положеніе ея въ домѣ будетъ лучше. Впрочемъ все это пустяки, обратимся къ Л. Онъ замышляетъ что то

не доброе—онъ какъ посмотрѣлъ на меня, когда прощался съ Бобковымъ, и сказалъ: «не удалось сегодня, такъ въ другой разъ удасться». Держи карманъ шире, мой пистолеть—то не получишь, а изъ другаго не сразу прошибешь. Вѣроятно, виновата пуля, она была слишкомъ слаба, или же руки обмерзли—а то бы какъ не попасть въ 14 шагахъ? Дуло же было направлено вѣрно,—я не спускалъ съ него глазъ, но все таки я не ожидалъ, что онъ выстрѣлитъ. Думалъ, что онъ хочетъ испытать меня. Да мнѣ было весьма неприятно даже замѣтить ему, что такъ шутить не слѣдуетъ. Послѣ я поступилъ немного не ловко, что трунилъ надъ нимъ; его это задѣло за живое—впрочемъ, можетъ быть, онъ и образумится—авось не такъ глупъ, какимъ выказался сегодня.

По поводу прочитаннаго *подсудимый* заявилъ: «Я помню только, что Труфановъ снялъ пистолеть со стѣны и цѣлилъ въ меня, говоря: «помнишь ли это?»—Заряжать же пистолеть я, кажется, не просилъ, но если говорить это двое свидѣтелей, то я готовъ согласиться. Затѣмъ я хотѣлъ бы объяснить одинъ случай, бывший вскорѣ послѣ происшествiя 5 марта. Когда мы возвращались отъ Бобковыхъ и проходили черезъ садъ, Труфановъ вынулъ изъ-подъ полы пистолеть и прицѣлившись въ меня, сказалъ: «берегитесь». Потомъ пистолеть спряталъ и мы пошли дальше. Это было въ 11 часовъ ночи, въ саду тогда ничего не было и я никому не рассказывалъ объ этомъ. Выходка эта нисколько не удивила меня, потому что подобное дѣйствiе было обыкновенное между нами.

Согласно заявленію защитника прочитано было слѣдующее мѣсто изъ дневника Труфанова.

«7 Марта утромъ. Чортъ его знаетъ, чего онъ отъ меня хочетъ? Страшно надоѣдаетъ, толкуетъ все, что застрѣлить меня. Ну и ладно, что тутъ и разговаривать. Совѣтуетъ лучше его скорѣе отправить на тотъ свѣтъ, да вѣдь я не такой дурень, какъ онъ, а впрочемъ пусть потѣшается.... Безъ сомнѣнія, лучше свою жизнь употребить на что либо дѣльное. Вечеромъ того же дня. Счастливая мнѣ пришла мысль сыграть эту комедію; эффектъ вышелъ полный, такъ бы самъ себя зааплодировалъ, одно только не много помѣшало—что я позвалъ его въ садъ: это подготовило его къ развязкѣ, но, впрочемъ, мнѣ больше ничего не оставалось дѣлать, потому что на улицѣ ѣздили и ходили люди. Теперь я завербовалъ его на свою сторону, а онъ не трусь, такъ это хорошо,—можетъ быть, что нибудь изъ него и выйдетъ и мои желанія исполнятся, а что касается того, что онъ намѣренъ былъ сдѣлать со мною, то теперь на этотъ счетъ я совершенно спокоенъ: ему долго, а можетъ быть никогда не придетъ такая мысль.»

О фотографической карточкѣ Труфанова, представляющей его на катафалкѣ съ погребальными принадлежностями, Доброправовъ объяснилъ, что это сдѣлано было безъ всякой цѣли въ шутку, поводомъ къ которой послужила безжизненность лица Труфанова на этой карточкѣ.

Преподаватель Новгородской гимназія, *Николай Ламбинъ*, взводиваннымъ голосомъ показалъ, что братъ его (подсу-

димый) никогда не ссорился съ товарищами, отличался спокойнымъ ровнымъ характеромъ и, по мнѣнію свидѣтеля, едва ли былъ способенъ къ какой нибудь сильной привязанности или чрезвычайной антипатіи. При своемъ равнодушіи онъ былъ способенъ подвергаться вліянію своихъ товарищей. Такъ Труфановъ, обладая сильнымъ характеромъ, имѣлъ вліяніе на подсудимаго, которое выразилось въ томъ, что онъ пытался читать тѣ же книги, которыя читалъ Труфановъ и которыя были недоступны ему. Въ многолюдной компаніи онъ былъ молчаливъ, а въ обществѣ товарищей любилъ иногда пошутить и умѣлъ воспользоваться слабыми сторонами человѣка, который превосходилъ его въ чемъ нибудь—такъ напр.: умѣлъ понукать его чѣмъ нибудь.

Самое тщательное наблюденіе за братомъ привело свидѣтеля къ убѣжденію, что подсудимый не былъ ни въ кого влюбленъ; такъ какъ въ его комнатахъ не было ничего предосудительнаго, напр.: карточекъ, ленточекъ, записочекъ, что обыкновенно бываетъ у молодыхъ людей, мечтающихъ преждевременно о любви. Въ день происшествія ничего особеннаго въ немъ замѣтно не было. Далѣе, на вопросы старанъ, свидѣтель объяснилъ, что подсудимый первоначально воспитывался въ Ларинской гимназіи въ Петербургѣ, но тамъ было много худыхъ людей и чтобы избавиться отъ ихъ вліянія Ламбинъ перешелъ въ Новгородскую гимназію. Отсюда же онъ выбылъ потому, что оказывалъ слабые успѣхи изъ латинскаго языка и желалъ поступить въ морской корпусъ, или аудиторское училище, или технологическій институтъ. У под-

Подсудимаго было особенное влеченіе къ морскому корпусу. Въ числѣ идей, заимствованныхъ подсудимымъ у Труфанова, свидѣтель указалъ идею о необходимости помощи кандидатамъ, славянамъ и т. п. Подсудимый въ письмѣ къ отцу освѣдомлялся даже объ адресѣ конторы вспомошествованія кандидатамъ.

Свидѣтельница вдова Бобкова показала, что вечеромъ 18 апрѣля въ Ламбинѣ не замѣчала ничего особеннаго.

Свидѣтельница Любовь Кроткая отнеслась о подсудимомъ вообще съ хорошей стороны.

Въ заключеніе судебного слѣдствія прочитано было свидѣтельство, выданное изъ Новгородской гимназіи, изъ котораго видно, что подсудимый былъ поведенія очень хорошаго, а въ предметахъ гимназическаго курса имѣлъ отмѣтки посредственныя и достаточныя.

Послѣ преній сторонъ на разрѣшеніе присяжныхъ заседателей предложены были слѣдующіе вопросы:

1) Виновенъ ли подсудимый Ламбинъ въ умышенномъ убійствѣ Труфанова?

2) Если не виновенъ, то не виновенъ ли въ убійствѣ нечаянномъ?

3) Если виновенъ въ томъ или другомъ, то съ полнымъ ли разумѣніемъ совершилъ онъ преступленіе?

Присяжные признали подсудимаго виновнымъ въ совершенномъ умышенномъ убійствѣ съ полнымъ разумѣніемъ.

Судъ приговорилъ Ламбина къ ссылке въ каторжныя работы на восемь лѣтъ.

Подсудимый, при чтеніи приговора, поблѣлъ какъ полотно, а по возвращеніи въ тюрьму спалъ въ продолженіе почти цѣлыхъ сутокъ и проснулся въ сильной тифозной горячкѣ.

Д Ъ Л О
О
ДВОРЯНИНЪ ПОЛОЗОВЪ

И
ПОТОМСТВЕННОМЪ ПОЧЕТНОМЪ ГРАЖДАНИНЪ

ЭДЕЛЬБЕРГЪ.

(оба 16-ти лѣтъ),

ОБВИНЯЕМЫХЪ ВЪ УБИЙСТВЪ КРЕСТЬЯНИНА

МЕРЗЛИКИНА.

Дѣло Полозова и Эдельберга разсматривалось въ Харьковскомъ Окружномъ судѣ съ 28 апрѣля по 2 мая подъ председательствомъ *Анненкова* и при прокурорѣ *Де-Росси*; защищали: присяжный повѣренный *Арсеньевъ*—Полозова и помощникъ присяжнаго повѣреннаго *Утинъ*—Эдельберга.

Обстоятельства этого дѣла заключаются въ слѣдующемъ:

2-го Февраля 1871 г. крестьянинъ *Михаилъ Желтухинъ* замѣтилъ въ правой сторонѣ отъ дороги, идущей изъ города Харькова въ село Липцы, на разстояніи приблизительно съ четверть версты, тройку лошадей и крытыя сани. Въ саняхъ лежали свитка и сюртукъ синяго сукна съ обрѣзаннымъ воротникомъ и съ свѣтлыми пуговицами. Въ шагахъ тридцати отъ саней, на берегу рѣки Мурашки, была найдена пара мелкихъ кожаныхъ калошъ. На рѣкѣ замѣтны были на снѣгу слѣды, указывавшіе, что въ этомъ мѣстѣ старались переѣхать санями на противоположную сторону рѣки, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этого мѣста видны были слѣды двухъ людей, доходившіе только до середины рѣки и затѣмъ возвращавшіеся назадъ и направлявшіеся далѣе, вдоль берега рѣки. Отѣхавъ немного, *Желтухинъ* увидѣлъ лежащаго влѣво отъ дороги убитаго человѣка, отправился тотчасъ же въ село Барщевое, распорядился, чтобъ къ

тѣлу были поставлены сторожа, а самъ съ волостнымъ старшиною отправился въ погоню за убійцами сначала въ Веселое, а оттуда въ Терновое, такъ какъ въ Веселомъ имъ сказали, что вечеромъ два господина съ ружьями прошли огородами по дорогѣ въ Терновое. Въ Терновомъ они узнали отъ дворника постоялаго двора, что тамъ дѣйствительно ночуютъ два господина съ ружьями. Взявъ изъ расправы старшину и понятыхъ, Желтухинъ вешель съ ними въ комнату постоялаго двора. Здѣсь спали четыре человѣка, изъ которыхъ на двухъ, оказавшихся впоследствии дворяниномъ Николаемъ Полозовымъ и почетнымъ гражданиномъ Иваномъ Эдельбергомъ, указали какъ на охотниковъ, шедшихъ отъ Веселаго. Въ комнатѣ стояли два ружья а на столѣ лежали пистолетъ и два кинжала. Разбуженные Полозовъ и Эдельбергъ заявили, что они изъ Харькова, охотились по лѣсамъ и намѣрены отправиться на охоту въ Волчанскъ. Когда же Желтухинъ объявилъ имъ, что на дорогѣ найденъ убитый, сани и тройка лошадей и что онъ гнался за ними по слѣдамъ и при этомъ спросилъ Полозова, гдѣ его калоши, то послѣдній отвѣчалъ, что его калоши тамъ же, гдѣ и тройка лошадей и за тѣмъ, на вопросъ—какимъ образомъ былъ убитъ извозчикъ,—отвѣчалъ, что это произошло нечаянно, что вслѣдствіе толчка на ухабѣ вырвался изъ руки курокъ и послѣдовалъ выстрѣлъ, который и убилъ извозчика, сидѣвшаго на передкѣ. Когда извозчикъ упалъ съ саней, то онъ и Эдельбергъ въ испугѣ ударили по лошадямъ и поѣхали сами не зная куда. При задержаніи Полозовъ и Эдельбергъ были покойны и изъ нихъ первый не только отвѣчалъ на

всѣ разспросы, но даже смѣялся, а Эдельбергъ больше молчалъ.

Спрошенные на судебнымъ слѣдствіи, подсудимые подтвердили, что убійство Мерзлякина совершено ими неумышленно, случайно. Но нѣкоторыя добытыя слѣдствіемъ данныя заставляли сомнѣваться въ справедливости объясненія подсудимыхъ, а 22 марта Полозовъ дѣйствительно сознался, что онъ 25 февраля ѣхалъ не на охоту, а разбойничать, на что былъ согласенъ и Эдельбергъ. Нанявъ извозчика, они уговорились убить его не доѣзжая до села Казачки; но такъ какъ ивъ это не удалось, потому что по дорогѣ постоянно встрѣчались люди, то они договорили извозчика, обѣщая удвоить слѣдующую ему плату, довести ихъ подорогѣ на Лицпы къ ближайшему лѣсу. Послѣ того какъ они проѣхали мостъ на рѣчкѣ Муромчикѣ, онъ, Полозовъ, оглянулся, и, убѣдившись что по дорогѣ ни кто не идетъ и не ѣдетъ, сказалъ Эдельбергу «пора», и выскочивъ изъ саней на лѣвую сторону, обѣжалъ затѣмъ кругомъ на правую сторону; а Эдельбергъ, соскочивъ съ той же лѣвой стороны, остался на мѣстѣ. Въ это время извозчикъ шелъ съ правой стороны саней около облучка, и въ это самое время, когда онъ, Полозовъ, стоя сзади его на разстояніи 15 шаговъ, цѣлился въ него; онъ обернулся назадъ и заметался на мѣстѣ, не зная куда броситься; между тѣмъ Эдельбергъ, находясь около лѣвой пристяжной, тоже цѣлился въ извозчика и сдѣлалъ первый выстрѣлъ. Извозчикъ зашатался, но прежде чѣмъ онъ упалъ, выстрѣлилъ въ него Полозовъ. Вообще онъ старался устроить такъ, чтобъ первый выстрѣлъ сдѣлалъ Эдельбергъ

для того, чтобъ онъ убивъ извозчика, не могъ уже его оставить и возвратиться въ Харьковъ. Не осматривая извозчика, они тотчасъ же вскочили въ сани, повернули ихъ назадъ и поѣхали полевъ, чтобъ не встрѣтиться съ людьми. Ему, Полозову, хотѣлось добраться въ саняхъ до Терновой, гдѣ и продать кому-нибудь лошадей; но при переѣздѣ чрезъ рѣку лошади завязли, почему они пробовали было ѣхать верхомъ, а потомъ пошли пѣшкомъ по направленію къ Терновой, гдѣ въ лѣсу и думали основать свое пребываніе. Эдельбергъ, спрошенный того же 22-го марта, а затѣмъ 12-го апрѣля, тоже сознался, что онъ, желая добыть себѣ богатство и самостоятельность, согласился принимать участіе въ тѣхъ разбояхъ, которые думалъ совершить Полозовъ съ помощью шайки, которую онъ надѣялся собрать, и что убійство извозчика было совершено ими съ цѣлью воспользоваться лошадьми. Первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ Полозовымъ, а когда извозчикъ сталъ уже падать, то въ него выстрѣлилъ и онъ, Эдельбергъ. Въ послѣдующихъ своихъ показаніяхъ Полозовъ, между прочимъ, объяснилъ, что мысль о разбоѣ родилась и развилась подъ вліяніемъ романовъ, въ которыхъ дѣйствующими лицами были разбойники, а главнымъ образомъ подѣйствовало то, что онъ влюбился въ дочь Зимовскаго, которая не обращала на него вниманія. Убійство извозчика совершено было имъ между прочимъ для того, чтобы испытать себя, свои силы, узнать на сколько онъ годится для дѣла, на которое хотѣлъ посвятить себя, при чемъ онъ, Полозовъ, если это можетъ принести ему пользу, считаетъ себя вправѣ убить человѣка.

Изъ показаній свидѣтелей между прочимъ обнаружено, что Полозовъ въ концѣ декабря 1870 г. для приготовленія въ гимназію, помѣщенъ былъ на квартиру статскаго совѣтника Зимовскаго, который 23 февраля 1871 г., узнавъ, что Полозовъ въ дверяхъ своей комнаты сдѣлалъ выстрѣломъ изъ пистолета круглое отверстіе, попросилъ его написать родственнику своему Бекарюкову, что ему удобнѣе будетъ жить гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. На другой день Полозовъ скрылся, оставивъ на столѣ записку слѣдующаго содержания: «какъ вы меня выгнали, то я въ Харьковѣ остаться не могу».

Въ письмѣ найденномъ въ книгахъ Эдельберга, написанномъ Полозовымъ отъ имени какъ бы третьяго лица, желающаго предостеречь семейство Зимовскаго отъ бѣды, которая должна на него обрушиться, если послѣдній осуществитъ свое намѣреніе прогнать Полозова, между прочимъ говорится, что Полозовъ страстно влюбленъ въ дочь Зимовскаго Александру, что онъ поклялся увезти ее, что онъ для осуществленія своихъ намѣреній прежде всего поссорится съ матерью (чтобъ оправдать себя въ глазахъ свѣта), которая не преминетъ по своему вспыльчивому характеру проклясть его и выгнать, затѣмъ наберетъ шайку, станетъ разбойничать, разбогатѣетъ и наконецъ, похитивъ Зимовскую, уѣдетъ съ нею въ Америку. Все это клонитъ къ тому, говорится въ заключеніи письма, что «если Полозова выгнать теперь, то онъ немедленно приведетъ свой планъ въ исполненіе...» Если же онъ пробудетъ тамъ еще мѣсяцевъ 18, а въ особенности, если Саша будетъ къ нему ласкова, онъ

мала по-малу забудеть свою мысль... Онъ принадлежитъ къ тѣмъ, которыхъ удовлетворить и малый усилье».

Вдова подполковника Екатерина Полозова, мать обвиняемаго, спрошенная вслѣдствіе высказаннаго ею желанія дать показаніе, объяснила, что мужъ ея страдалъ падучею болѣзнию, припадки которой у него повторялись довольно часто и имѣли такое вліяніе на состояніе его умственныхъ способностей, что въ концѣ жизни онъ сдѣлался почти идиотомъ; что сынъ ея Николай также страдалъ падучею болѣзнию до 11-ти-лѣтняго возраста, но она это скрывала отъ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ; а лечилъ ея сына докторъ Колениченко. Съ ранняго дѣтства сынъ ея любилъ играть оружіемъ, въ разбойники. Съ прекращеніемъ у него падучей болѣзни, характеръ у него измѣнился къ худшему, такъ что онъ сталъ недюдимъ, задумчивъ и холоденъ къ семейству. Съ десятилѣтняго возраста онъ сталъ предаваться онанизму.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Колениченко показалъ, что онъ дѣйствительно лечилъ старика Полозова и сына его Николая отъ падучей болѣзни, при чемъ подробно объяснилъ, какіе именно бывали припадки, какъ часто повторялись и какія средства онъ прописывалъ.

Люди же, находившіеся въ услуженіи у подполковника Александра Полозова: Семень Макаровъ, Василій Насоновъ, Петръ Насоновъ и Александръ Головниковъ показали, что Полозовъ предавался пьянству, но падучей болѣзни у него не было, и чтобы онъ страдалъ этою болѣзнию, они никогда

не слышали. Изъ нихъ Макаровъ прибавилъ, что въ послѣднее время Александръ Полозовъ страдалъ чахоткою.

По освидѣтельствованіи подсудимаго Полозова врачами: профессоромъ Лашкевичемъ и помощникомъ врачебнаго инспектора Севастьяновичемъ, первый высказалъ мнѣніе, что въ Полозовѣ не можетъ быть признано существованіе какого-либо расстройства умственныхъ способностей, а Севастьяновичъ—что Полозовъ представляется нравственнымъ уродомъ, съ извращенными инстинктами, чувствами и идеями, т. е. что онъ одержимъ такъ называемымъ нравственнымъ или наслѣдственнымъ помѣшательствомъ.

«По освидѣтельствованіи же Полозова 30-го іюня въ окрѣпномъ судѣ, онъ признанъ дѣйствовавшимъ во время убійства крестьянина Мерзликина и находящимся въ настоящее время въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей.

На основаніи этихъ данныхъ Полозовъ и Эдельбергъ преданы были суду по обвиненію въ томъ, что они 24 Февраля 1871 г. въ слѣдствіе заранѣе составленнаго ими плана и послѣдовавшаго между ними уговора убили крестьянина Порфирія Мерзликина съ цѣлію завладѣть его имуществомъ.

Подсудимый Полозовъ, на вопросъ предсѣдателя признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ убійствѣ вр. Мерзликина по заранѣе составленному плану и уговору съ другимъ подсудимымъ, отвѣтилъ: «признаю, но только заранѣе обдуманнаго намѣренія не было». Подсудимый Эдельбергъ, на тотъ же вопросъ, отвѣчалъ утвердительно.

Затѣмъ подсудимый Эдельбергъ былъ удаленъ изъ залы засѣданія, а Полозовъ, на вопросы предсѣдателя объяснилъ,

что подъ вліяніемъ романовъ, въ родѣ «Кузумы Рощина», у него давно уже развился вкусъ къ кровавымъ сценамъ. Воспитывался онъ дома подъ ближайшимъ руководствомъ тещи, а потомъ его отдали въ Москву въ лицей Каткова, чему онъ, подсудимый, былъ радъ, чтобы избавиться только отъ жизни дома, гдѣ «всѣ жиди какъ кошки съ собакою.» Въ лицей за ссору, кажется съ учителемъ, онъ былъ поставленъ на колѣни и тогда же твердо рѣшился бѣжать изъ лицея, что и было исполнено имъ въ компаніи съ другимъ ученикомъ. Скоро однако его опять возвратили въ лицей, но онъ ни какъ не могъ помириться съ порядками, бывшими въ лицей и былъ исключенъ оттуда. Подсудимый такъ былъ настроенъ, что поставилъ себѣ цѣлю—сдѣлаться разбойникомъ. Послѣ ссоры съ Зимовскимъ, онъ сообщилъ свои намѣренія Эдельбергу, который согласился принять участіе въ исполненіи этихъ намѣреній; тогда они купили ружья и отправились въ Сокольники, предварительно захавъ къ Зимовскому, гдѣ Полозовъ оставилъ записку, въ которой писалъ, что послѣ событія, случившагося наканунѣ, онъ не можетъ болѣе оставаться въ Харьковѣ. Выпивъ вина въ Сокольникахъ, они вернулись опять къ Зимовскому, а отъ него отправились на постоянный дворъ, гдѣ и провели ночь. На другой день утромъ они наняли извозчика и, проѣхавъ съ нимъ верстъ 30, соскочили съ саней и начали стрѣлять въ извозчика. Кто первый стрѣлялъ—Полозовъ не помнить. Потомъ они вскочили въ сани, доѣхали до рѣки, завязли тамъ, что было далѣе—подсудимый хорошенько не помнить, знаетъ только, что бросивъ сани съ лошадьми въ сугробъ, онъ съ

Эдельбергомъ пошли куда глаза глядятъ, добрали до какой-то избушки, узнали тамъ дорогу въ Терновую, и, придя въ эту деревню, легли спать. Когда ихъ разбудилъ какой-то крестьянинъ, они сознались въ убійствѣ и привязанные къ санямъ были отправлены къ становому. Мысль объ убійствѣ явилась въ тотъ самый день, когда совершенно преступленіе; при этомъ у подсудимаго не было ровно никакой цѣли; онъ и самъ хорошо не сознавалъ—ѣдетъ ли онъ на охоту или на разбой. Съ Эдельбергомъ до этого времени Полозовъ рѣдко видѣлся и почему именно пригласилъ его—объяснить не можетъ. Эдельбергъ иногда жаловался на свою домашнюю жизнь; Полозовъ совѣтовалъ ему не переносить побоевъ и уйти изъ дому. Составляя планы о томъ, какъ бы сдѣлаться разбойникомъ, Полозовъ говорилъ Эдельбергу, что ему (Полозову) суждено неизмѣнно совершить какое-нибудь чудо, потому что во первыхъ онъ родился съ образомъ Николая Чудотворца на ухѣ, вслѣдствіе чего его и называли Николаемъ и во вторыхъ не смотря на то, что черезъ него переѣхала карета, онъ все-таки остался живъ. Рассказы, вычитанные въ романахъ, а иногда и нарочно придуманные, Полозовъ передавалъ Эдельбергу, —впрочемъ безъ всякой цѣли. Тотъ относился къ этимъ рассказамъ не особенно довѣрчиво, но и не оспаривалъ ихъ. Между прочимъ Полозовъ говорилъ Эдельбергу, что хорошо было бы соединить всѣхъ краснокожихъ Индѣйцевъ въ одно племя, пережить ихъ, перевезти въ Европу и такимъ образомъ прославить свое имя въ исторіи.

Подсудимый Эдельбергъ объяснилъ, что ему давно хотѣлось чѣмъ нибудь прославиться и потому онъ охотно при-

соединился къ предложенію Полозова, озаботиться переселеніемъ краснокожихъ Индѣйцевъ въ Европу. Полозовъ говорилъ ему, что лучше всего можно приобрести расположеніе Индѣйцевъ посредствомъ богатства, богатство же скорѣе всего приобретается разбоемъ и для этого приглашалъ его въ качествѣ втораго атамана и помощника къ себѣ въ шайку. Какъ на знаменія ожидающей его славы Полозовъ указывалъ Эдельбергу на упомянутое выше рожденіе съ образомъ Николая и благополучно кончившееся паденіе подъ карету, Изъ множество плановъ, предлагавшихся Полозовымъ, Эдельбергъ привелъ слѣдующій: Полозовъ говорилъ, что можно было бы съ хорошими лошадьми, передѣвшись женщиною и взявши въ руки пистолеты, войти въ магазинъ и потребовать дорогихъ вещей, золотыхъ слитковъ и т. п.; затѣмъ, убивъ какого нибудь богача—иностранца, завладѣть его имуществомъ и бѣжать въ Америку. Лошадей сперва онъ думалъ приобрести у зятя своего своего Бекарюкова, а мальчика, жившаго у Бекарюкова въ услуженіи, хотѣлъ взять къ себѣ въ шайку. Однажды, по какому-то случаю, Эдельбергъ сказалъ Полозову; «не буйствуй» Полозовъ отвѣтилъ на это, что бывший французскій императоръ Наполеонъ для достиженія престола убилъ двѣнадцать высокопоставленныхъ лицъ посредствомъ укола иголкой въ глазъ, вслѣдствіе чего дѣлалось воспаленіе и затѣмъ слѣдовала смерть. 24 февраля Эдельбергъ получилъ отъ отца 8 руб. заплатить за право ученія въ гимназіи; но едва онъ вошелъ въ гимназію, какъ Полозовъ вызвалъ его чрезъ другаго ученика, Шидловскаго, и сказалъ ему, что пора начинать, что

онъ собираетъ охотниковъ разбоя. Эдельбергъ попросилъ подождать. «Развѣ тебя пугаетъ близость дѣла?», возразилъ Полозовъ. Эдельбергъ на это ничего не отвѣтилъ. Полозовъ хотѣлъ завести его въ погребъ и опить, чтобы скорѣе склонить на свою сторону, но Эдельбергъ не пошелъ туда. Наконецъ Эдельбергъ уступилъ Полозову и согласился на его предложеніе. Они оба пошли на площадь и позвали извозчика. Эдельбергъ, желая, чтобы знакомые не узнали его, помѣнялся съ Полозовымъ шубою. Взявъ у оружейника Циммермана пистолетъ Полозова, они отправились къ часовщику Соболеву, которому Полозовъ продалъ одни золотые и другіе серебряные часы. Въ отвѣтъ на предложенную Соболевымъ цѣну Полозовъ сдѣлалъ кислую гримасу, но потомъ сказалъ: «нечего дѣлать, деньги нужны, давайте». Затѣмъ Полозовъ купилъ ружья, порохъ, картечь и пистолеты; Эдельбергъ въ это время оставался въ сѣняхъ. Закупивъ все, они поѣхали въ Сокольники, гдѣ выпили бутылку вина и пробовали оружіе. Эдельбергъ боялся первый выстрѣлить, опасаясь, чтобы ружье не разорвало; за него выстрѣлили лакеи. Изъ Сокольниковъ по наступленіи сумерокъ они отправились не по дорогѣ въ Харьковъ, а въ противоположную сторону, съ цѣлю дойти какъ нибудь до Бекарюкова, взять у него хорошихъ лошадей, набрать шайку изъ татаръ и кабардинцевъ, которые будутъ на ярмаркѣ, и разбойничать въ Харьковѣ. Въ этотъ же день они зашли къ Зимовскому, у котораго былъ только Шидловскій и еще какая-то старушка. Полозовъ хотѣлъ убить Зимовскаго, чтобы взять его деньги, но что-то отклонило его отъ этого намѣ-

ренія. Эдельбергъ посовѣтовалъ Полозову взломать шкафъ и завладѣть находившимся въ немъ серебромъ; Полозовъ похвалилъ его за это. На замѣчаніе Полозова, что онъ нуждается очень въ деньгахъ, Шидловскій далъ ему три руб. и кромѣ того далъ еще куртку Эдельбергу, чтобы замѣнить его гимназическій сюртукъ. Отъ Зимовскаго подсудимые на ванькѣ пріѣхали на постоянный дворъ за Харьковомъ и легли тамъ спать, при чемъ Эдельбергъ подвинулъ свою кровать къ дверямъ, такъ какъ Полозовъ боялся, чтобы не пришли жандармы и не арестовали бы ихъ. На другой день утромъ подсудимые наняли извозчика жида за 5 руб. довести ихъ до села Казачки. Черезъ нѣсколько времени жидъ сдалъ взятую имъ на себя работу другому извозчику-русскому за 1 р. Попросьбъ этого извозчика Полозовъ далъ ему 50 коп. и затѣмъ пригласилъ его выпить чаю, сказавъ при этомъ Эдельбергу: «онъ (извозчикъ) въ послѣдній разъ въ жизни пьетъ чай», а потомъ замѣтилъ, что извозчику можно будетъ предложить или пулю въ лобъ или ѣхать всюду за ними, куда бы они не приказали. Выѣхавъ изъ Харькова, они дорогою зашли въ кабакъ погрѣться. Полозовъ предложилъ рюмку водки и извозчику и опять по французски сказалъ, что извозчикъ въ послѣдній разъ пьетъ водку. Здѣсь они закусили хлѣба и картофеля. Узнавъ, что подсудимые ѣдутъ на охоту, извозчикъ сказалъ, что для этого нужно ѣхать не къ Казачкамъ, а верстъ за 6—7 въ большой лѣсъ. По мѣрѣ приближенія къ лѣсу извозчикъ требовалъ все большую и большую плату, увеличивъ ее сперва съ 5 на 12 руб., а потомъ на 18. Подсудимые согласились на эту цѣну. Отъѣхавъ съ версту отъ

кабака, Полозовъ выскочилъ съ заряженнымъ ружьемъ и зашелъ за сани; извощикъ, угадавъ, вѣроятно, его намѣреніе, сталъ на облучекъ и, смотря черезъ сани, просилъ его садиться, спрашивая при этомъ нѣсколько разъ, что онъ хочетъ дѣлать. Эдельбергъ сидѣлъ все это время въ саняхъ, потомъ сѣлъ и Полозовъ, объяснивши, что ему было тѣшно. Послѣ этого извощикъ ешелъ съ облучка и сталъ идти съ боку саней, такъ что подсудимые не могли его видѣть, потому онъ зашелъ впередъ и сталъ наконецъ у праваго облучка. Проѣхавъ еще версты три отъ кабака, Полозовъ сказалъ: «пора, или мы пропали», выскочилъ изъ саней и перешелъ на правую сторону. Эдельбергъ хотѣлъ тоже перейти къ Полозову, но увидѣвъ, что онъ уже цѣлится, забѣжалъ опять на лѣвую сторону и сталъ у облучка; Полозовъ выстрѣлилъ, за нимъ выстрѣлилъ и Эдельбергъ; извощикъ вѣроятно видѣлъ, какъ Полозовъ цѣлился, потому что закрылъ лицо руками и прокричалъ «ай, ай»; выстрѣлъ Эдельберга не попалъ, такъ какъ ружье его отклонилось, потому ли что не крѣпко было прижато къ плечу, или почему нибудь другому; конецъ дула приходился отъ лица извощика не болѣе какъ на $\frac{1}{2}$ аршина. Подсудимые тотъ-часъ-же сѣли въ сани; Полозовъ взялъ возжи и направилъ лошадей, погоняя ихъ шомполомъ, прямо черезъ дорогу—по полю, къ Терновой. Но не добѣжавъ до рѣки Муромчика, лошади вѣхали въ сугробъ, изъ котораго ихъ невозможно было вытащить; тогда подсудимые соскочили съ саней и отрѣзали построики у пристяжныхъ. Первоначально Эдельбергъ хотѣлъ отрѣзать коренную, но увидѣвъ, что Полозовъ, отрѣ-

залъ пристяжную, поспѣшилъ покончить и съ другою пристяжною, чтобы убѣжать. Полозовъ, проѣхавъ нѣсколько шаговъ верхомъ, соскочилъ; за нимъ соскочилъ также съ лошади и Эдельбергъ, и они пошли пѣшкомъ. Полозовъ пошелъ прямо по снѣгу и провалился; Эдельбергъ, замѣтивъ это, хотѣлъ идти на помощь къ Полозову, который, по видимому, находился въ конвульсіяхъ, но не могъ, такъ какъ самъ въ то-же время провалился. Освободившись изъ снѣгу, подсудимые пошли вверхъ по рѣкѣ Муромчику, на пути примѣтили твердый ледъ и стали чрезъ него переправляться, при чемъ ноги ихъ скользили и они сами падали нѣсколько разъ. За рѣкою Муромчикомъ, подсудимымъ, пришлось взбираться на возвышенное мѣсто по крутой и северной дорогѣ, занесенной большими глыбами снѣга. На верху они остановились отдохнуть, потому что устали отъ усилій освободиться изъ снѣгу, въ который проваливались на каждомъ шагу. Наконецъ, увидѣвъ село Веселое, Полозовъ направился къ самой крайней хижинѣ, въ которой жила женщина съ маленькими дѣтьми. По просьбѣ подсудимыхъ, она дала имъ закусить и, обрадованная полученіемъ 10 коп., данныхъ ей Эдельбергомъ, не только показала дорогу на Волчанскъ, но даже провела ихъ незамѣтно отъ собакъ. Подсудимые пошли по дорогѣ въ Терновую; на пути они отдыхали, такъ какъ одинъ изъ нихъ, Эдельбергъ, настолько усталъ, что ноги его совершенно отказывались идти дальше. Подойдя къ Терновой, Полозовъ по просьбѣ Эдельберга, нуждавшагося въ отдыхѣ, зашелъ вмѣстѣ съ нимъ на постоянный дворъ, гдѣ въ комнатѣ подсудимые застали какихъ-то купцовъ, ко-

торые сообщили имъ о своемъ испугѣ во время проѣзда по дорогѣ, съ которой они увидѣли ихъ, подсудимыхъ, и вообще заявили о своей боязни при встрѣчѣ съ вооруженными людьми. Послѣ чаю, на который подсудимые были приглашены купцами, они легли спать и часа черезъ три были разбужены какимъ-то мужчиною. Эдельбергъ слышалъ, какъ Полозовъ говорилъ: «это мы убили, но только нечаянно» и какъ послѣдовало замѣчаніе на этотъ отвѣтъ отъ другаго какого-то мужчины: «хорошо, увидимъ тамъ», сопровождавшееся вопросомъ къ Полозову: «гдѣ его товарищъ». Эдельбергъ догадался, что спрашивающій мужчина былъ староста. Подсудимые, по требованію старосты, отдали ему свои ружья и пошли за нимъ въ волость, гдѣ просидѣвъ часъ или полтора, одинъ изъ нихъ, Эдельбергъ отъ усталости легъ спать на полъ и проспалъ до 6-ти часовъ. Черезъ 1½ часа послѣ того пріѣхала мужицкая подвода, подсудимыхъ привязали поперегъ саней и такимъ образомъ препроводили до Хотомли, въ квартиру становаго, гдѣ одинъ господинъ, г. Зеленскій, послѣ разспросовъ подсудимыхъ, пожелалъ взять ихъ къ себѣ домой, чтобы накормить, такъ какъ они не ѣли полтора дня. Допросивъ обоихъ подсудимыхъ, становой взялъ росписку съ г. Зеленскаго въ томъ, что онъ беретъ Полозова и Эдельберга на поруки, и отпустилъ ихъ на квартиру г. Зеленскаго, гдѣ подсудимые, послѣ поданнаго имъ по приказанію хозяина ужина, легли спать. На другой день утромъ подсудимые, поблагодаривъ г. Зеленскаго, пришли къ становому, который немедленно отправилъ ихъ съ десятиимъ и маленькимъ мальчикомъ. На дорогѣ, поревнявшись съ росшимъ не

вдалекѣ лѣсомъ, Полозовъ предложилъ Эдельбергу, съ цѣлію побѣга, напасть на десятскаго и отнять у него оружіе, въ то время какъ онъ самъ нападетъ на мальчика и сбросить его съ саней. Эдельбергъ отъ этого плана отказался въ виду невозможности скрыться въ лѣсу, который былъ видѣнъ насквозь, такъ какъ деревья не обросли еще листьями. Полозовъ съ этимъ согласился. Черезъ двѣ станціи подсудимыхъ принялъ тотъ-же самый десятскій, который былъ у становаго и ему-то Полозовъ предложилъ за 100 руб. въ мѣсяцъ покинуть жену и дѣтей и вступить въ его шайку. Впрочемъ Полозовъ приглашалъ десятскаго не въ шайку, а приглашалъ «вступить въ какое-то общество». Наконецъ подсудимыхъ привели въ Линцы, гдѣ они ожидали слѣдователя, который пріѣхалъ въ тотъ же вечеръ часовъ въ 10-ть и позвалъ къ допросу Эдельберга.

Свидѣтель Влесковъ (судебный слѣдователь) показалъ, что онъ не помнитъ, какою именно причину, побудившую къ совершенію преступленія, выставлялъ Полозовъ на допросъ, но по крайней мѣрѣ въ числѣ общихъ мотивовъ заключалось желаніе подсудимаго, высказанное имъ самимъ, разбогатѣть посредствомъ разбоя и въ концѣ концовъ добиться до самостоятельности; въ частности же, убійство извозчика было произведено, по объясненію Полозова, изъ желанія завладѣть лошадьми убитаго для проѣзда къ имѣнію Бекарюкова, а также по той причинѣ, что подсудимымъ нечѣмъ было расплатиться съ извозникомъ, которому они состояли должнымъ 5 или 10 рублей. Изъ подсудимыхъ, Эдельбергъ показался свидѣтелю довольно жалкимъ существомъ

и вообще мальчикомъ забитымъ и тупымъ, а Полозовъ отличался бойкими и остроумными отвѣтами на всѣ вопросы, не выдаваясь однако же никакими странностями; въ немъ замѣтна была только разница въ способѣ держанія себя при слѣдствіи: — до ареста Полозовъ велъ себя довольно нагло, а послѣ ареста скромно. Въ заключеніе свидѣтель вспомнилъ, что Полозовъ высказывалъ о своемъ желаніи заставить Эдельберга выстрѣлить первымъ, для того чтобы ему не было возврата.

Подсудимый Полозовъ заявилъ, что онъ никогда бы не сознался, еслибы находился на свободѣ; сознался же онъ въ то время, когда не было никакой надежды освободиться изъ острога и потому заперательство не служило ни къ чему.

Свидѣтель Мартосъ показалъ, что у Полозова во время содержанія его въ тюрьмѣ, въ теченіи 12 мѣсяцевъ, не было замѣчено никакихъ особенныхъ признаковъ разстройства умственныхъ способностей, и что поведеніе подсудимаго за все это время было безукоризненно. О припадкахъ у Полозова, случавшихся большею частію ночью или передъ вечеромъ, свидѣтель только слышалъ отъ дежурныхъ въ тюремномъ замкѣ и по этому случаю всегда дѣлалъ распоряженіе о приглашеніи къ подсудимому врача. Встрѣчаясь съ Полозовымъ вскорѣ послѣ припадка, свидѣтель замѣчалъ, что онъ на предлагаемые ему вопросы отвѣчалъ большею частію не то, что слѣдуетъ. Другой подсудимый Эдельбергъ, по показанію свидѣтеля, первое время по заключеніи въ тюрьму постоянно плакалъ, когда съ нимъ вступали въ разговоръ.

Свидѣтель Мерзликинъ (отецъ подсудимаго) показалъ, что узнавъ о смерти сына отъ возвратившихся изъ Харькова хлопцевъ, онъ ѣздилъ осматривать мѣсто, гдѣ былъ убитъ сынъ и при этомъ почти всѣ вещи взятые послѣднимъ съ собою, были отысканы и возвращены свидѣтелю. Сынъ поѣхалъ въ Полтаву на тройкѣ лошадей, деньги хранилъ въ двухъ гомонцахъ. въ одномъ кожанномъ, висѣвшемъ на шеѣ, — бумажки (кредитные билеты), а въ другомъ, изъ синей набойки, лежавшемъ въ карманѣ — мѣдныя деньги. Одинъ изъ гомонцевъ, висѣвшій на шеѣ, свидѣтель получилъ, а изрѣзанный кусочекъ другаго кошелька нашель уже по приѣздѣ домой, когда вытряхивалъ изъ саней солому. Кромѣ денегъ сынъ взялъ съ собою паспортъ, но куда именно онъ его положилъ, въ штаны или портки, въ карманы свиты или полушубка — свидѣтель положительно сказать не могъ.

Г. Арсеньевъ просилъ судъ, въ виду болѣзненнаго состоянія матери подсудимаго Полозова, Екатерины Николаевны Полозовой, допросить ее прежде всего, такъ какъ едва ли она въ состояніи будетъ долго оставаться въ залѣ засѣданія. Судъ уважилъ просьбу защитника.

Свидѣтельница Полозова (мать подсудимаго) прерывающимся отъ волненія голосомъ показала, что она, выходя за мужъ за Полозова, не знала о его болѣзни вплоть до перваго припадка падучей болѣзни, случившагося съ нимъ на пятый день послѣ брака. При мужѣ всегда находились въ услуженіи челоѣкъ и дѣвушка; служилъ онъ въ Веймарскомъ гусарскомъ полку (затѣмъ свидѣтельница говорить такъ тихо, что ничего не слышно)....

Защитникъ Арсеньевъ просилъ судъ, на основаніи 627 ст. уст. угол. судопр., въ виду болѣзненнаго состоянія г-жи Полозовой, прочесть ея показаніе, данное на предварительномъ слѣдствіи, и затѣмъ спросить, подтверждаетъ ли она все то, что тогда показывала.

Г. Прокуроръ присоединился къ просьбѣ защитника по случаю невозможности разслышать сообщаемое г-жею Полозовою. По постановленію суда прочитано показаніе г-жи Полозовой, сущность котораго изложена выше.

Г. Полозова, подтвердивъ показаніе, данное ею на предварительномъ слѣдствіи, заявила, что она, по случаю частыхъ и продолжительныхъ отъѣздовъ за границу и въ Петербургъ, воспитаніе дѣтей поручала гувернанткамъ, роднымъ и знакомымъ, которые, отдавая постоянное преимущество младшему сыну Сергѣю, выражавшееся въ подаркахъ, ласкахъ и избыткѣ вниманія, развивали тѣмъ самымъ въ Колѣ (подсудимомъ), отъ природы нѣжномъ и чувствительномъ, раздраженіе, ожесточеніе и недовѣрчивость. Явное пренебреженіе къ Колѣ со стороны родныхъ сдѣлало его чуждымъ семьѣ, и онъ большею частію одинъ, воображая себя разбойникомъ, занимался играми съ предметами, одушевленными его собственною фантазіей. Свидѣтельница мало обращала вниманія на нелюдность своего сына, но однако и ее, въ послѣднее время, передъ отдачею Кюли въ лицей, поразили нѣкоторыя странности въ его характерѣ: онъ часто оставался одинъ, разговаривая самъ съ собою, но никогда не давалъ объясненія о чемъ и съ кѣмъ бесѣдуетъ, а постоянно сердился и капризничалъ при разспросахъ родныхъ;

однажды, незадолго до поступления Коли въ лицей, во время объеденнаго разговора о предполагавшихся удовольствіяхъ лѣтнаго сезона, въ числѣ которыхъ было упомянуто и объ охотѣ, свидѣтельница замѣтила, что она, надѣясь на благоразуміе своихъ дѣтей, вѣроятно не будетъ часто подвергаться безпокойству, которое у нея всегда проявляется при видѣ сборовъ на охоту. Но Коля, до сихъ поръ мрачный, при замѣчаніи свидѣтельница, вдругъ всталъ съ поднятыми дрожащими руками, блѣдный, и сказалъ по-французски: «Qui S'approche seulement qu'il se defende». Свидѣтельница не поняла, что дѣлается съ сыномъ, приписавъ его отвѣтъ вспыльчивости характера, но затѣмъ на вопросъ, что было съ нимъ, получила отъ Коли отвѣтъ, что онъ вовсе не помнитъ, когда вставалъ и говорилъ. Другой разъ, по пріѣздѣ Коли изъ лицея на первую вакацію, свидѣтельница, оба ея сына и сестра сидѣли на балконѣ; Коля, занимавшій мѣсто рядомъ съ свидѣтельницею, вдругъ схватилъ ее за руку съ такою силою, что она вскрикнула отъ боли и, не понимая въ чемъ дѣло, объяснила этотъ поступокъ сына грубымъ обращеніемъ; между тѣмъ Коля въ это время сильно поблѣднѣлъ, весь задрожалъ и, взявшись за голову при вопросѣ что съ нимъ, отвѣчалъ, что ему что-то представилось. До 8 лѣтъ дѣти спали съ свидѣтельницею или съ своею теткою, которымъ однимъ болѣе всего извѣстно о существованіи припадковъ у Коли и его братьевъ; одинъ изъ послѣднихъ, второй сынъ свидѣтельница, умеръ на третьемъ году отъ эпилепсіи, а самый младшій страдалъ припадками до 7 лѣтъ. Не придавая никакого бо-

лѣзненнаго значенія странностямъ, обнаруживавшимся въ характерѣ старшаго сына, Николая, свидѣтельница заботилась только объ излеченіи припадковъ эпилепсiи и съ этою цѣлю возила его, лѣтъ 8-ми или 9-ти, за границу, въ Гейдельбергъ, возвратившись откуда, отстранилась отъ непосредственнаго наблюденія за дѣтьми, передавъ ихъ гувернеру Фроссару. О припадкахъ, случавшихся у Коли и извѣстныхъ только одной сестрѣ свидѣтельница, не было сообщаемо ни постороннимъ лицамъ, ни гувернанткамъ, и если на другой день послѣ болѣзни замѣчалось у Коли нежеланіе къ ученію, то свидѣтельница, не объясняя причинъ, просила учителей и учительницъ заниматься по слабѣ съ старшимъ сыномъ и быть къ нему посписходительнѣе. Въ числѣ выдающихся чертъ въ характерѣ Николая Полозова свидѣтельница указала на его пристрастіе къ такимъ развлеченіямъ, въ которыхъ онъ могъ отличиться передъ другими, заставляя общее вниманіе останавливаться единственно на себѣ. Кромѣ того, Коля, услышавъ однажды отъ своихъ родныхъ о снѣ свидѣтельница, — въ которомъ она видѣла надъ старшимъ сыномъ образъ Николая Чудотворца, — предположилъ, что ему предстоитъ блестящая будущность и съ помощью спиритизма сталъ допытываться о той великой роли, которая ему предназначена судьбой. Паденіе изъ кареты, случившееся съ Колей во время поѣздки съ сестрою свидѣтельница въ Волчанскъ, отразилось на его характерѣ большою замкнутостью, недовѣрчивостью ко всѣмъ и отчужденностью отъ родной семьи. Обращаясь ватѣмъ къ покойному мужу, свидѣтельница показала что она, до вступленія въ

бракъ, не слышала ни отъ кого ни о случавшихся съ нимъ припадкахъ падучей, болѣзни ни о пристрастїи его къ разгульной жизни. О приверженности Полозова къ крѣпкимъ напиткамъ свидѣтельница узнала съ первыхъ же дней замужества, а припадками падучей болѣзни мужа, во время которыхъ у него скосило глаза и показалась у рта пѣна, была напугана въ первый разъ, по возвращенїи его изъ Крыма, въ Бѣлгородѣ, во время беременности свидѣтельницы, старшимъ сыномъ Николаемъ. Другой разъ припадокъ случился съ мужемъ ея въ каретѣ, на дорогѣ изъ Бѣлгорода въ Харьковъ. Послѣ Крымской компанїи, въ которой покойный мужъ свидѣтельницы былъ контужемъ, у него обнаружилась апатїя и упадокъ силъ въ такой сильной степени, что иногда приходилось напоминать о прїемѣ пищи.

Затѣмъ Судъ въ виду болѣзненнаго состоянїя свидѣтельницы Полозовой, освободилъ ее отъ обязанности находиться въ залѣ засѣданїя.

Прочитана была мировая едѣлка, совершенная между вдовою убитаго Мерзликина и мачихою подсудимаго Полозова, по которой первая отказывается отъ предъявленїя какихъ бы то ни было требованїй къ г-жѣ Полозовой.

Свидѣтели Мерзликины отказались отъ предъявленїя гражданскаго иска.

Настасья Мерзликина показала, что все имущество, бывшее при ея мужѣ, оказалось въ цѣлости; только пропалъ кошелекъ изъ синей набойки, отъ котораго нашли въ саняхъ одинъ кусочекъ.

Свидѣтель Матвѣй Огурцовъ показалъ, что Порфирій Мерзликинъ далъ ему для передачи отцу 8 руб. и еще 6 коп. на калачи своему мальчику. При немъ еще оставалось 3 руб. бумажками, которыя онъ положилъ въ гаманецъ, висѣвшій на шеѣ, и нѣсколько мѣдныхъ денегъ, кошелекъ съ которыми онъ положилъ въ полушубокъ.

Свидѣтель Желтухинъ разсказалъ согласно съ обвинительнымъ актомъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ открытіе преступленія и отысканіе подсудимыхъ, добавивъ, что Полозовъ и Эдельбергъ, когда свидѣтель разбудилъ ихъ, не были выпивши и что одежда на убитомъ была въ порядкѣ.

Свидѣтельница Туренковой, содержательница постоялаго двора, покойный Мерзликинъ говорилъ, что за отсылкою 8 руб. отцу, у него осталось только 50 коп. *Дворникъ Зибировъ* слышалъ, какъ Мерзликинъ говорилъ это.

По просьбѣ г. Арсеньева прочитанъ былъ протоколъ арестованія подсудимыхъ, изъ котораго видно, что у Полозова и Эдельберга при обыскѣ найдено 2 р. 40 к.

Свидѣтель Зеленскій показалъ, что въ день происшествія онъ первый разъ въ жизни увидѣлъ Полозова и Эдельберга и изъ состраданія взялъ ихъ къ себѣ на ночь, въ чемъ и далъ становому росписку, Эдельбергъ былъ тогда какъ будто внѣ себя, скучный, а Полозовъ въ хорошемъ расположеніи. Денегъ у нихъ ни копейки не было. Свидѣтель накормилъ ихъ и далъ имъ 3 руб.

Подсудимый Полозовъ поблагодарилъ свидѣтеля за оказанное имъ участіе.

Свидѣтель Зимовскій показалъ, что въ Февралѣ 1870 г. онъ, по предложенію В. И. Бекарюкова, принялъ къ себѣ Полозова для приготовленія въ гимназію. Полозовъ замѣчался невнимательно, способности у него были хорошія, а память плохая; онъ не могъ сосредоточиться на одномъ предметѣ; держать бывало книгу и повидимому занимается, а между тѣмъ по лицу его видно, что онъ думаетъ совершенно о другомъ. Онъ любилъ подраться съ товарищами, былъ лѣнивъ и хотѣлъ непременно чѣмъ нибудь прославиться, часто бывалъ сидитъ и говоритъ: «а что-то давно о Полозовѣ ничего не говорятъ, надо бы прославиться». Читалъ онъ большею частію романы, въ которыхъ описывались разбойничьи походы, медицинскія книги, въ родѣ физиологіи брака Деба и уголовные процессы. На возраженія свидѣтеля, что такихъ-то книгъ не слѣдуетъ читать, Полозовъ постоянно говорилъ: «да я давно знаю все». Плановъ о своемъ будущемъ Полозовъ не сообщалъ свидѣтелю; въ гимназію онъ долженъ былъ поступить не по собственному желанію, а по желанію матери и опекуна. Пьянства въ немъ свидѣтель не замѣчалъ; только однажды онъ пришелъ довольно поздно немного навеселѣ; объ этомъ свидѣтель сообщилъ Бекарюкову. Изъ числа знакомыхъ Полозова, свидѣтель назвалъ только Эдельберга, который былъ прекрасный добрый ребенокъ. Къ матери и вообще къ семьѣ своей Полозовъ не питалъ особенно нѣжныхъ чувствъ; мать его жила постоянно за границею; съ нею онъ не имѣлъ никакихъ сношеній. О религіозныхъ своихъ убѣжденіяхъ высказывался большею частію отрицательно. Согласно условію, свидѣтель позволялъ ему ухо-

доть совершенно свободно, но пользовался онъ этою свободою весьма умеренно. У Полозова было сильно развито воображеніе и онъ кажется говорилъ свидѣтелю о томъ, что будетъ атаманомъ разбойниковъ; читая уголовные процессы Полозовъ называлъ дураками уличенныхъ и обвиненныхъ подсудимыхъ и напротивъ хвалилъ тѣхъ, кому удавалось избѣжать наказанія. Характера онъ былъ вспыльчиваго и горячаго; внушенія свидѣтеля выслушивалъ съ раздражительностью, а иногда впрочемъ терпѣливо и спокойно. Въ последнее время онъ вообще сдѣлался нѣсколько тише. Въ Полозовѣ замѣчались нѣкоторыя странности: проявлялась какая-то физическая усталость; не смотря на живость характера и обычную подвижность, онъ иногда въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ сидѣлъ смирно, не шевелясь, въ лицѣ его тогда выражалась задумчивость или безпокойство. Онъ былъ мечтателенъ и любилъ уединяться; имѣлъ большую склонность писать и писалъ какой-то романъ; свидѣтель читалъ его, но содержаніе его трудно было понять; описывалось какое-то событіе изъ нынѣшняго вѣка. Писать ему этотъ романъ свидѣтель не мѣшалъ. Его никогда не оставляли дома одного: только 23-го февраля свидѣтель съ женою ушли на похороны знакомаго профессора и Полозовъ остался одинъ. По возвращеніи домой свидѣтель увидѣлъ въ стеклѣ одной двери отверстіе, происхожденіе котораго Полозовъ объяснилъ такимъ образомъ: «я сидѣлъ здѣсь и занимался, услышавъ, что-то стукнуло, я стремительно побѣжалъ, ударилъ пальцемъ въ дверь и такимъ образомъ сдѣлалась дыра». Свидѣтель не повѣрилъ этому объясненію,

выразилъ увѣренность, что дыра произошла отъ выстрѣла и не желая чтобы у него въ домѣ повторялись подобныя штуки, предложилъ Полозову просить опекуна и попечителя ввѣять его отъ свидѣтеля. Въ это же время, на замѣчаніе свидѣтеля, что если бы за дверью стоялъ бы кто нибудь, то выстрѣломъ можно было бы убить. Полозовъ отвѣтилъ: «тогда бы вы имѣли удовольствіе быть при моемъ осужденіи».

Черезъ день Зимовскій нашелъ въ комнатѣ Полозова письмо такого содержанія: «такъ какъ вы отказываете мнѣ отъ квартиры, то я не могу оставаться болѣе въ Харьковѣ».

Шидловскій, жившій вмѣстѣ съ Полозовымъ у Зимовскаго, показалъ, что Полозовъ былъ хорошій товарищъ, довольно развитый, но слишкомъ вспыльчивъ, и немного хвастливъ; читалъ больше романы, гдѣ ему преимущественно нравилось сцены съ разбойниками и даже говорилъ, что хорошо было бы быть атаманомъ разбойничьей шайки. По утрамъ онъ иногда жаловался на головную боль но припадковъ падучей болѣзни свидѣтель въ немъ не замѣчалъ. Полозовъ писалъ какой-то романъ, первыя страницы котораго читалъ свидѣтель, но не разобралъ о чемъ тамъ шла рѣчь. По просьбѣ Полозова свидѣтель исправлялъ въ этомъ романѣ грамматическія ошибки. Наканунѣ бѣгства изъ Харькова Полозовъ съ товарищемъ своимъ Эдельбергомъ приходили выпивши на квартиру къ Зимовскому, котораго самого въ то время дома небыло, и рассказывали о своемъ намѣреніи идти разбойничать на Волчанскую дорогу и о томъ, что хотѣть убить Зимовскаго. Эдельбергъ замѣтилъ, что нужно

быть осторожнѣе; а Полозовъ прибавилъ, что если бы не удалось убить Зимовскаго, то хорошо было бы нанести ему хотя рану за то, что онъ нанесъ подсудимому какое-то оскорбленіе. По просьбѣ ихъ, свидѣтель далъ Полозову 3 руб., а Эдельбергу пиджакъ для замѣны гимназическаго сюртука. На вопросъ свидѣтеля, отчего онъ не идетъ домой, Эдельбергъ, махнувъ рукой, сказалъ: «я рѣшился бѣжать изъ дому.» Когда оба подсудимые вышли за ворота, то свидѣтель увидѣлъ, что они не ушли, а поджидаютъ кого-то.

Юлія Морель, бывшая гувернантка Полозова, показала, что подсудимый былъ мальчикъ добрый, ласковый, вѣжливый, но иногда сердился ужасно, грубилъ и капризничалъ безъ всякой видимой причины, съ прислугой обращался мягко, животныхъ также любилъ; только однажды онъ убилъ поросенка и, принеся его въ комнату, былъ, повидимому, совершенно доволенъ своимъ поступкомъ. Онъ обладалъ хорошими способностями, но память у него была плохая; часто жаловался на головную боль; мать его по утрамъ бранила за что-то и говорила ему: «скверный мальчикъ, перестань это дѣлать, иначе съумасшедшимъ будешь.» Вина онъ не пилъ. Однажды свидѣтельница увидѣла у Коли (Полозова) въ рукахъ перочинный ножикъ; на вопросъ ея: «что это вы дѣлаете?»—онъ отвѣтилъ: «хочу себя убить—мнѣ жизнь надоѣла.» Свидѣтельница приняла это конечно за шутку, потому что не могла предполагать, чтобы такому глупому, маленькому мальчику уже жизнь надоѣла.

Свидѣтель Ковальскій показалъ, что онъ въ 1869 г. занимался съ Полозовымъ по географіи и математикѣ. Подсу-

димый былъ мальчикъ способный, впечатлительный, умѣлъ цѣнить ласки, привязываться къ людямъ, дорожить ихъ обязанностью, но не въ состояніи былъ заниматься самостоятельно и усидчиво. Свидѣтель старался приучить его къ усидчивому и болѣе серьезному труду и дѣйствительно въ послѣднее время онъ занимался прилежно. Припадокъ падучей болѣзни и никакихъ другихъ пороковъ, дѣйствующихъ вредно на здоровье, а также жестокости свидѣтель не замѣчалъ въ Полозовѣ; случаи вспыльчивости хотя и бывали, но никогда не проявлялись особенно рѣзко, а по отношенію къ свидѣтелю онъ умѣлъ владѣть собою и сдерживаться. По сравненію съ мальчиками его возраста, Полозовъ казался свидѣтелю болѣе выдающеюся личностью какъ по своимъ способностямъ, такъ и по впечатлительности. Свидѣтель старался указать роднымъ Полозова тѣ пути, какими, по его мнѣнію, можно было бы устранить въ подсудимомъ недостатки; но ни совѣты, ни просьбы его не приводили къ желаемому результату. Полозовъ любилъ мечтать и читать, но читалъ при свидѣтелѣ преимущественно путешествія, а отнюдь не романы, не медицинскія книги и не отчеты о судебныхъ процессахъ. По возвращеніи изъ Москвы Полозовъ значительно перемѣнился къ худшему; свидѣтель совѣтовалъ роднымъ подсудимаго измѣнить его обстановку и образъ воспитанія, указавъ на лицъ, могущихъ добросовѣстно исполнить эту задачу, но совѣты свидѣтеля не были приняты. Полозовъ нѣсколько разъ приходилъ къ свидѣтелю, выражалъ сожалѣніе, что занятія его идутъ крайне вяло, скучно и что преподаватели его сами недостаточно подготовлены.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній подсудимый принесъ записки, которыя онъ велъ дома и которыя называлъ романомъ, и просилъ свидѣтеля, прочитавъ ихъ, высказать свое мнѣнiе. Свидѣтель согласился, но успѣлъ прочитать только листовъ 10—15, гдѣ Полозовъ описывалъ свои наблюденiя, впечатлѣнiя изъ прежней жизни и высказывалъ надежды на будущее. Въ запискахъ, съ одной стороны видна нѣкоторая наблюдательность, съ другой — полное незнанiе языка и неумѣнье изложить свои мысли послѣдовательно. Трясенiя рукъ и ногъ и возбужденнаго состоянiя въ Полозовѣ свидѣтель не замѣчалъ.

Свидѣтельница В. И. Боуславская показала, что какъ у отца Полозова, такъ и у самаго подсудимаго бывали судороги, припадки. До 7-ми лѣтъ припадки, обыкновенно ночью съ отдѣленiемъ слюны и пѣны, постоянно повторялись у Полозова; на 8-мъ году его возили лечиться за границу; по возвращенiи оттуда припадки стали рѣже. Иногда подсудимый, сидя одинъ въ комнатѣ, разговаривалъ громко и смѣялся; въ другой разъ придетъ къ свидѣтельницамъ, сидитъ и ничего не говоритъ; видно только, что онъ сильно думаетъ о чемъ-то и что-то его беспокоитъ; особенно страннымъ казался его смѣхъ, нервный, судорожный, неестественный и его безпечное, даже веселое настроенiе послѣ совершенiя преступленiя; однажды онъ пришелъ къ свидѣтельницамъ выпивши. Второй сынъ Полозова умеръ отъ падучей болѣзни, третiй также былъ чѣмъ-то болѣнъ; его родители носили въ церковь; по объясненiю ихъ, для того, чтобы положить на престоль, такъ какъ у него падучая болѣзнь.

Подсудимый Полозовъ возразилъ, что онъ не одинъ разъ, а часто приходилъ къ свидѣтельницамъ пьяный; если—же она незамѣчала этого, то вѣроятно потому, что «вино всегда бросается ему въ желудокъ, а не въ голову и не въ ноги».

Свидѣтель В. И. Бекарюковъ показавъ, что, въ 1869 г. онъ лично присматривалъ за Полозовымъ и убѣдился, что тотъ въ умственномъ и физическомъ отношеніи былъ мальчикъ значительно развитый. Зимой 1870 г., находясь въ другой отъ Полозова мѣстности, свидѣтель не могъ слѣдить за его воспитаніемъ, но отъ матери его услышалъ, что въ немъ начало проявляться сильное желаніе быть на свободѣ и что онъ окончательно выходитъ изъ ея власти. На вопросъ, предложенный однажды свидѣтелемъ Полозову: «почему онъ не хочетъ подчиняться матери?» подсудимый отвѣтилъ, что мать его не любитъ, и на разувѣренія свидѣтеля началъ доказывать нелюбовь матери тѣмъ, что его стѣсняютъ, не даютъ ему на столько воли, на сколько пользуются ею его сверстники; напр. тѣ ходятъ одни по улицамъ, а ему не позволяютъ. Послѣ того свидѣтель повезъ его въ лицей Каткова. Дорогою Полозовъ велъ себя такъ, что свидѣтелю казалось вполне возможнымъ сдѣлать его такимъ, какимъ хотѣлось. Экзаменъ въ лицей онъ выдержалъ посредственно. Свидѣтель предупредилъ Каткова и Леонтьева, что мать рѣшилась помѣстить Полозова въ закрытое заведеніе именно потому, что чувствуетъ себя не въ состояніи руководить имъ и что онъ вообще не любитъ подчиняться ни какому порядкамъ. Директора лицея отвѣтили, что Полозовъ убѣдится въ необходимости покориться установленному

въ заведеніи порядку и послѣдуетъ примѣру своихъ будущихъ покорныхъ товарищей.— Въ началѣ октября свидѣтель получилъ изъ лица телеграмму; «опредѣленный вами воспитанникъ Полозовъ скрылся, примите мѣры къ отысканію его»; но прежде чѣмъ былъ посланъ отвѣтъ на эту телеграмму, прислано было извѣстіе, что Полозовъ отысканъ и отправленъ къ Бекарюкову. Черезъ недѣлю свидѣтель получилъ отъ г. Леонтьева письмо приблизительно слѣдующаго содержанія: при этомъ препровождается такой-то, который съ поступленія своего въ лицей постоянно показывалъ нежеланіе подчиняться заведеннымъ порядкамъ; изъ латинскаго языка онъ не выдержалъ экзамена, и ему была назначена переэкзаменовка въ августѣ; не смотря на то, что онъ не выдержалъ и переэкзаменовки, ему оказано было снисхожденіе, и онъ былъ переведенъ въ слѣдующій классъ; но это снисхожденіе все-таки не повліяло на него; онъ опять продолжалъ оказывать нежеланіе подчиниться заведеннымъ порядкамъ и повиноваться начальству, постоянно грубилъ. Послѣ грубой дерзости, оказанной имъ одному изъ наставниковъ, его хотѣли поставить на колѣни во время завтрака передъ всѣми воспитанниками; но Полозовъ не хотѣлъ подчиниться этому наказанію; тогда вышелъ самъ г. Леонтьевъ и сталъ убѣждать его послушаться, но такъ какъ Полозовъ все-таки настаивалъ на своемъ, то г. Леонтьевъ замѣтилъ ему, что если онъ не хочетъ подчиниться, то за это долженъ будетъ испытать большее наказаніе и простоять на колѣняхъ уже не во время завтрака, а всѣ три слѣдующія воскресенья во время обѣда; боясь большаго наказанія,

онъ подчинился и сталъ на колѣни, но видно было по выраженію его лица, что ему тягостно было перенести униженіе. Оно до такой степени огорчило Полозова, что онъ въ одно изъ слѣдующихъ воскресеній скрылся и долго не могли отыскать его. Потомъ онъ былъ пойманъ однимъ надзирателемъ. Послѣ всего этого, замѣтивъ въ Полозовѣ неправильное развитіе; писалъ г. Леонтьевъ, я не считаю себя въ правѣ держать его въ заведеніи, но считаю своею обязанностию препроводить его къ вамъ. Въ Р. С. было написано, что вѣроятно Харьковскіе студенты имѣли на Полозова дурное вліяніе.

На выраженное свидѣтелемъ удивленіе, какимъ образомъ все это могло такъ скоро случиться, Николай Полозовъ объяснилъ, что наставникъ, который хотѣлъ поставить его на колѣни, грубо обращался со всѣми воспитанниками; подсудимый разгорячился и сказалъ ему какую-то дерзость. Свидѣтель, по совѣту нѣкоторыхъ лицъ, поручилъ приготовленіе Полозова въ гимназію г. Зимовскому. Праздники онъ провелъ у свидѣтеля и при этомъ всегда старался выставить себя умнымъ человѣкомъ, велъ по возможности разговоры серьезные. — Вскорѣ было прислано отъ матери его письмо изъ — за границы, о томъ что она слышала, что мальчикъ кутить. Г. Зимовскій по этому поводу объяснилъ свидѣтелю, что дѣйствительно Полозовъ былъ два раза пьянъ и вѣроятно для успокоенія прибавилъ, что «въ другихъ мѣстахъ еще хуже». Чтобы не прерывать занятій Полозова, свидѣтель долженъ былъ удовлетвориться этимъ мало успокоительнымъ объясненіемъ. Полозовъ общался болѣе не ку-

тить. Черезъ двѣ недѣли свидѣтель получилъ отъ Зимовскаго увѣдомленіе, что Полозовъ ушелъ отъ него; къ письму приложена была собственноручная записка подсудимаго: «такъ какъ вы меня выгнали, то я въ Харьковѣ оставаться больше не могу,» и вслѣдъ затѣмъ пришло извѣстіе о несчастномъ случаѣ. Далѣе на вопросъ защитника свидѣтель объяснилъ, что однажды мать Полозова пріѣхала къ нему взволнованная со слезами на глазахъ и рассказала, что во время обѣда, между прочимъ былъ разговоръ объ охотѣ и когда она высказала желаніе, чтобы сынъ отказался отъ охоты, тотъ вдругъ вскочилъ, поднялъ руку и произнесъ: «кто подойдетъ ко мнѣ, пусть защищается»; потомъ опять сѣлъ и опустилъ голову. Въ другой разъ, во время дороги изъ Харькова въ Волчанскъ, Полозовъ упалъ изъ кареты и ушибся; докторъ говорилъ, что хотя ушибъ не опасенъ, но послѣдствія могутъ подать серьезное значеніе. По возвращеніи изъ Москвы Полозовъ страдалъ дрожаніемъ рукъ и ногъ, которое еще болѣе усилилось во время пребыванія его въ тюремномъ замкѣ. Когда свидѣтель въ первый разъ заговорилъ съ подсудимымъ о причинахъ, побудившихъ его совершить преступленіе, онъ закрылъ обѣими руками глаза и умолялъ не спрашивать объ этомъ. Во время другаго посѣщенія, свидѣтель засталъ Полозова сильно взволнованнымъ и разстроеннымъ и тогда онъ самъ началъ рассказывать объ ужасахъ предстоящаго ему наказанія; указывая на свое болѣзненное состояніе, онъ говорилъ, что не перенесетъ наказанія. Когда мать его поручила свидѣтелю войти въ добровольную сдѣлку съ семействомъ убитаго Мерз-

ликина, то Бекарюковъ, придя въ тюрьму, засталъ Полозова въ спокойномъ и веселомъ настроеніи духа. Когда же сдѣлка была окончена, то подсудимый, узнавъ отъ свидѣтеля о величинѣ суммы, уплоченной семейству Мерзликаина, сказалъ: «можно ли этой бездѣлицей вознаградить такую страшную потерю.»

Фельдшеръ тюремнаго замка *Андрей Нехаевскій* показалъ, что Полозовъ, будучи помѣщенъ въ больницу на испытаніе, постоянно жаловался на боль въ затылкѣ и въ правомъ боку ниже ребра. 17 августа, вечеромъ, у Полозова были судороги во всемъ лицѣ и въ оконечностяхъ тѣла, продолжавшіяся минутъ 10; свидѣтель sprysнулъ его водой и Полозовъ заснулъ. Когда онъ проснулся, то на вопросъ, что съ нимъ было, отвѣтилъ: «не помню.» Спустя недѣли двѣ послѣ этого у Полозова былъ припадокъ. Докторъ нашелъ у него страданіе легочной плевы и приказалъ поставить ему мушку. Полозовъ не соглашался на это, но докторъ приказалъ во что бы то ни стало поставить мушку, что и было исполнено; однако мушка не долго была на Полозовѣ, онъ сбросилъ ее. 6 октября свидѣтель нашелъ Полозова лежащимъ на землѣ въ судорогахъ. Затѣмъ былъ еще припадокъ въ ночь съ 29 на 30 октября. Другіе больные говорили, что припадки падучей болѣзни повторялись у Полозова нѣсколько разъ. Послѣ каждаго припадка у Полозова замѣчалось разширеніе зрачка, значительное общее ослабленіе и испарина. Врачъ Сланицкій осматривалъ его и говорилъ, что ничего не видитъ и не повѣритъ этимъ припадкамъ до тѣхъ поръ пока не увидитъ ихъ самъ. Припадки у Полозова бы-

вали преимущественно ночью, а врачъ приходилъ въ больницу обыкновенно въ 10—11 часовъ утра и не поручалъ увѣдомлять его о началѣ появленія припадка у Полозова; да и трудно было бы увѣдомить его во время, потому что на увѣдомленіе и на прибытіе въ больницу потребовалось бы не менѣе полчаса.

Свидѣтель Макаровъ показалъ, что онъ слышалъ, что у покойнаго отца Полозова была падачая болѣзнь; онъ слышалъ это уже послѣ смерти Полозова.

Насоновъ, староста Полозова-отца, показалъ, что баринъ его водку пилъ, но хмѣльнымъ никогда не бывалъ и падачей болѣзни въ немъ не было замѣтно. Въ продолженіе трехлѣтней службы въ барскомъ домѣ, баринъ только разъ при свидѣтелѣ ударился съ дивана на землю; человекъ перенесъ его въ другую комнату, а свидѣтелю приказали уйти. Слѣдователю не показывалъ объ этомъ, потому что забылъ тогда.

Свидѣтель Коробовъ показалъ, что отецъ подсудимаго Полозова порядочно пилъ водку, но пьянымъ никогда не валился — все по рюмочкѣ, да по полъ-рюмочкѣ потягивалъ; нальешь графинчикъ, а на другой день онъ уже пустой и баринъ приказываетъ вновь налить. Полозовъ-отецъ страдалъ припадками; свидѣтель ставилъ ему пивки. Дѣдъ подсудимаго также пилъ водку и подверженъ былъ припадкамъ; ему также, по предписанію доктора, ставили пивки. Припадками же страдали и сестры Полозова-отца — родная и двоюродная (Арцыбушева).

Г. Арсеньевъ, въ подтвержденіе болѣзни г-жи Арцыбушевой, представилъ свидѣтельство конторы Преображенской больницы, гдѣ она находилась на излеченіи.

Руденко, кучеръ Полозова, показалъ, что однажды съ подсудимымъ, когда онъ сидѣлъ рядомъ съ свидѣтелемъ на козлахъ, сдѣлался припадокъ, онъ упалъ на землю и расшибся. Отецъ подсудимаго любилъ пить водку и одинъ разъ свидѣтель видѣлъ его въ припадкѣ съ пѣною у рта.

Свидѣтель Степановъ показалъ, что покойный Полозовъ былъ человекъ больной, довольно слабый, вѣчно о чемъ-то мечталъ, любилъ вести себя «какъ гусарь», въ разговорахъ либеральничалъ а съ людьми обращался сурово; полковой докторъ Громовъ говорилъ, что у него бывали спазмы и припадки. Тетка жены свидѣтеля, изъ фамиліи Полозовыхъ, съумасшедшая.

Свидѣтель Войшенко, содержавшійся въ качествѣ несостоятельнаго должника въ тюремномъ замкѣ, показалъ, что видѣлъ, какъ у Полозова три раза, всегда ночью, были припадки; во время послѣдняго припадка, случившагося наканунѣ засѣданія, была сильная пѣна. Послѣ припадка у Полозова были страшные глаза; однажды онъ вынулъ доску изъ кровати и бросилъ ее.

Кандидатъ правъ Таубе показалъ, что въ 1866 г. онъ поступилъ въ качествѣ учителя, а потомъ и въ качествѣ воспитателя къ Николаю Полозову. Передъ этимъ воспитаніе подсудимаго поручено было гувернанткѣ Морель, которая, какъ видно, заботилась только о томъ, чтобы воспитанникъ ея хорошо говорилъ по французски, зналъ всѣ правила приличія, умѣлъ цѣловать ручку матери послѣ обѣда и т. п., — и дѣйствительно все это подсудимый зналъ превосходно. Но въ тоже время онъ даже плохо читалъ по русски, не умѣлъ

сложитъ въ умѣ двухъ небольшихъ чиселъ. Мать подсудимаго, благодаря вліянію г. Головкова, согласилась съ мнѣніемъ свидѣтеля, что воспитаніе, данное ея сыну, не можетъ принести никакой пользы и что его необходимо измѣнить. Тогда свидѣтель началъ совершенно вновь занятія съ Николаемъ Полозовымъ, который полюбилъ его и выказывалъ способности, удивлявшія учителя, но рядомъ съ этимъ оказалось, что у подсудимаго чрезвычайно плохая память—превосходно понятое и рассказанное подсудимымъ сегодня, онъ не въ состояніи былъ повторить на другой день. Подсудимый имѣлъ очень добрый характеръ и кажется ни разу не былъ наказанъ учителемъ. Свидѣтель бывало скажетъ, что если онъ будетъ лѣниться, то оставитъ его и подсудимый бросается къ нему на шею, говоря: «я буду заниматься, только останетесь.» Къ сожалѣнію на него продолжала имѣть вліяніе прежняя гувернантка, дававшая ему уроки французскаго языка. Тетка Богуславская также имѣла на него дурное вліяніе. Полозовъ часто, со слезами на глазахъ, жаловался свидѣтелю, что ему вѣчно надоѣдаютъ напоминаніями о соблюденіи разныхъ приличій, что его свободу стѣсняютъ и что онъ ненавидитъ гувернантку. Разъ онъ говорилъ также, что ненавидитъ и мать свою, потому что она больше любитъ младшаго сына; она часто несправедливо наказывала его. Полозовъ любилъ верховую ѣзду, геройскіе подвиги, охоту и часто мечталъ о томъ, какъ бы онъ охотился, но вмѣстѣ съ тѣмъ у него былъ очень трусливый характеръ. Падучей болѣзни у Полозова при свидѣтелѣ не было; онъ былъ очень раздражителенъ и вспыльчивъ; однажды во время раздраженія онъ

бросился на младшего брата, которому тогда было 5 лѣтъ, схватилъ топоръ, замахнулся и крикнулъ: «я тебя убью.»

Свидѣтельница г-жа Полозова, на вопросы экспертовъ, объяснила, что она не можетъ опредѣлительно сказать, когда началась падучая болѣзнь у ея мужа, но слышала, что онъ былъ болѣнъ еще до женитьбы. У самой свидѣтельницы болѣзнь началась еще въ первомъ замужествѣ, отъ испуга, въ видѣ истерическихъ припадковъ. По совѣту доктора Колинченко она принимала холодныя ванны. Черезъ годъ по выходѣ замужъ за Полозова она опять испугалась, потому что у мужа случился припадокъ и затѣмъ значительно усилились нервныя припадки, которые повторялись почти каждую недѣлю. Въ это время она страдала тоской, меланхоліей, сильною головною болью. У сына ея Николая былъ припадокъ въ первые часы его жизни; три года тому назадъ онъ также былъ сильно болѣнъ; его лечили профессора Груббе и Ламбль и кромѣ того на консилиумъ былъ приглашенъ г. Лашкевичъ.

Свидѣтель архитекторъ Небольсинъ показалъ, что однажды, осматривая помѣщеніе тюрьмы, онъ заглянулъ въ щель камеры Полозова и увидѣлъ, что подсудимый около самой стѣны ходитъ такъ скоро, какъ будто бы бѣгаетъ и, обращаясь къ стѣнѣ, дѣлаетъ какія-то не натуральныя гримасы; какъ будто бы кого-то передразниваетъ; въ это время онъ былъ блѣденъ и находился въ какомъ-то дикомъ состояніи; видѣть свидѣтеля подсудимый тогда не могъ.

Свидѣтельница Амищенкова, служившая кормилицею у Полозовыхъ, показала, что у подсудимаго въ малолѣтствѣ

были большіе припадки, — при этомъ ротъ косоило, пѣна была у рта. У отца его также были припадки.

Затѣмъ было прочитано письмо подсудимаго Полозова; по поводу этого письма, Полозовъ заявилъ, что онъ въ то время былъ влюбленъ въ м-ле Зимовскую и, не замѣчая съ ея стороны никакого вниманія къ себѣ, онъ написалъ это письмо съ цѣлю возбудить ея участіе къ нему. — «Я, прибавилъ подсудимый, дѣйствительно имѣлъ желаніе подстрѣлить себя, какъ здѣсь и сказано.»

Подполковникъ Александръ Вржевъ показалъ, что онъ знакомъ съ семействомъ Эдельберга болѣе 20-ти лѣтъ; мать подсудимаго обращалась съ нимъ ласково и кротко, а отецъ, человекъ строгаго характера, былъ взыскателенъ за шалости. Самъ подсудимый былъ кроткій, добрый мальчикъ съ самымъ прекраснымъ характеромъ. Никакихъ распрій въ семействѣ Эдельберга свидѣтель не замѣчалъ.

Софья Верюже показала, что она уже семь лѣтъ воспитываетъ дѣтей въ домѣ Эдельберга и знаетъ подсудимаго за очень кроткаго, вѣжливаго и добраго мальчика, который легко подчинялся всякому вліянію. Читалъ онъ въ послѣднее время «Морскихъ разбойниковъ», «Лѣснаго бродягу» и пр. Отецъ обращался съ дѣтьми строго, но билъ ихъ рѣдко. Дѣти видѣлись съ родителями только за обѣдомъ; при этомъ отецъ постоянно заставлялъ ихъ говорить съ нимъ, рассказывать что нибудь и если дѣти не были расположены говорить, то онъ былъ взыскателенъ и строгъ. Подсудимый росъ совершенно одиноко, не имѣлъ никого друзей, потому что отецъ запрещалъ ему сходитья съ кѣмъ бы то ни было.

Послѣ смерти матери его отдали въ пансіонъ, а потомъ въ гимназію. У подсудимаго часто болѣла голова, онъ былъ очень привязанъ къ матери и чрезвычайно скорбѣлъ о смерти ея; къ отцу же былъ мало расположенъ. Старшій братъ подсудимаго оставлялъ домъ отца, но потомъ помирился съ нимъ. На вопросъ объ отношеніяхъ между отцемъ и матерью Эдельберга свидѣтельница отозвалась незнаемъ; говорили, будто бы мать вынуждена была однажды оставить домъ мужа; но свидѣтельница не знаетъ на сколько можно вѣрить этому.

Подсудимый Эдельбергъ заявилъ, что онъ кромѣ названныхъ свидѣтельницами книгъ читалъ еще сочиненія Купера и Майнъ-Рида.

Свидѣтель Шейръ показалъ, что онъ былъ преподавателемъ подсудимаго Эдельберга три года въ гимназіи и два года въ пансіонѣ; подсудимый былъ такимъ юношей, какихъ на 100 бываетъ 90—не особенно дурень и не особенно хорошъ; умственные способности его были не особенно блестящія, характеръ робкій, трусливый, довѣрчивый; легко подчинялся чужому вліянію; свидѣтель не помнитъ ни одного случая, въ которомъ бы подсудимый выдавался изъ среды своихъ товарищей; серьезно онъ кажется ни разу не былъ боленъ; головная боль иногда случалась.

Свидѣтель Эннъ показалъ, что онъ успѣлъ хорошо познакомиться съ Эдельбергомъ во время своего трехмѣсячнаго пребыванія въ магазинѣ отца подсудимаго. Подсудимый былъ кроткій, тихій мальчикъ, слишкомъ забытый и запуганный—отецъ обращался съ нимъ очень строго, обижалъ его, од-

нажды прибилъ его при свидѣтель палкой за то, что онъ взялъ безъ спроса подзорную трубку, а въ другой разъ прибилъ рукою безъ всякой видимой причины. Подсудимый всегда пугался, если говорили, что отецъ его спрашивалъ; росъ онъ одиноко безъ всякаго знакомства, свидѣтель слышалъ, что старшій братъ подсудимаго, вслѣдствіе дурнаго обращенія съ нимъ отца, бѣжалъ изъ дому и что отецъ былъ причиною смерти матери (предсѣдатель предложилъ свидѣтелю воздержаться отъ всего щекотливаго для репутаціи семейства Эдельберга).

Докторъ Ламе, знакомый съ семействомъ Эдельберга лѣтъ 8—10, показалъ, что мать подсудимаго была прекрасная женщина, но слишкомъ баловала мальчика; умерла она отъ тифа. Отецъ обращался съ подсудимымъ строго, но эта строгость никогда не переходила въ жестокость; онъ страдалъ припадками полнокровія, былъ раздражителенъ и всмыслчивъ и потому иногда прикрикнетъ бывало на дѣтей. Свидѣтель не помнитъ, чтобы подсудимый страдалъ какою-нибудь серьезною болѣзнію.

Свидѣтель Дурново показалъ, что братъ подсудимаго Эдельберга, Александръ, вслѣдствіе жестокаго обращенія съ нимъ отца, бѣжалъ изъ дому и прожилъ у свидѣтеля мѣсяца полтора. Отъ отцовскихъ побоевъ у Александра Эдельберга было нѣсколько ссадинъ и царапинъ. Изъ разсказовъ его видно было, что отецъ обращался жестоко не только съ нимъ, но и съ подсудимымъ. Не смотря на это, А. Эдельбергъ отзывался объ отцѣ всегда съ уваженіемъ, какъ о человѣкѣ умномъ, выше его стоящемъ. Мать онъ очень любилъ и уважалъ.

жавъ отъ отца, онъ захватилъ съ собою только портретъ матери, говоря, что этотъ портретъ есть единственная дорогая для него вещь. Мѣсяца черезъ $1\frac{1}{2}$ —2 онъ помирился съ отцомъ, но потомъ опять бѣжалъ отъ него.

Затѣмъ прочитаны: мнѣніе врача Сливickaго о состояніи умственныхъ способностей Полозова, данное при освидѣтельствovanіи подсудимаго въ судѣ; отвѣты Полозова на вопросы, предлагавшіеся ему при освидѣтельствovanіи; мнѣніе гг. Чехова и Севастьяновича, и опредѣленіе суда по тому же предмету.

Подсудимый Полозовъ, на вопросъ г. Утина, объяснилъ, что Эдельбергъ говорилъ ему, что отецъ притѣснялъ и билъ его; у него не разъ были синяки и распухшія щеки.

Слѣдственный слѣдователь Влесковъ, на вопросъ того же защитника, показалъ, что Эдельбергъ сначала назвалъ убійство случайнымъ, а послѣ заявленія свидѣтеля о сознаніи Полозова, онъ заплакалъ и подтвердилъ все, сказанное другимъ подсудимымъ. Слѣдователь изъ разспроса подсудимыхъ вынесъ такое убѣжденіе, что они успѣли предварительно сговориться и что Полозовъ, по всей вѣроятности, учинилъ Эдельберга показывать.

Подсудимый Полозовъ возразилъ, что съ момента отдачи его на поруки, онъ ни разу не видалъ Эдельберга.

Врачъ Млышевъ объяснилъ, что судя по ходу и группировкѣ ранъ, оказавшихся на лицѣ убитаго Мерзлягина, слѣдуетъ думать, что онъ пронзоченъ отъ двухъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ на разстояніи 7—10 шаговъ, и что одинъ изъ стрѣлявшихъ стоялъ прямо противъ убитаго, а другой на-

искосокъ; впрочемъ врачъ не отрицаетъ возможности происхожденія ранъ и отъ одного выстрѣла.

Подсудимый Полозовъ заявилъ, что онъ не помнитъ хорошо, въ какомъ разстоянн стоялъ отъ извожика, но полагаетъ, что не далѣе 10 шаговъ.

Подсудимый Эдельбергъ показалъ, что извожикъ стоялъ у праваго облучка саней, а онъ—у лѣваго.

Экспертъ Чеховъ заявилъ, что онъ подтверждаетъ и въ настоящее время свое заключеніе о состоянн умственныхъ способностей Полозова, выраженное подробно въ письменномъ мнѣнн, данномъ имъ въ распорядительномъ засѣданн окружнаго суда, въ юнѣ мѣсяцѣ прошлаго года, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя обстоятельства, выясненныя на судѣ съ большою полнотою, выставляютъ рельефнѣе причины, располагавшія Полозова къ раннему развитію у него помѣщательства: эти обстоятельства заключаются въ наследственномъ предрасположенн Полозова къ нервной болѣзни и въ существованн у него припадковъ ея. Что касается до наследственнаго предрасположенн его къ болѣзни, то экспертъ убѣждается въ этомъ изъ существованн падучей болѣзни у большей части субъектовъ рода Полозовыхъ; какъ-то: у отца подсудимаго, дѣда его, сестеръ дѣда, и наконецъ двоюродныхъ и родныхъ братьевъ подсудимаго. Кроме того на умственные способности подсудимаго имѣли сильное вліяніе неправильное воспитаніе и ненормальный образъ жизни. Затѣмъ существованн у подсудимаго Полозова припадковъ подтверждается свидѣтельными показаннми фельдшера, тюремной прислуги и арестантовъ, и наконецъ, тѣмъ послѣприпадочнымъ состояніемъ по-

темнѣнія сознанія, галлюцинацій и бреда, которое было замѣчено у подсудимаго врачомъ Александровымъ и занесено имъ въ скорбный листъ. Эта падачая болѣзнь Полозова тѣсно связана съ разстройствомъ его умственныхъ способностей, которое выражается ненормальнымъ расположеніемъ духа подсудимаго, множествомъ существующихъ у него нелѣпныхъ идей и соответствующихъ имъ нелѣпныхъ дѣйствій, изъ которыхъ одно и привело его въ судъ.

Экспертъ Черемшанскій прежде всего объяснилъ сущность того вида помѣшательства, которое называется *круповымъ* и и очень часто встрѣчается у лицъ, подверженныхъ, въ силу закона наследственности, нервнымъ болѣзнямъ; преимущественно эпилепсїи. Объясненная экспертомъ форма помѣшательства, заключающаяся въ періодическомъ чередованіи душевныхъ настроеній, то веселыхъ, то трустныхъ, безъ видимыхъ явленій бреда, переходитъ иногда въ мрачное и затѣмъ буйное помѣшательство, а иногда, при проявленіи въ слабой степени, бываетъ такъ трудно опредѣлима особенно для мало опытныхъ врачей, что вводитъ ихъ въ заблужденіе относительно вѣроятности преступленій такимъ субъектамъ, у которыхъ дальнѣйшій ходъ болѣзни не оставляетъ никакого сомнѣнія въ развитіи у нихъ явнаго помѣшательства. Заблужденіе въ существованіи наследственнаго помѣшательства поддерживается еще его скоропроходимостью вслѣдъ за внезапнымъ появленіемъ и тѣмъ, повидимому, разумнымъ отношеніемъ субъекта къ своимъ нелѣпнымъ дѣйствіямъ, которое заставляетъ предполагать, что такой человекъ просто смѣлся надъ всеми окружающими. Обращаясь затѣмъ къ

подсудимому Полозову, эксперты указали на неполноту и нерациональность судебно-медицинскаго изслѣдованія надъ подсудимымъ, не могущаго служить основаніемъ для безошибочнаго заключенія о состояніи его умственныхъ способностей. Но затѣмъ, достовѣрное существованіе падучей болѣзни у подсудимаго, обнаруживающееся иногда, какъ доказано наукою, вслѣдствіе глубокихъ измѣненій въ мозгу отъ наследственнаго предрасположенія къ помѣшательству; — отсутствіе разумнаго повода къ совершенію преступленія; — тотъ періодъ полового развитія Полозова во время совершенія преступленія, — переходный отъ дѣтства къ юношеству, въ которомъ чаще всего проявляются трудно распознаваемыя формы наследственнаго помѣшательства, — все это убѣждаетъ эксперта въ томъ, что считать подсудимаго Полозова чело-вѣкомъ непомѣшаннымъ, нѣтъ никакого основанія. Наслѣдственное предрасположеніе къ помѣшательству у Полозова составляетъ фактъ не только вѣроятный, но и достовѣрный. Падучая болѣзнь, существовавшая у дѣда и отца Полозова, пьянство послѣдняго, располагающее потомство къ помѣшательству, истерическіе припадки матери — отразились на братьяхъ подсудимаго, изъ которыхъ одинъ умеръ въ судорожныхъ припадкахъ, а другой въ настоящее время страдаетъ тупоуміемъ. При правильномъ изслѣдованіи умственнаго состоянія подсудимаго, нужно было обратить вниманіе не только на него самого, но и на мать его и на братьевъ, и если бы врачомъ не было найдено никакихъ признаковъ помѣшательства у подсудимаго, то рядъ родственниковъ въ восходящей линіи, страдающихъ падучею болѣзнию и помѣшательствомъ,

истерика матери, идиотизмъ и смерть отъ судорогъ братьевъ, должны были служить для медика явнымъ доказательствомъ страданія подсудимаго тѣми же болѣзненными явленіями и существованія у него наслѣдственнаго предрасположенія къ первымъ болѣзнямъ и помѣшательству. На вопросы защитника Арсеньева экспертъ объяснилъ, что помѣшательство является не всегда въ той формѣ какъ у родителей, что оно иногда переходитъ въ слабоуміе и наконецъ въ идиотизмъ— причину вырожденія многихъ семействъ, — а иногда ослабѣваетъ въ потомствѣ и даже совершенно изглаживается при бракахъ больныхъ родителей съ здоровыми субъектами; и что въ данномъ случаѣ корень наслѣдственности нужно искать выше чѣмъ у дѣда подсудимаго. Сдѣлавъ характеристику малыхъ припадковъ падучей болѣзни (отсутствіе судорогъ, внезапная блѣдность лица, неподвижность глазъ), легко ускользающихъ отъ вниманія окружающихъ больного, экспертъ указалъ на ихъ опасность, при частомъ появленіи; не отрицалъ усиленной умственной дѣятельности у лицъ, страдающихъ падучею болѣзнию, при условіи существованія большихъ промежутковъ между двумя послѣдовательными припадками и наконецъ замѣтилъ, что временное прекращеніе припадковъ падучей болѣзни у подсудимаго Полозова, страдавшего ими, по показанію свидѣтелей, въ дѣтствѣ, можетъ быть мнимое, такъ какъ припадки могутъ являться ночью, оставаясь незамѣченными для близкихъ и родныхъ больного.

На вопросъ г. Арсеньева, не могло ли паденіе изъ кареты случившееся съ Полозовымъ за годъ до совершенія преступленія, неблагоприятно подѣйствовать на психическое состоя-

ніе подсудимаго, эксперт не отвергалъ, что апатія, происшедшая у Полозова вслѣдъ за паденіемъ изъ кареты, могла представлять слабый припадокъ психическаго расстройства, если только при паденіи произошелъ ушибъ головы и сотрясеніе мозга. На второй вопросъ того же защитника, не имѣютъ ли какого нибудь значенія обнаруженныя свидѣтельскими показаніями пристрастіе Полозова къ лжи, а также хвастливость его и трусливость, изъ которыхъ послѣднею отличались отецъ и дѣдъ подсудимаго, эксперт отвѣчалъ, что страшная боязнь полиціи у дѣда Полозова представляетъ намекъ на нелѣпныя идеи о преслѣдованіи, которыя часто служатъ однимъ изъ характеристическихъ признаковъ наследственнаго предрасположенія къ помѣшательству; обращаясь затѣмъ къ привычкѣ Полозова лгать и хвастать, экспертъ заявилъ, что ложь часто встрѣчается у наследственно-предрасположенныхъ къ помѣшательству и въ этомъ случаѣ ложь, по живости рассказовъ, дополненныхъ собственными вымыслами и не вѣрѣ больныхъ въ справедливость ими самими вымышленнаго, значительно отличается отъ обыкновенной лжи ребенка, хвастливость, по мнѣнію эксперта, представляетъ также черту обыкновенную при наследственно-измѣненіи и извращеніи характера. На организмъ подсудимаго имѣли пагубное вліяніе употребленіе спиртныхъ напитковъ и сношеніе въ ранней порѣ (съ 13 лѣтъ) съ женщинами; вреднаго же вліянія онанизма на здоровье Полозова экспертомъ не замѣчено, хотя подсудимый и сознавался въ онанизмѣ. Предположеніе о возможности галлюцинацій у подсудимаго оправдывается, по мнѣнію эксперта, способностью

наследственно-предрасположенных къ помѣшательству производить искусственныя, развивающіяся въ послѣдствіи въ настоящія, галлюцинаціи, въ связи съ замѣченною у Полозова въ дѣтствѣ мечтательностью, любовью къ темнымъ аллеямъ и къ бесѣдѣ съ самимъ собою, и наконецъ фактомъ, явленнымъ свидѣтелемъ Небольсинимъ, видѣвшимъ Полозова, бѣгающимъ по камерѣ и дѣлающимъ примасы къ стѣнѣ. Мысль о притворныхъ припадкахъ Полозова экспертъ совершенно отвергаетъ, такъ какъ каждому припадку предшествовали головная боль и блѣдность лица у подсудимаго, изъ которыхъ послѣднюю поддѣлать нельзя. Наконецъ замеры и безсонница, которыми страдаетъ Полозовъ, составляютъ обыкновенное явленіе при болѣзняхъ головного мозга. Далѣе, экспертъ высказалъ, что прикушеніе языка не составляетъ непременнаго явленія при падучей болѣзни, а отсутствіе рѣзкихъ измѣненій въ формѣ черепа у подсудимаго, найти которыя впрочемъ мѣшала густота волосъ, не служитъ доказательствомъ здравомыслія Полозова, такъ какъ случилось, что сильная степень идиотизма и помѣшательства существовали безъ всякаго видимаго измѣненія въ формѣ головы и только при вскрытіи находили большія измѣненія въ мозгу и черепѣ. Въ доказательство ошибочности мнѣній о состояніи умственныхъ способностей на основаніи одного наружнаго осмотра черепа, экспертъ привелъ въ приѣзъ графа Хоринскаго, не признаннаго на судѣ, вопреки заявленію одного эксперта, больнымъ, но, по заключенію въ тюрьму, умершаго отъ паралича — и Демера, казненнаго за убійство, у котораго, не смотря на то, что при жизни онъ считается за человѣка

способнаго разсуждать логически и даже остроумнаго, при вскрытіи были найдены ясныя слѣды сильно развитаго идиотизма. На вопросы прокурора экспертъ заявилъ, что круговое помѣшательство, хотя и характеризуется измѣненіями въ настроеніи духа, бывающими и у здоровыхъ людей, но въ немъ веселое и тоскливое расположеніе духа чередуются съ правильною періодичностью независимо отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, и эти смѣны настроеній доходятъ до степени мрачнаго помѣшательства и неистовства. Указавъ затѣмъ на трудность леченія наследственнаго помѣшательства и на невозможность притворства падучею болѣзнию, экспертъ высказалъ, что ни одинъ добросовѣстный врачъ не можетъ категорически отвѣтить, что подсудимый не былъ номѣшанъ во время преступленія и что у подеудимаго, въ силу существованія въ семействѣ Полозовыхъ падучей болѣзни и помѣшательства, скорѣе можетъ быть расположеніе къ помѣшательству, нежели у какого нибудь другаго субъекта. Но дать категорическое заключеніе о состояніи умственныхъ способностей подеудимаго Полозова, во время совершенія имъ преступленія, экспертъ уклонился, по неизбѣжнѣю необходимымъ наблюденій, а высказалъ только, что Полозовъ страдаетъ наследственнымъ предрасположеніемъ къ помѣшательству и преступленіе совершено имъ, какъ можно предполагать съ большею вѣроятностью, въ разстройствѣ умственныхъ способностей. Не называя форму этого разстройства нравственнымъ помѣшательствомъ, экспертъ согласился съ г. Чеховымъ, что это была моніакальная форма. Наконецъ экспертъ высказалъ, что онъ, согласно съ Крафтъ-Эбингомъ, не при-

знать нравственное помѣшательство за отдѣльную форму болѣзни; такъ какъ разстройство нравственной сферы чело-вѣка и умственной—раздѣлить невозможно, хотя и считаютъ часто признаками нравственнаго помѣшательства только при-знаки рѣзкой перемены характера чело-вѣка, наступающей при заболѣваніи различными формами помѣшательства.

Экспертъ Сливинскій, указавъ на трудность производства испытаній надъ подсудимыми въ тюрьмѣ сравнительно съ испытаніями въ специальномъ заведеніи, въ доказательство возможности со стороны испытуемыхъ притворства, перечис-лили нѣсколько случаевъ притворныхъ болѣзней, выдумываемыхъ арестантами и затѣмъ выразилъ, что отвѣты, дан-ные на судѣ свидѣтелемъ Нехаевскимъ, были ишь раньше приготовлены, подъ вліяніемъ г. Севастьяновича, желавшаго выставить на судѣ невнимавіе его, эксперта, къ исполненію обязанностей службы. Между тѣмъ г. Севастьяновичу были извѣстны все дѣйствія его, эксперта, по наблюденію надъ Полозовымъ и онъ, какъ инспекторъ врачебной управы, не указывалъ ни разу на промахи или недостатки въ испыта-ніи, а только однажды совѣтовалъ не употреблять энергиче-скихъ мѣръ, какихъ именно неизвѣстно, а прибѣгать вза-мѣстъ ихъ къ болѣе рациональнымъ, напр. уколотию и под-несенію свѣчи къ глазу. Въ то время, когда подсудимый, послѣ производства надъ нимъ экспертизы, былъ порученъ особенному наблюденію тюремнаго врача, какъ душевно боль-ной, онъ, экспертъ, по приглашенію г-жи Богуславской, на-вѣстилъ мать подсудимаго, которая обратилась къ нему съ просьбою о выдачѣ сыну ея свидѣтельства о болѣзни, для

освобожденіа его на поруки изъ тюрьмы; но, не призывая Полозова больнымъ, экспертъ отказался отъ выдачи свидѣтельства и уѣхалъ домой не взявъ предлагаемой ему чачки ассигнацій. Впослѣдствіи, когда состоялось опредѣленіе суда о нормальномъ состояніи умственныхъ способностей подсудимаго, вторично неизвѣстный человѣкъ предлагалъ эксперту черезъ фельдшера 500 руб., если онъ признаетъ Полозова, какъ и другіе врачи, больнымъ. Эти подкупы имѣли вліяніе на измѣненіе отношеній фельдшера Нехаевского и прислужникъ подсудимому: раньше они смѣялись надъ припадками Полозова, называя ихъ кукольною комедіею, а впослѣдствіи, послѣ подкуповъ и дачи показанія доктора Колинченко, признавали ихъ за настоящіе. Всѣ припадки, случавшіеся съ подсудимымъ, происходили ночью и потому наблюдаемы экспертомъ не были, такъ какъ никакихъ распоряженій на счетъ извѣщенія его о приступѣ падучей болѣзни у Полозова дѣлано не было. Самые припадки у подсудимаго какъ въ тюремной камерѣ, такъ и въ больницѣ, были такого рода, что не отличались ничѣмъ характернымъ, какъ-то: судорогами, расширеніемъ зрачковъ и измѣненіемъ въ пульсѣ, а состояли въ паденіи ночью съ кровати на полъ съ особенною осторожностью и ловкостью, не оставлявшими никакихъ сомнѣній на счетъ вѣтвренности припадковъ. Подсудимый на вопросы эксперта всегда отвѣчалъ, что онъ не помнитъ о происходившемъ съ нимъ ночью, спать недурно, по вечерамъ читалъ, вставалъ рано утромъ, но аппетитъ имѣлъ плохой и постоянно жаловался на головную боль. Однажды послѣ припадка у Полозова были замѣчены синяки на рукѣ,

но эти синяки, по объясненію подсудимаго, произошли отъ обыкновенія сосать на ночь руку. Всѣ данныя, изложенныя экспертомъ, привели его къ заключенію, что припадки у подсудимаго были симулированныя, въ чемъ его болѣе убѣждаетъ картина припадковъ и ихъ періодичность — въ началѣ испытанія черезъ два дня, потомъ черезъ двѣ недѣли, а послѣ испытанія черезъ мѣсяць. Душевное состояніе Полозова послѣ припадковъ не отличалось ничѣмъ особеннымъ. Однажды, когда экспертъ высказалъ подсудимому сомнѣніе въ дѣйствительности его припадка, то онъ хотѣлъ бросить въ эксперта стаканомъ или чашкой. Въ другой разъ, тоже послѣ припадка, въ Полозовѣ замѣтна была раздражительность и волненіе. Но это ненормальное душевное состояніе, по мнѣнію эксперта, было послѣдствіемъ вызова подсудимаго въ судъ. Въ третій разъ, Полозовъ отказался поставить прописанную ему отъ боли въ боку мушкету и за этотъ ничѣмъ не оправдываемый отказъ, для поддержанія порядка въ больницѣ, былъ переведенъ въ отдѣльную камеру, гдѣ сильно взволновался и даже произносилъ угрозы, относившіяся къ эксперту. Когда въ сопровожденіи служителя и двухъ фельдшеровъ экспертъ вошелъ къ Полозову, то подсудимый высказалъ негодованіе относительно помѣщенія его въ отдѣльную камеру, не призналъ прописаннаго лекарства соответствующимъ его болѣзни, произнесъ фразу: «да, меня считаютъ убійцею, но есть убійцы другаго рода, которые убиваютъ лекарствомъ и больныхъ считаютъ здоровыми», относившуюся прямо къ эксперту, и послѣ извинился передъ нимъ за произнесенную фразу, говоря что ничего не помнить. Въ четвертый разъ

также произошла съ подсудимымъ вспышка, во время которой онъ не пушалъ фельдшера изъ своей камеры, а послѣ прихода эксперта расхаживалъ такимъ образомъ, что, оборачиваясь къ свидѣтелямъ спиной, смѣялся, а поворачиваясь лицомъ, становился серьезнымъ; подсудимому, по его словамъ, былъ непріятель конвой, которымъ экспертъ окружилъ себя. Вообще, по мнѣнію эксперта, рѣдко встрѣчаются такіе остроумные мальчишки, какъ Полозовъ, особенно же въ числѣ большихъ.

Относительно умственного и душевнаго состоянія Полозова, экспертъ заявилъ, что объясненіе подсудимымъ преступленій случайностью выстрѣла и поведеніе его послѣ заарестованія у свидѣтеля Зеленскаго, на допросахъ у слѣдователя, при вскрытіи трупа и наконецъ во время тюремнаго заключенія, не дають никакого права предполагать, что Полозовъ страдаетъ какою нибудь душевною болѣзью. Не наследственность, о которой говорили гг. эксперты, въ данномъ случаѣ мѣла вліяніе на нравственную сторону подсудимаго, а неправильное воспитаніе, доказанное показаніями свидѣтелей-наставниковъ Полозова. О возможности поддѣлать припадки падучей болѣзни, экспертъ выразился утвердительно, ссылаясь при этомъ на фактъ, случившійся въ Харьковскомъ тюремномъ замкѣ. На вопросы защитниковъ, много ли экспертъ наблюдалъ въ своей жизни душевно-больныхъ и извѣстно ли ему то заключеніе, къ которому пришли нѣмецкіе врачи на общемъ сѣздѣ 1867 г. по вопросу о совмѣстности сознанія и пониманія поступка съ сумасшествіемъ, экспертъ отказался сообщить на первый вопросъ что-нибудь положительное, а на второй не отвѣчалъ ничего.

Спрошенная по поводу заявления г. Сливичкаго, *Свидетельница Боцлавская* показала, что она действительно приглашала Сливичкаго, на квартиру г-жи Полозовой, присутствовала при ихъ разговорѣ о свидѣтельствѣ для подсудимаго, страдавшаго передъ тѣмъ воспашеніемъ грудной плевы, и затѣмъ, когда г-мъ Сливичкимъ было отказано въ выдачѣ свидѣтельства, то ему было предложено матерью Полозова самымъ деликатнымъ образомъ 25. руб., какъ за обыкновенный докторскій визитъ, ани чуть не пачка ассигнацій.

Сливичкій настаивалъ на вѣрности прежняго показанія относительно пачки ассигнацій.

Экспертъ Севастьяновичъ, разбирая процедуру испытанія подсудимаго, веденнаго по распоряженію врачебнаго отдѣленія и личному желанію его, указалъ на непонятую враждебность отношенія Сливичкаго къ Полозову, которая очень ясно выразилась во 1-хъ), въ предложенномъ Сливичкимъ, но неисполненномъ по волѣ эксперта, грубомъ и безчеловѣчнымъ приемѣ обливанія холодною водою подсудимаго, для пробужденія его отъ сна, во время утреннихъ визитаций; во 2-хъ), въ намѣреніи приблизить къ прижиганію каменнымъ желѣзомъ Полозова, при повтореніи у него припадковъ падучей болѣзни, въ 3-хъ), въ заявленіи врачебному отдѣленію, о необходимости запретить подсудимому пользоваться домашнею пищею; по случаю показавшихся у него желудочныхъ припадковъ во время холеры; и въ 4-хъ), въ желаніи запретить подсудимаго въ темную комнату за какой-то проступокъ, что, по заявленію эксперта, относится къ дѣятельности тюремной администраціи, а не врача. Испытаніе, произведенное Сливичкимъ,

было совершенно неправильное, безрезультатное и представляло лишь только одну крайнюю недобросовѣстность, безпечность и совершенное отсутствіе гуманности во врачѣ, который за подобныя дѣйствія достоинъ названія не друга, а врага человечества. Замѣнить Сливцоваго кѣмъ либо другимъ, или указать на приемы, необходимые для распознаванія истинныхъ припадковъ падучей болѣзни, экспертъ не нашелъ нужныхъ, такъ какъ Сливцкій проходилъ судебную медицину и потому знакомъ съ отдѣломъ о притворныхъ болѣзняхъ. Обращаясь къ опредѣленію душевнаго состоянія подсудимаго Полозова, экспертъ, основываясь на свидѣтельскихъ показаніяхъ о наследственномъ расположеніи къ мозговымъ и нервнымъ болѣзнямъ въ семействѣ Полозовыхъ, о пьянствѣ отца и истерики матери, о дурномъ воспитаніи подсудимаго, раннемъ употребленіи имъ спиртныхъ напитковъ въ соединеніи съ ранними половыми сношеніями, собственной падучей болѣзни Полозова, доказанной многочисленными свидѣтельскими показаніями и наконецъ на галлюцинаціяхъ, бывшихъ у подсудимаго, — основываясь на всемъ этомъ, экспертъ вывелъ положительное заключеніе о болѣзненномъ состояніи мозга у Полозова и о томъ, что самое преступленіе было совершено подсудимымъ безсознательно подъ вліяніемъ болѣзни мозга, унаследованной имъ отъ предковъ. Наследственность мозговыхъ и нервныхъ болѣзней и совмѣстность помѣшательства съ обдуманностью дѣйствій лица помѣшаннаго вполнѣ доказаны, по мнѣнію эксперта, наукою о душевныхъ болѣзняхъ. Приведа нѣсколько легкихъ способовъ къ открытію истинныхъ припадковъ падучей болѣзни, кото-

рые въ настоящемъ случаѣ не испытывались, Экспертъ высказалъ, что врядъ-ли подсудимому Полозову были известны всѣ подробности, какъ можно симулировать припадокъ, что расширеніе зрачка, замѣченное у Полозова, поддѣлать почти нельзя, не прибѣгая къ атропину, и что наконецъ замѣченное у подсудимаго во время одного припадка произвольное испусканіе мочи свидѣтельствуетъ о томъ, что припадокъ у Полозова былъ истинный, а не притворный.

Экспертъ Зальскій, разрѣшая первый вопросъ, имъ самимъ поставленный, именно, дѣйствительно-ли подсудимый Полозовъ страдаетъ эпилепсіею и носить на себѣ признаки патологической фамиліи, пришелъ къ рѣшенію отрицательному, такъ какъ во 1-хъ), свидѣтельскія показанія, о существованіи у подсудимаго падучей болѣзни по ихъ разногласію и логическимъ противорѣчіямъ, производятъ на эксперта впечатлѣніе басни, лишенной всякаго содержанія; во 2-хъ), къ скорбныхъ листахъ, представленныхъ Сливичкииъ, хотя и упомянуто о 3-хъ бывшихъ у подсудимаго разновременнo судорожныхъ припадкахъ, впрочемъ не видѣнныхъ лично врачомъ, а описанныхъ со словъ фельдшеровъ Нехаевского и Павленко, но эти припадки, даже не исключая и замѣченнаго докторомъ Александровымъ, будто-бы наблюдавшимъ у Полозова эпилепсію, не представляютъ ни какихъ особенныхъ явленій, характеризующихъ падучую болѣзнь, а есть не болѣе какъ симуляція подсудимаго и въ 3-хъ), свидѣтельство доктора Колинченко, лечившаго Полозова очень давно, въ дѣствѣ, отъ эпилепсіи, выдано весьма недавно; послѣ совершенія подсудимымъ преступленія, и потому оно, какъ напи-

санное на память, не говоря уже о томъ, что возбуждаетъ сомнѣніе, не доказываетъ существованія у Полозова и въ настоящее время эпилепсіи. Далѣе, разбирая мнѣнія гг. Чехова и Севастьяновича, выставляющія Полозова эпилептикомъ и нравственно—помѣшаннымъ, экспертъ находитъ эти мнѣнія неосновательными, по той причинѣ, что они построены на показаніяхъ только матери подсудимаго и его родныхъ; кромѣ того гг. Чеховъ и Севастьяновичъ слишкомъ увѣренно доказываютъ ничѣмъ не оправдываемый фактъ, что зачатіе Николая Полозова произошло въ то время, когда отецъ его былъ пьянъ; наконецъ пьянство отца, или вообще родителей, не всегда бываетъ причиною появленія въ потомствѣ нервныхъ болѣзней: въ этомъ случаѣ экспертъ сослался на доктора Гусса, который говоритъ, что процентъ дѣтей съ нервными болѣзнями отъ пьяницъ-родителей весьма незначителенъ. Симуляція припадковъ падучей болѣзни, по мнѣнію эксперта, также очень легка, въ чемъ убѣждаютъ множество примѣровъ, взятыхъ изъ практики знаменитыхъ врачей; расширеніе зрачка, характеризующее эпилепсію, легко произвести нѣкоторыми медицинскими средствами искусственно; конвульсіи, какъ главнѣйшій признакъ падучей болѣзни, легко поддѣлать. Тѣ судорожныя движенія, которыя были замѣчены у Полозова во время припадковъ, по разсказу Нехаевского, нельзя относить къ эпилепсіи; пѣна, отдѣлявшаяся изъ рта подсудимаго, составляетъ, по мнѣнію эксперта, признакъ далеко не характерный, также какъ и непроизвольное испусканіе мочи, которое не имѣетъ никакого значенія. Всѣ вышеска-

занныя обстоятельства привели эксперта къ заключенію въ притворствѣ подсудимаго, что еще болѣе подтверждается тѣмъ, что во 1-хъ, вопросъ объ эпилепсіи подсудимаго возбужденъ впервые только послѣ того, какъ Полозову стало положительно невозможно объяснить совершенное имъ преступленіе нечаянностью; во 2-хъ, припадковъ эпилепсіи у подсудимаго, какъ показало судебное слѣдствіе, никто, даже изъ близкихъ его родственниковъ, исключая тетки, никогда не видѣлъ, мало того, даже слуховъ объ этой болѣзни не было; въ 3-хъ, припадки падучей болѣзни явились у подсудимаго въ острогѣ, при чемъ самыхъ явленій никто не видѣлъ, но крайней мѣрѣ исполнѣ; въ 4-хъ, послѣдовательныхъ явленій, свойственныхъ припадку падучей болѣзни, врачъ никогда у Полозова не замѣчалъ, и наконецъ въ 5-хъ, подсудимый, на другой день послѣ припадка, объяснялъ объ немъ г. Сливичкову со смѣхомъ.

Указавъ ватѣмъ на тотъ фактъ медицинской статистики, что процентъ умственно больныхъ эпилептиковъ весьма ничтоженъ, что душевная дѣятельность можетъ существовать при эпилепсіи долгое время безъ расстройства и только при частомъ повтореніи припадковъ надучей болѣзни можетъ болѣе или менѣе существенно искажаться и переходить въ безуміе, экспертъ не находилъ возможнымъ объяснить преступленіе Полозова нерѣдко случающимся у эпилептиковъ припадкомъ умоизступленія, т. е. временнаго приступа буйства и бѣшенства, но той причинѣ, что умоизступленіе предполагаетъ какой-нибудь нравственный импульсъ, котораго въ данномъ случаѣ не было, такъ какъ убійство извозчика было обду-

мано и рѣшено подсудимыми за долго до совершенія преступленія.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу о нравственномъ помѣщательствѣ, возбужденному гг. Чеховымъ и Севастьяновичемъ, экспертъ выразилъ недовѣріе къ мнѣніямъ упомянутыхъ лицъ, совершенно сходнымъ по вопросамъ труднымъ, какъ напримеръ: опредѣленіе формы душевнаго разстройства Полозова, и напротивъ различнымъ по предметамъ яснымъ до очевидности, какъ указаніе физическихъ недостатковъ скелета подсудимаго. Не отвергая вполнѣ нравственнаго помѣщательства, экспертъ отнесъ его къ тѣмъ видамъ душевныхъ болѣзней, которые въ настоящее время порождены стараніями врачей расширить предѣлы невмѣняемости, на томъ основаніи, что для него, эксперта, непонятна совмѣстность нелѣпыхъ дѣйствій съ способностью правильно рассуждать. Признавая однако-же нравственное помѣщательство за переходное состояніе, ведущее субъекта или къ полному съумасшествію или къ постепенному развитію идиотизма, а не за особую форму болѣзни, экспертъ замѣтилъ, что всестороннее знакомство съ жизнью и особенностями организма Полозова не даютъ ни права, ни возможности предположить у подсудимаго существованіе не только нравственнаго, но и вообще какой-бы то ни было формы помѣщательства. Развивая далѣе свое положеніе, экспертъ сослался на собственное наблюденіе, произведенное надъ подсудимымъ въ тюрьмѣ и на судѣ, изъ котораго онъ вывелъ, что въ жизни Полозова не существовало постепеннаго измѣненія нрава и привычекъ, — характеристическаго признака людей, имѣвшихъ несчастіе подвергнуться

нравственному помѣшательству, — и если при внимательномъ медицинскомъ изслѣдованіи обнаруживается въ организмѣ подсудимаго незначительное расстройство, то это расстройство произошло отъ онанизма; другихъ болѣзненныхъ явленій въ организмѣ Полозова положительно не существуетъ и умственные способности подсудимаго, исключая памяти, пострадавшей отъ онанизма, находятся въ совершенномъ порядкѣ. На вопросъ, что послужило исходною точкою страшнаго преступленія, совершеннаго Полозовымъ, экспертъ указалъ на безтолковое воспитаніе, сдѣлавшее подсудимаго нетерпѣливымъ, капризнымъ, раздражительнымъ, вспыльчивымъ, лѣнивымъ мальчикомъ, притомъ съ властью надъ всѣми окружающими. Окончательно испорченный, вышедшій изъ повинованія матери, подсудимый былъ отданъ въ лицей Каткова, гдѣ, по мнѣнію эксперта, довершилась его нравственная порча. Всѣ дѣйствія подсудимаго, при внимательномъ изученіи ихъ шагъ за шагомъ, совершаются сознательно, последовательно, безъ всякихъ уклоненій въ сторону отъ того неизбежнаго пути, который пробить для него дурнымъ воспитаніемъ. Полозовъ, по мнѣнію эксперта, представляетъ собою субъекта, страдающаго не нравственнымъ помѣшательствомъ, а нравственною порчею; онъ бы могъ быть признанъ душевно-болѣзнымъ только въ такомъ случаѣ, если бы до момента совершенія преступленія отличался безукоризненностью во всѣхъ отношеніяхъ, и потомъ уже вслѣдствіе какихъ либо очевидныхъ причинъ, физическихъ или нравственныхъ, повліявшихъ на его организмъ, измѣнился бы къ худшему и совершилъ извѣстный проступокъ.

Экспертъ Человъ (на вопросы г. Арсеньева) объяснилъ, что прикушеніе языка хотя и бываетъ во время приступа паду-чей болѣзни, но не постоянно; процентное отношеніе помѣшанныхъ между эпилептиками у различныхъ авторовъ и въ разныхъ странахъ различно: оно колеблется между $\frac{6}{7}$ и $\frac{1}{3}$ и т. п.; число страдающихъ душевными болѣзнями, въ силу закона наслѣдственности, по статистическимъ даннымъ, извлеченнымъ изъ массы изслѣдованій, заключается между $\frac{1}{7}$ и $\frac{1}{4}$. Наблюдая Полозова во время судебного засѣданія, экспертъ замѣтилъ въ немъ однажды, послѣ бывшаго наканунѣ припадка, о которомъ сообщилъ г. Сливицкій, возбужденное нервное состояніе, проявившееся въ нетвердости походки, расширеніи зрачковъ и дрожаніи правой руки и правой ноги, продолжавшемся почти постоянно и слѣдующій день; при этомъ подсудимый говорилъ и сознавалъ вполне свое положеніе. Въ другой разъ у Полозова было замѣтно какое-то необыкновенное равнодушіе къ самому себѣ, которымъ онъ, очевидно, хвастался. Эти различныя душевныя состоянія подсудимаго служатъ, по мнѣнію эксперта, указаніемъ на силу и продолжительность случающихся съ нимъ припадковъ: возбужденное нервное состояніе послѣ припадка, продолжающееся иногда въ теченіи и слѣдующаго дня, свидѣтельствуетъ о томъ, что припадокъ былъ сильный; иногда же трехъ-часовой сонъ послѣ припадка совершенно успокаиваетъ больнаго и тогда послѣдующія явленія бываютъ уже неопредѣлимы. Признать существованіе нравственнаго помѣшательства на основаніи однихъ лишь дѣйствій изслѣдуемаго больнаго, экспертъ отказался, такъ какъ, по его мнѣ-

нію, такого помѣшательства, при которомъ-бы сохранялись неразстроенными умственныя способности, а выражались лишь только больная воля и нелѣпыя поступки, не бываетъ. Въ заключеніе, экспертъ отвергнулъ неправдоподобное заявленіе г. Залѣскаго, будто бы онъ въ своемъ письменномъ мнѣніи высказалъ, что Полозовъ зачатъ въ то время, когда отецъ его былъ пьянъ.

Экспертъ Черемшанскій заявилъ, что, не смотря на выставленные г. Залѣскимъ примѣры симуляціи, по его мнѣнію совершенно ничего недоказывающіе, онъ остается при прежнемъ убѣжденіи о принадлежности эпилепсіи къ числу такихъ болѣзней, которыя не легко симулировать; раздраженіе судорогамъ падучей болѣзни очень возможно для лицъ, занимавшихся изученіемъ припадковъ эпилепсіи; но при этомъ, не трудно отличить врачу истинную падучую болѣзнь отъ ложной, руководясь единственно извѣстнымъ запасомъ свѣдѣній объ эпилепсіи и здравымъ смысломъ.

Отвѣчая на вопросъ г. Арсеньева о наследственности, экспертъ замѣтилъ, что Полозовъ, находясь въ настоящее время въ періодѣ юности, можетъ быть небезуспѣшно подвергнуть нравственному леченію подъ руководствомъ разумныхъ воспитателей и при постоянномъ наблюденіи врача, такъ какъ вліяніе наследственности значительно ослабляется правильнымъ воспитаніемъ дѣтей.

Защитникъ Утинъ, по окончаніи экспертизы по дѣлу Полозова, предложилъ гг. экспертамъ нѣкоторые вопросы, относящіеся до его кліента.

Экспертъ Залѣскій, признавая рѣшеніе вопроса о числѣ

выстрѣловъ чрезвычайно труднымъ, склонялся однако къ тому, что выстрѣлъ былъ произведенъ одинъ, такъ какъ всѣ раненія оказались на одной сторонѣ лица и при томъ шагахъ въ десяти, прямо въ лицо человѣка, потому что всѣ раненія, исключая одного, происшедшаго, по всей вѣроятности, отъ рикошета, идутъ по одному направленію. При существованіи же двухъ выстрѣловъ, экспертъ находилъ необходимымъ или указать на раненія въ двухъ различныхъ мѣстахъ, или допустить не совсѣмъ вѣрное предположеніе, что раненія были произведены одновременнымъ выстрѣломъ изъ двухъ ружей въ одну и ту же точку. Вообще, не выдавая своего предположенія за окончательное, экспертъ высказалъ, что вопросъ о числѣ выстрѣловъ, какъ въ высшей степени спеціальнѣйшій, слѣдуетъ предложить на обсужденіе кого нибудь изъ гг. военныхъ.

Экспертъ Черемшанскій, на вопросъ защитника Утина, заявилъ, что онъ считаетъ Эдельберга, судя по его показаніямъ и разговорамъ, принадлежащимъ къ числу людей, весьма слабо развитыхъ въ умственномъ отношеніи, хотя и не слабоумнымъ отъ рожденія. Такой человѣкъ, какъ Эдельбергъ, имѣющій самыя смутныя, чисто-дѣтскія понятія объ обыкновенныхъ вещахъ, могъ, по мнѣнію эксперта, легко подпасть подъ вліяніе даже помѣшаннаго человѣка, особенно такого, который, какъ Полозовъ, могъ польстить ему чѣмъ нибудь. Суровое обращеніе родителей и вообще близкихъ людей производить у дѣтей извращенную мечтательность и наконецъ, угнетая постояннымъ страхомъ и возбуждая ча-

стое душевное волненіе, развиваесть въ дѣтахъ грусть и сосредоточенность въ самихъ себѣ.

По прочтеніи защитникомъ Утинымъ нѣсколькихъ строкъ изъ Гризингера о дурномъ вліяніи суроваго обращенія родителей и вообще суроваго воспитанія, экспертъ Черемшанскій отвѣчалъ, что онъ вполне раздѣляетъ прочитанное мнѣніе.

Экспертъ Залтескій заявилъ, что онъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, что суровое обращеніе дѣлаесть человека дѣйствительно сосредоточеннымъ, въ извѣстной степени мечтательнымъ, несообщительнымъ, какимъ-то угнетеннымъ и недовѣрчивымъ.

По предложенію г. прокурора, заявившаго о томъ, что подсудимые неправильно называли себя 15-лѣтними во время совершенія преступленія, были прочтены метрическія свидѣтельства подсудимыхъ, при чемъ г. Утинъ обратилъ вниманіе присяжныхъ на то, что Эдельбергу, родившемуся 1 мая 1855 г., въ день засѣданія исполнилось ровно 17 лѣтъ, послѣ 15-мѣсячнаго тюремнаго заключенія.

Прокуроръ Де-Росси замѣтивъ, что настоящее дѣло, по личностямъ обвиняемыхъ и по свойству совершеннаго ими преступленія, представляется настолько необыкновеннымъ явленіемъ, что оно не могло не сосредоточить на себѣ обобщеннаго вниманія общества, просилъ присяжныхъ засѣдатей по возможности отрѣшиться отъ всего, что они слышали о дѣлѣ до засѣданія. Затѣмъ обвинитель указалъ на двѣ особенности судебного слѣдствія по настоящему дѣлу: во первыхъ для опредѣленія состоянія умственныхъ способностей Полозова явились въ Харьковъ изъ столицы врачи-спеціалисты,

какихъ еще ни разу не приходилось слышать въ Харьковскомъ судѣ. Это обстоятельство доказываетъ, что законъ, требующій равенства всѣхъ передъ судомъ, не всегда осуществимъ: люди состоятельные всегда будутъ имѣть возможность пользоваться особыми преимуществами: будь родные Полозова болѣе бѣдные и присяжные не услышали-бы гг. Чехова и Черемшанскаго. Во вторыхъ къ судебному слѣдствію явился цѣлый рядъ свидѣтелей, вызванныхъ защитой, для того, чтобы сказать все, что только можетъ принести пользу Полозову; сюда явилось убитая горемъ мать, опечаленные родные подсудимаго. Но у кого же изъ преступниковъ нѣтъ или отца, или матери, или жены, или братьевъ, сестеръ, дѣтей, вообще близкихъ и дорогихъ лицъ, которыхъ онъ покидаетъ въ отчаяніи, когда за нимъ запираются двери тюремнаго замка? Если бы страданія этихъ лицъ слѣдовало принимать во вниманіе при постановленіи приговоровъ, то пришлось бы дать свободу всѣмъ, содержащимся въ тюрьмѣ отцамъ, матерямъ, братьямъ и т. д. Судьи должны быть только справедливы, а не сострадательны и потому къ показаніямъ всѣхъ этихъ лицъ нужно относиться съ крайнею осторожностью.

Обращаясь къ выясненію личности подсудимаго Полозова, прокуроръ прежде всего указалъ на то, что данныя, собранныя предварительнымъ слѣдствіемъ, опровергаютъ существованіе наследственности надучей болѣзни въ родѣ Полозовыхъ; къ доказательствамъ же, представленнымъ по этому поводу на судебномъ слѣдствіи, какъ не провереннымъ надлежащимъ образомъ, нельзя относиться съ полнымъ довѣ-

ріємъ. Доказано только одно, что отецъ Полозова предавался излишнему употребленію спиртныхъ напитковъ, но отсюда можно было бы сдѣлать только то заключеніе, что подсудимый Полозовъ, родившись отъ пьяницы, долженъ былъ бы, по закону наслѣдственности, самъ сдѣлаться пьяницей, а ни какъ не заключеніе о ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей подсудимаго. Существованіе падучей болѣзни у самаго подсудимаго ничѣмъ не доказано: на предварительномъ слѣдствіи съ этой болѣзни показала только мать подсудимаго, которая на предложеніе указать другихъ свидѣтелей, заявила, что она скрывала эту болѣзнь и сослалась на одного только доктора Количиченко, который дѣйствительно до малѣйшей подробности описалъ припадки, обнаружившіеся у подсудимаго въ дѣтствѣ; ихъ продолжительность, число и способъ леченія, но сомнительно, чтобы докторъ, спустя много лѣтъ, въ состояніи былъ такъ хорошо вспомнить подробности болѣзни одного изъ многочисленныхъ своихъ пациентовъ; показаніе же матери можетъ быть принимаемо на вѣру лишь на столько, на сколько оно подтверждается другими доказательствами, а этихъ-то доказательствъ и не имѣется въ дѣлѣ. Не довѣряя показаніямъ тетки подсудимаго, г-жѣ Богуславской, и кормилицы его, на которыхъ не было указано на предварительномъ слѣдствіи, прокуроръ точно также отнесся съ недовѣріемъ къ свидѣтельству лицъ о припадкахъ, появлявшихся у подсудимаго во время содержанія подъ стражей: падучую болѣзнь, какъ это признано и врачами, поддѣлать весьма легко; только опытный врачъ въ состояніи отличить истинный припадокъ отъ ложнаго; при-

падковъ же, случавшихся съ Полозовымъ, врачъ не имѣлъ возможности наблюдать, а полагаться на показанія людей невѣдущихъ, очевидно, нельзя, тѣмъ болѣе, что во 1-хъ, припадки у Полозова начались только послѣ дачи докторомъ Колинченко показанія о томъ, что Полозовъ страдалъ паду-чею болѣзнию и при томъ эти припадки сопровождались такими обстоятельствами, указанными г. Сливицкимъ, которыя изобличаютъ притворство со стороны подсудимаго и во 2-хъ, Полозовъ, какъ это положительно доказывается свидѣтельскими показаніями, — ни дома, ни въ лицѣ, ни на квартирѣ Зимовскаго не страдалъ припадками; что касается до извѣстной пагубной склонности, которой подсудимый предавался въ дѣтствѣ, то этотъ порокъ вредно дѣйствуетъ на здоровье только тогда, когда ему предаются и часто и долго. Изъ прочитаннаго же показанія матери Полозова видно, что привычка эта появилась у ея сына въ 10 лѣтнемъ возрастѣ; а при освидѣтельствованіи его умственныхъ способностей въ судѣ, Полозовъ между прочимъ объяснилъ, что привычка эта продолжалась у него до 12 лѣтняго возраста: въ такой короткій промежутокъ времени она не могла подѣйствовать на здоровье разрушительно, какъ это подтверждается и показаніемъ свидѣтеля Ковальскаго и освидѣтельствованіемъ, произведеннымъ г. Севастьяновичемъ; и тотъ и другой удостовѣрили, что Полозовъ былъ совершенно здоровъ физически. Наконецъ о разгульной жизни, которую будто-бы велъ подсудимый въ лицѣ, говорить только самъ Полозовъ, но прокуроръ полагаетъ, что подсудимый говорить о своихъ ночныхъ похожденияхъ только изъ хва-

ствова; въ журналѣ, веденномъ Полозовымъ въ лицей, указывается на такое строгое наблюденіе за воспитанниками, при которомъ не возможно было уходить ночью изъ заведенія.

Такимъ образомъ, по мнѣнію прокурора, подсудимый Полозовъ относительно здоровья не представляетъ ничего особеннаго, ничего исключительнаго. Но если даже и допустить, что онъ страдаетъ наследственною падучею болѣзью, то отсюда вовсе не слѣдуетъ заключать о разстройствѣ умственныхъ способностей его: часто люди, одержимые падучею болѣзью, вовсе не обнаруживаютъ умопомѣшательства. Врачи признаютъ, что падучая болѣзнь иногда сопровождается разстройствомъ умственныхъ способностей, а иногда—нѣтъ.

Не придавая затѣмъ серьезнаго значенія рассказамъ о наклонности подсудимаго играть въ разбойники, такъ какъ дѣти очень часто предаются этой игрѣ, и показанію матери, что съ сыномъ ея два раза случилось нѣчто необыкновенное (одинъ изъ этихъ случаевъ рассказанъ самимъ Полозовымъ, въ его дневникѣ, совершенно иначе, чѣмъ передала его мать), — прокуроръ описалъ дѣтство Полозова такимъ образомъ: подсудимый былъ ребенокъ ласковый, кроткій, съ хорошими умственными способностями, но лѣнивый и иногда вспыльчивый, раздражительный, настойчивый. Въ своемъ журналѣ Полозовъ говоритъ о самомъ себѣ: «я былъ мягокъ, гибокъ, прямъ, незлопамятенъ, но ко всему этому прибавлю: мстителенъ, горячъ и вспыльчивъ». Такимъ образомъ въ характерѣ Полозова было много хорошихъ задатковъ, и нѣкоторые дурные; но воспитатели не сдумали развить пер-

вые и осторожно подавить вторые. Самъ Полозовъ, въ своемъ журналѣ, говорить о собственной жизни въ семьѣ: «мнѣ теперь 15 лѣтъ. До 14 я жилъ, какъ выражаются, дома—въ семьѣ. Въ послѣдній годъ жить у родителей мнѣ стало нестерпимо скучно.... Несмотря на то, что я отсталъ въ наукахъ, я былъ довольно развитъ... Меня не понимали; по лѣтамъ я былъ еще ребенокъ, но пускался въ разсужденія и бѣсилъ ихъ тѣмъ, что въ спорахъ со старшими одерживалъ верхъ.... Разбитые на всѣхъ пунктахъ, мои родители имѣли всегда своимъ единственнымъ доводомъ; «Ты говоришь чушь да и какъ можешь спорить ты, малокососъ, тебѣ только 14 лѣтъ».—И, признаться, этихъ доводовъ было достаточно, чтобы сбить меня съ толку; я бѣсился, грубилъ и ссорился; понятно, что надо мною смѣялись... Я ни какъ не могъ ужиться въ семьѣ. Сперва споры были рѣдки, но впоследствии они учащались и наконецъ не проходило дня безъ сценъ». На судъ подсудимый сказалъ: «Мы жили всѣ, какъ кошка съ собакою». Эта печальная исповѣдь свидѣтельствуешь о той замѣчательной небрежности, съ которою родители относятся иногда къ своимъ священнѣйшимъ обязанностямъ по отношенію къ дѣтямъ. Въмѣсто того, чтобы ласками и убѣжденіямъ привязать къ себѣ Полозова, къ нему относились свысока, заботясь только о внушеніи ему правилъ свѣтскаго приличія и вѣжливости. Ему постоянно напоминали, что онъ малокососъ, что онъ несетъ чушь, а при естественныхъ съ его стороны вспышкахъ, его угощали пиньками, бранью, пощечинами. Вслѣдствіе такого обращенія въ Полозовѣ окончательно должны были укрѣпиться и раз-

виться желчность, раздражительность, вспыльчивость, настойчивость. Съ испорченнымъ направлениемъ и съ высокимъ мнѣніемъ о себѣ Полозовъ поступилъ въ лицей и тамъ явился коноводомъ всѣхъ шалостей. Не только лицейскіе порядки и занятія въ лицейѣ вовсе не соответствовали его характеру, складу ума, способностямъ и дѣло кончилось тѣмъ, что онъ долженъ былъ оставить лицей. Слѣдующая за тѣмъ обстановка его у Зимовскаго, гдѣ его заставляли готовиться къ поступленію въ гимназію, третировали какъ мальчика, которому нужно еще много и прилежно учиться, также не могла удовлетворить его, наконецъ любовь къ взрослой дѣвушкѣ, которая не обращала на него, какъ на мальчика, никакого вниманія, еще болѣе усилила недовольство его окружающей обстановкой и желаніе избавиться отъ нея. И вотъ подъ влияніемъ такихъ романовъ, какъ напр. «Ракомболъ», гдѣ героемъ является негодяй, разбойникъ, совершающій немислимые сказочные подвиги и преступления, у Полозова явилось желаніе составить себѣ имя, приобрести извѣстность, богатство; въ головѣ его рождаются разные фантастическіе планы о переселеніи краснокожихъ Индѣйцевъ въ Европу, о разбояхъ и т. д. Эти планы ни чуть не доказываютъ разстройства умственныхъ способностей; они принадлежатъ къ числу тѣхъ воздушныхъ замковъ, которые любятъ строить почти всѣ люди въ извѣстномъ возрастѣ. Но чтобы Полозовъ рѣшился на осуществленіе одного изъ фантастическихъ своихъ плановъ, пужень былъ толчкомъ; такимъ толчкомъ послужилъ отказъ Зимовскаго отъ квартиры. Обратиться къ роднымъ и начать вновь скучную ученическую жизнь — для

него было невыносимо и вотъ онъ вступилъ на ту дорогу, къ которой былъ уже достаточно подготовленъ.

Излагая затѣмъ самый фактъ преступленія, совершеннаго Полозовымъ и Эдельбергомъ, прокуроръ обратилъ вниманіе на то, что подсудимые обыскали убитаго ими извозчика, чтобы воспользоваться его деньгами; около трупа извозчика найденъ былъ паспортъ, который лежалъ у него обыкновенно въ томъ же карманѣ, гдѣ находилась кошелечекъ съ деньгами. Кошелечка этого при убитомъ не оказалось; ясно, что онъ былъ вынутъ подсудимыми, при чемъ паспортъ, какъ вовсе не нужный имъ, былъ тутъ же брошенъ. Доказывая затѣмъ, что въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ подсудимыхъ не заключается никакихъ странностей и несообразностей, которыя свидѣтельствовали бы о ненормальномъ болѣзненномъ состояніи ихъ и что напротивъ эти дѣйствія были совершенно послѣдовательны, прокуроръ указалъ на то, что подсудимые на первыхъ порахъ отрицали свою виновность на столько удачно, что ввели въ заблужденіе лицъ, производившихъ первыя слѣдственныя дѣйствія, такъ что даже признано было возможнымъ, не заключая подъ стражу, отдать ихъ на поруки. Сознаніе Полозова явилось только тогда, когда его заключили подъ стражу и онъ потерялъ всякую надежду оправдаться.

Что касается до цѣлей, которыя преслѣдовалъ Полозовъ, убивая извозчика Мерзликина, то онъ, какъ видно изъ объясненій, данныхъ подсудимымъ на предварительномъ слѣдствіи, заключались въ томъ, чтобы во 1 хъ, съ самаго же начала вовлечь Эдельберга въ преступленіе и отнять у него

возможность возврата и во 2-хъ, испытать самого себя, годенъ ли онъ на то дѣло, которому думалъ себя посвятить. Такъ логично и послѣдовательно не могъ дѣйствовать чело вѣкъ помѣшанный. Принявъ во вниманіе всю обстановку его жизни и послѣдовательное развитіе его ума, характера, наклонностей, прокуроръ считаетъ возможнымъ сдѣлать только одно заключеніе, что Полозовъ крайне извращенъ и испорченъ и что отъ него трудно было ожидать чего либо кромѣ зла.

Но если мысли и дѣйствія Полозова отличались послѣдовательностью, логичностью, то не существуетъ ли такое болѣзненное состояніе, которое не обуславливается разстройствомъ умственныхъ способностей, но проявляется лишь въ совершенномъ извращеніи характера, наклонностей, убѣжденій чело вѣга, такъ что въ немъ замѣчается какъ бы болѣзненное стремленіе къ злу? Дѣйствительно нѣкоторые врачи признають возможность существованія болѣзненной наклонности ко злу и называютъ эту наклонность нравственнымъ или преступнымъ помѣшательствомъ. Но если испорченность и наклонность ко злу составляетъ родъ помѣшательства, то всѣхъ, содержащихся въ тюремныхъ замкахъ преступниковъ, слѣдовало бы перевести въ больницы или въ домъ умалишенныхъ. Прокуроръ въ этомъ отношеніи соглашается съ мнѣніемъ англійскаго юриста Брауна, что если и признавать существованіе нравственнаго помѣшательства, то способомъ леченія его должно быть наказаніе, подобно тому, какъ оно примѣняется ко всякому испорченному, безнравственному чело вѣку, такъ какъ болѣзненное влеченіе ко злу при нравственномъ помѣшательствѣ не сильнѣе побужденія ко злу,

существующаго въ каждомъ закоренѣломъ преступникѣ. Замѣтивъ затѣмъ, что англійскіе юристы и судьи вообще недовѣрчиво относятся къ заключеніямъ врачей, признающихъ существованіе помѣшательства при отсутствіи симптомовъ умственнаго разстройства, прокуроръ указалъ въ примѣръ на извѣстный процессъ О'Коннора, гдѣ присяжные, вопреки мнѣнію врачей, признали подсудимаго здоровымъ и выразили желаніе, чтобы и въ настоящемъ случаѣ, имѣющемъ много общаго съ упомянутымъ процессомъ, присяжные въ отношеніи Полозова, вынесли подобный же вердиктъ. Нѣкоторые думаютъ, что признаніе Полозова съумасшедшимъ было бы равносильно удаленію его изъ общества, такъ что интересы общества и слѣдовательно также правосудія, не могли бы пострадать. Но это большое заблужденіе, ибо на основаніи 95 ст. Улож. въ дома умалишенныхъ заключаются только тѣ преступники, которые признаны безумными отъ рожденія или съумасшедшими, тѣже, которые страдаютъ припадками умозступленія или безпамятства отъ какой либо болѣзни, на основаніи 96 ст. Улож., отдаются на попеченіе родителей или родственниковъ ихъ. Такимъ образомъ, если присяжные признаютъ Полозова совершившимъ преступленіе въ безсознательномъ состояніи, вызванномъ припадками падучей болѣзни, то его огдадутъ роднымъ, т. е. предоставятъ тотчасъ же полную свободу. Даже и въ томъ случаѣ, если бы его признали съумасшедшимъ, Полозовъ черезъ два года или даже раньше, — если въ немъ не будетъ уже замѣтно разстройства умственныхъ способностей, въ чемъ, по мнѣнію прокурора, нельзя и сомнѣваться, — будетъ освобожденъ изъ

дома умалишенныхъ и такимъ образомъ въ общество возвратится преступникъ, который способенъ совершить еще, пожалуй, цѣлый рядъ преступленій. Наконецъ, указавъ на то, что умственное развитіе Полозова не только не задержано подѣ влияніемъ какихъ либо неблагоприятныхъ условий, а напротивъ есть скорѣе основаніе заключить, что онъ болѣе развитъ, чѣмъ это обыкновенно бываетъ въ его возрастъ, — прокуроръ выразилъ увѣренность, что на вопросъ, дѣйствовали ли подсудимый съ полнымъ разумѣніемъ, предлагаемый присяжнымъ о каждомъ подсудимомъ, не достигшемъ 17-лѣтняго возраста, нельзя отвѣчать иначе, какъ утвердительно.

Что касается до другаго подсудимаго Эдельберга, то, принимая во вниманіе, что онъ совершилъ преступленіе подѣ влияніемъ Полозова и что къ этому побуждало его желаніе освободиться отъ тяжелой обстановки въ домѣ своего отца, прокуроръ находилъ его заслуживающимъ особеннаго снисхожденія и, не настаивая на признаніи его дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ, предоставилъ рѣшеніе этого вопроса совѣсти присяжныхъ засѣдателей.

Согласно заявленію г. Арсеньева, судъ постановилъ занести въ протоколъ, что прокуроръ говорилъ о послѣдствіяхъ наказанія, которое влечетъ за собою поступокъ, совершенный подсудимымъ.

Защитникъ Полозова присяжный повѣренный Арсеньевъ, разбирая мнѣніе г. прокурора, приписывающее главную трудность настоящаго дѣла тому, что оно было осложнено представленіемъ со стороны подсудимаго многихъ доказательствъ не тогда, когда они могли быть провѣрены путемъ предва-

рительнаго слѣдствія, что здѣсь явилось добровольно много новыхъ свидѣтелей, явились также по приглашенію защиты эксперты изъ Петербурга, что не всегда для всѣхъ возможно и доступно; — не согласился съ нимъ, такъ какъ, по его убѣжденію, чѣмъ больше собрано данныхъ по дѣлу, чѣмъ больше приглашено лицъ, могущихъ своими спеціальными свѣдѣніями помочь въ правильномъ разсмотрѣніи вопроса, тѣмъ легче становится разрѣшеніе задачи. Если защита очень часто бываетъ поставлена въ необходимость приглашать свидѣтелей только во время судебного слѣдствія, то это объясняется тѣмъ неравенствомъ, въ которое поставлены стороны при производствѣ предварительнаго слѣдствія: прокуроръ тогда имѣетъ значительную власть, онъ направляетъ дѣло, требуетъ, чтобъ извѣстныя лица непременно были вызваны и допрошены, и требованія его почти всегда въ точности исполняются. Между тѣмъ подсудимый, при предварительномъ слѣдствіи, не имѣетъ защиты и потому часто многіе вопросы, важные для подсудимаго, остаются не разъясненными до суда. Неужели же защита и подсудимый, находясь при такой обстановкѣ, должны нести всю тяжесть подозрѣнія, возбужденнаго противъ свидѣтелей и экспертовъ, только потому, что эти лица вызваны защитой и явились добровольно въ судъ? Требованіе защиты относительно вызова свидѣтелей на столько же обязательно для суда, какъ и требованіе прокурорской власти; поэтому отношеніе присяжныхъ заседателей къ свидѣтелямъ защиты должно быть одинаково съ отношеніемъ къ свидѣтелямъ обвиненія. Высказывать сомнѣніе, относиться критически ко всему тому, что происхо-

дять на судѣ, имѣеть право, замѣтилъ защитникъ, всякій судья, общественный и коронный; но давать сомнѣнію такіе размѣры, какіе придаетъ ему г. прокуроръ, заподозрѣвая поголовно всѣхъ, показывавшихъ что-нибудь въ пользу подсудимаго и даже не имѣвшихъ, исключая родственниковъ, никакого отношенія къ дѣлу, — значитъ не укрѣплять обвиненіе, а папротивъ подрывать его. Обращаясь жъ приглашенію свѣдущихъ лицъ изъ столицы, защитникъ указалъ, что это явленіе у насъ новое, возможное только при новомъ судопроизводствѣ. За границей же оно давно и часто употребляется и тамъ никто никогда не заподозриваетъ извѣстнаго профессора судебной медицины Тардье только потому, что онъ появляется въ отдаленномъ городѣ государства, чтобы дать свое заключеніе по тѣмъ или другимъ научнымъ вопросамъ, возникающимъ въ уголовныхъ и гражданскихъ процессахъ. Въ столичныхъ судахъ появленіе экспертовъ также уже не удивляетъ никого, а въ провинціи приглашеніе свѣдущихъ психіатровъ изъ другихъ городовъ вызывается необходимою имѣть заключенія специалистовъ по судебной медицинѣ, которыхъ на мѣстѣ иногда не оказывается. Въ качествѣ экспертовъ въ судѣ должны явиться дѣйствительные специалисты по тому предмету, по которому требуется ихъ заключеніе; общія знанія въ медицинѣ, наукъ весьма сложной, разрабатываемой подробно во всѣхъ мелочахъ, рѣшительно недостаточны, такъ какъ глазныя, ушныя, грудныя и наконецъ душевныя болѣзни становятся предметомъ спеціального изученія, и потому не общее образованіе, или прочтеніе капитальныхъ сочиненій, а равно журнальныхъ

статей даютъ право являться на судѣ въ качествѣ свѣдущаго лица но той или другой части, а громадный запасъ наблюдений, произведенныхъ при помощи научныхъ знаній, наблюдений серьезныхъ и продолжительныхъ. Выясненіе этого взгляда на свѣдущихъ людей, приглашаемыхъ въ судѣ; признано защитникомъ необходимымъ. во первыхъ потому, что въ настоящемъ процессѣ было дано заключеніе однимъ лицомъ, хотя безъ сомнѣнія научно-образованнымъ, но занимающимся главнымъ образомъ химіей и физиологіей, — другими же лицами было откровенно заявлено, что они не имѣютъ о душевныхъ болѣзняхъ никакихъ специальныхъ знаній и знакомы съ ними на столько же, на сколько и каждый изъ присутствующихъ на судѣ; во вторыхъ, по поводу сомнѣній, высказаннаго г. прокуроромъ къ доводамъ одного изъ экспертовъ, сомнѣнія, основаннаго на свѣдѣніяхъ, почерпнутыхъ изъ общедоступныхъ книгъ; и третьихъ, въ виду выработанныхъ извѣстными германскими психіатрами положеній, въ началѣ которыхъ сказано: «Однихъ только свѣдѣній о психологіи для опредѣленія и пониманія душевныхъ болѣзней недостаточно; только тотъ врачъ, который наблюденіемъ и изученіемъ постигъ свойства душевныхъ болѣзней, можетъ считаться свѣдущимъ лицомъ по части душевныхъ болѣзней» и далѣе: «Свѣдущія лица никогда не должны считаться судьями, они только должны давать суду присяжныхъ тотъ матеріалъ, на основаніи котораго можно было бы постановить рѣшеніе.» Эти положенія заставляютъ относиться не съ одинаковымъ довѣріемъ къ несомнѣннымъ специалистамъ-психіатрамъ и къ лицамъ, не считающимъ

себя вполне компетентными по части душевных болѣзней. Свѣдущее лицо, занимая въ уголовномъ дѣлѣ совершенно самостоятельную роль и не смѣшиваясь ни съ обвинителемъ, ни съ защитникомъ, не должно принимать на себя на судѣ разрѣшеніе вопросовъ, не относящихся непосредственно къ области спеціальнаго знанія и становиться такимъ образомъ союзникомъ защиты или обвиненія, какъ поступилъ экспертъ Залѣсскій, обвиняя массу свидѣтелей въ подкупѣ, не придавая никакого значенія письменнымъ доказательствамъ и относясь съ сомнѣніемъ къ памяти свидѣтеля, подтверждавшаго фактъ, случившійся 15 лѣтъ тому назадъ. Другой экспертъ, именно г. Сливциій, приглашенный въ судъ для разрѣшенія психіатрическаго вопроса, высказалъ очень странное заявленіе, вовсе не относившееся къ медицинскимъ познаніямъ, заявленіе о подкупѣ посредствомъ начки ассигнацій, которое, какъ не идущее къ дѣлу, и оставляемо защитникомъ въ сторонѣ. Переходя къ самой защитѣ, г. Ароевъ замѣтилъ, что всѣ данныя, выставленныя свидѣтелями и экспертами по вопросу о здоровьи Полозова, возбуждаютъ въ г. прокурорѣ сомнѣніе, между тѣмъ существованіе нервныхъ болѣзней у многихъ родственниковъ подсудимаго доказывается свидѣтельскими показаніями: такъ Никонъ, бывшій дворецкій Полозовыхъ, рассказывалъ о какихъ-то припадкахъ, случившихся съ дѣдомъ Полозова; московская больница удостовѣрила съумасшествіе родной племянницы дѣда Полозова; свидѣтель Степановъ заявилъ о душевной болѣзни своей жены, родной сестры отца подсудимаго, и упомянулъ о самоубійствѣ одного изъ родственниковъ под-

судимаго, Потулова. Всѣ эти факты, свидѣтельствуя о существованіи у многихъ лицъ фамиліи Полозовыхъ помѣшательства въ различныхъ формахъ, даютъ твердое основаніе къ заключенію объ обладаніи подсудимымъ всеми зародышами опасной душевной болѣзни. Обращаясь къ отцу подсудимаго, Полозову, защитникъ остановился на пристрастіи его къ спиртнымъ напиткамъ, какъ фактѣ, хотя и оспариваемомъ экспертомъ Залѣскимъ, но тѣмъ не менѣе доказанномъ дворецкимъ Никономъ: изъ его показаній видно, что Полозовъ, если и не предавался запѣю, то все-таки въ довольно большомъ количествѣ употреблялъ водку, и что это пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ было имъ унаследовано отъ своего отца (дѣда подсудимаго), любившаго выпить и при томъ страдавшаго нервною болѣзнию. Оспаривая мнѣніе эксперта Залѣскаго о несуществованіи непосредственнаго отношенія между пьянствомъ родителей и помѣшательствомъ дѣтей, защитникъ сослался на авторитетъ извѣстныхъ психіатровъ: Мореля, Моро и Гренжень-Стюарта, изъ которыхъ два первые утверждаютъ, что пьянство родителей, въ видѣ постоянного систематическаго употребленія спиртныхъ напитковъ, влечетъ за собою въ потомствѣ страданіе мозга, галлюцинаціи и постепенный упадокъ умственныхъ способностей, а послѣдній изъ собственныхъ наблюденій вывелъ, что при наследственномъ помѣшательствѣ 63% страдали пристрастіемъ къ спиртнымъ напиткамъ. Это пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ обнаружилось и въ подсудимомъ, что доказывается показаніями Зимовскаго, В. И. Богуславской и письмомъ матери изъ за

границы, кажется, къ г. Бекарюкову, и при томъ въ такомъ раннемъ возрастѣ, который не допускаетъ объясненія пьянства одною нравственною испорченностью, а скорѣе всего подтверждаетъ наблюденіе знаменитаго нѣмецкаго психіатра Крафтъ-Эбинга, что пьянство очень часто производитъ съумасшествіе и наоборотъ, склонность къ съумасшествію не рѣдко порождаетъ пьянство. Другая же болѣзнь, которою страдалъ отецъ подсудимаго, Полозовъ, доказывається показаніями Екатерины Николаевны Полозовой, доктора Колинченко, свидѣтеля Носова и кормилицы подсудимаго. Показаніе г. Колинченко до такой степени точно, полно и опредѣленно, что заподозрить его въ чемъ бы то ни было нѣтъ никакой возможности, тѣмъ болѣе, что г. Колинченко въ продолженіи долгаго времени лечилъ все семейство Полозовыхъ и потому, послѣ полученія повѣстки судебнаго слѣдователя, гдѣ было объяснено по какому дѣлу свидѣтель вызывается, могъ, справившись съ записками, которыя ведутся большею частію врачей о своихъ больныхъ, дать показаніе вполне обстоятельное. Не находя точно также основанія заподозривать искренность словъ Носова и кормилицы подсудимаго и перейдя затѣмъ къ разсмотрѣнію здоровья матери подсудимаго, страдавшей еще въ первомъ замужествѣ, за Балдинымъ, нервными припадками и истерикой, а потомъ вступившей во второй бракъ съ больнымъ человѣкомъ, защитникъ приписалъ ему важное вліяніе на судьбу дѣтей, рожденныхъ отъ Полозова. Исключая подсудимаго, и другіе двое дѣтей Е. Н. Полозовой страдали припадками падучей болѣзни; одинъ изъ нихъ умеръ, а дру-

гой въ настоящее время страдаетъ умственнымъ разстройствомъ. Это обстоятельство, указывающее на наследственную предрасположенность дѣтей Полозова къ нервнымъ болѣзнямъ, даетъ полное право заключить, что все поколѣніе, происшедшее отъ одной и той же матери, болѣе.

Обращаясь къ самому подсудимому Полозову, защитникъ утверждалъ, что существованіе падучей болѣзни у подсудимаго въ дѣтствѣ доказывается показаніями его матери, кормилицы, доктора Колинниченко, г жи Богуславской и г. Фоссара. Проявленіе же припадковъ у подсудимаго во время нахождения въ тюремномъ замкѣ защитникъ не считаетъ безусловно доказаннымъ, но и не придаетъ этому обстоятельству особенно важнаго значенія. По поводу возбужденнаго во время судебного слѣдствія вопроса о притворствѣ, защитникъ замѣтилъ, что французскій врачъ Вэнтринье изъ 43,000 обвиняемыхъ, въ Руанской тюрьмѣ нашелъ 205 душевно-больныхъ и между ними одного только притворщика—если бы симуляція въ подобныхъ случаяхъ совершалась легко, то конечно она встрѣчалась бы гораздо чаще. Доказательства притворства Полозова, по мнѣнію защитника, несостоятельны въ виду неудовлетворительности испытанія, произведеннаго докторомъ Сливицкимъ: для успѣшности испытанія необходимо прежде всего довѣріе испытуемаго лица къ врачу, между тѣмъ г. Сливицій принималъ всевозможныя мѣры къ тому, чтобы ожесточить Полозова противъ себя.

Что касается до характера дѣйствій подсудимаго во время и послѣ преступленія, то защитникъ прежде всего счелъ нужнымъ остановиться нѣсколько на воспитаніи Полозова, Вос-

питаніе это было дурное и не соотвѣтствовало ни физическому сложенію подсудимаго, ни его наклонностямъ, ни особенностямъ его характера, но съ другой стороны въ этомъ воспитаніи не было ничего, что съ неотразимой силой влекло бы Полозова ко злу. Полозовъ рождается большимъ и первое время воспитывается больнымъ, но, достигнувъ 8—9-лѣтняго возраста, къ несчастью своему, выздоравливаетъ. Лица, окружающія его, совершенно забываютъ, что тѣ припадки, съ которыми Полозовъ родился на свѣтъ, не исчезаютъ такъ скоро, что они очень часто, даже черезъ долгое время, выступаютъ вновь паружу, если не будутъ приняты всѣ мѣры къ устраненію ихъ. Воспитаніе Полозова ведется по тому шаблону, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ весьма обыкновеннымъ въ нашихъ помѣщичьихъ домахъ. Первое воспитаніе, которое всегда бываетъ очень важно, велось не матерью Полозова, а родною теткою его, которая одною рукою баловала мальчика, а другою портила; мать, иногда вмѣшиваясь въ дѣло воспитанія, относилась къ ребенку, быть можетъ, съ излишнею строгостью. По достиженіи Полозовымъ 8—9-лѣтняго возраста, его отдають въ руки гувернантокъ, которыя знаютъ только французскій языкъ и въ этомъ знаніи видятъ всю задачу воспитанія. Наконецъ послѣ тетки и гувернантокъ воспитателемъ Полозова является г. Тауберъ, который, какъ видно изъ его показанія, вполне понималъ свою обязанность; онъ серьезно относится къ дѣлу и Полозовъ подъ его вліяніемъ измѣняется, дѣлается совершенно другимъ мальчикомъ. Но благотворное вліяніе системы воспитанія Таубера, къ несчастью, парализовалось вліяніемъ

матери и гувернантки, которая не понимала ничего въ дѣлѣ воспитанія. Мать часто употребляла мѣры излишней строгости, которыя только раздражали самолюбиваго мальчика и возстановляли его противъ матери. Такимъ же образомъ парализовалось вліяніе и слѣдующаго послѣ Таубера воспитателя Ковальскаго, такъ что въ 1869 г. Полозову уже приходится мыслить какъ бы оставить родительскій домъ, и мать соглашается помѣстить его въ какое нибудь закрытое заведеніе, т. е. въ такое, гдѣ до сихъ поръ процвѣтаетъ рутинность, повредившая очень многимъ. Воспитанники подобныхъ заведеній часто всю жизнь съ сожалѣніемъ несутъ на себѣ тѣ отпечатки, которые кладутся этимъ воспитаніемъ. Но здоровому человѣку еще не такъ трудно переносить всю тяжесть его; на Полозова же, мальчика болѣзненнаго, раздражительнаго, своенравнаго, эта рутинность имѣла неотразимое вліяніе и привела его къ гибельнымъ послѣдствіямъ. За Полозовымъ необходимо было слѣдить съ особеннымъ вниманіемъ, а между тѣмъ его опредѣлили въ лицей Каткова, заведеніе, которое ни сколько не стоитъ выше другихъ закрытыхъ заведеній, въ которомъ въ полной силѣ преобладаютъ всѣ отжившія понятія о воспитаніи и царствуетъ безусловная рутина. Заведенія эти гибельны сами по себѣ, но когда вліяніе ихъ приходитъ въ столкновеніе съ болѣзненно-предрасположенной натурой, то печальные результаты становятся еще очевиднѣе. Въ лицей, вмѣсто того чтобы исправить характеръ Полозова, уменьшить въ немъ неправильно развитое самолюбіе, — ставятъ его на колѣни и угрожаютъ, что онъ простоятъ такъ цѣлыхъ три Воскресенья во время

обѣда. Это далеко не педагогическое обращеніе, ни въ какомъ случаѣ неоправдываемое системою воспитанія закрытыхъ заведеній, не проходитъ безслѣдно: Полозовъ рѣшается на самую крайнюю мѣру—бѣжить изъ лицея, но отысканный вновь подвергается наказанію. Полозовъ говоритъ, что въ бытность въ лицейѣ часто по ночамъ гулялъ съ товарищами въ разныхъ мѣстахъ, несвойственныхъ его возрасту. Подтвержденіе этихъ словъ, можетъ быть, нашлось-бы въ дневникѣ подсудимаго, если бы въ немъ не было вырвано нѣсколькихъ страницъ. Хотя лицейское начальство и заявило, что по его распоряженію вырвана только та часть дневника, которая относилась къ описанію семейства Полозова, но имѣя въ виду, что въ дневникѣ оставлены мѣста, касающіяся матери и сестры, хотя и не имѣющія никакого отношенія къ дѣлу, но способныя произвести весьма тяжелое впечатлѣніе, защитникъ сомнѣвается, чтобы лицейское начальство, при сокращеніи дневника Полозова, руководилось тѣми побужденіями, которыя указаны въ отношеніи лицейскаго управленія, и считаетъ возможнымъ предполагать, что въ вырванныхъ мѣстахъ дневника можетъ быть говорилось о жизни подсудимаго въ лицейѣ и между прочимъ объ его ночныхъ походахъ. Предполагая поэтому, что заявленіе подсудимаго относительно его поведенія въ лицейѣ, заслуживаетъ довѣрія, защитникъ пришелъ къ тому заключенію, что Полозовъ въ лицейѣ Каткова былъ приготовленъ ко многому дурному и что кромѣ болѣзни физической у него начала развиваться тамъ болѣзнь нравственная. По возвращеніи въ Харьковъ въ Полозовѣ замѣчается рѣзкій переходъ отъ прежняго настроенія

къ новому; въ немъ оказывается отсутствіе всего того, что могло представлять лучшую сторону его характера, и съ другой стороны сильное стремленіе къ свободѣ. У Зимовскаго же ему не давалась та умственная и нравственная пища, которая была дѣйствительно ему необходима; здѣсь учителями его являются лица, едва ли способныя къ выполненію своихъ обязанностей; они держали себя далеко отъ Полозова, между ними и ученикомъ ихъ не было той нравственной связи, въ которой Полозовъ нуждался и къ которой онъ привыкъ подъ руководствомъ прежнихъ своихъ наставниковъ. Г. Зимовскій предоставляет Полозову полную свободу не только въ мысляхъ, но и въ дѣйствіяхъ. У него Полозовъ теряетъ всѣ свои прежнія хорошія привычки. Въмѣсто путешествій, различныхъ описаній странъ и народовъ, чтеніемъ которыхъ занимался Полозовъ прежде, и которыя если не всегда полезны, то наименѣе вредны, Полозовъ начинаетъ безпрепятственно читать у Зимовскаго романы въ родѣ похощеній «Рокамболя» и сочиненія съ медицинскими заглавіями, не имѣющія вовсе содержанія медицинскаго характера, а только развивающія въ читателѣ грубую чувственность. Рядомъ съ этимъ Полозовъ постоянно раздражаетъ свой организмъ употребленіемъ спиртныхъ напитковъ. Онъ не только читаетъ романы, гдѣ выводятся на сцену убійства, ревность, страстная любовь, но и самъ пробуетъ писать романъ въ такомъ же родѣ. Подобное явленіе непременно должно было обратить на себя вниманіе всякаго педагога, между тѣмъ Зимовскій, который даже самъ читалъ романъ Полозова, не видѣлъ въ этомъ ничего особеннаго и такимъ образомъ эти занятія По-

дозова продолжались безъ всякаго пренятствія, потому что единственнымъ пренятствіемъ для нихъ могла бы быть серьезная бесѣда Полозова съ людьми, которые бы видѣли въ немъ человека, а не мальчика, которые могли бы производить на него такое же вліяніе, какое производили гг. Тауберъ и Ковальскій. Наконецъ къ возбужденному состоянію Полозова, вызванному излишествами, примѣшивается еще чувство любви. Спрашивается: имѣло ли все это какое-нибудь вліяніе въ смыслѣ преступномъ, было ли во всей жизни подсудимаго что-нибудь влекущее къ преступленію? На этотъ вопросъ защитникъ отвѣчаетъ такимъ образомъ: «если бы при такомъ воспитаніи, или, лучше сказать, при такомъ отсутствіи воспитанія, этотъ 15-лѣтній мальчикъ, стремившійся къ самостоятельности и независимости, былъ съ другими инстинктами и не имѣлъ бы возможности проявлять свою свободу и самостоятельность, тогда, можетъ быть, съ одной стороны жажда къ чувственности, съ другой ненависть къ стѣсненію, всякаго рода и желаніе добиться свободы, могли бы произвести нѣчто подобное тому, что мы встрѣчаемъ теперь. Но когда мы имѣемъ предъ собою мальчика съ хорошимъ желаніемъ, — съ желаніемъ посоветоваться, побесѣдовать съ умными людьми, когда мы имѣемъ предъ собою мальчика, имѣющаго полную возможность быть самостоятельнымъ и свободнымъ, тогда мы имѣемъ полное право говорить, что не было никакихъ причинъ, не было никакихъ основаній Полозову разрывать связь съ своей прежней обстановкой и перейти на ту новую дорогу, на которую онъ вступилъ 24 февраля. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ этомъ переходѣ нѣтъ постепенности,

нѣтъ того связывающаго звѣна, которое неизбежно должно проявиться въ нормальныхъ дѣйствіяхъ каждаго человѣка.»

Полозовъ, живя у Зимовскаго, пользуется большею свободою, читаетъ, пишетъ, что ему угодно, словомъ находится въ такомъ положеніи, которое ему не зачѣмъ было мѣнять на снѣтанье въ лѣсахъ, а между тѣмъ онъ изъ-за пустой прихоти дѣлаетъ дальнѣйшее свое пребываніе въ этомъ домѣ невозможнымъ: ему пришла фантазія выстрѣлить въ стекло и затѣмъ вмѣсто извиненія предъ Зимовскимъ за неумѣстный поступокъ, Полозовъ на замѣчаніе его о возможности застрѣлить кого-нибудь, находившагося въ то время за окномъ, отвѣчаетъ: «тогда бы вы имѣли удовольствіе присутствовать при моемъ осужденіи.» Значить Полозова въ эту минуту занималъ вопросъ о томъ, что онъ могъ быть подъ судомъ и что другія лица могли присутствовать при его осужденіи. Получивъ отказъ отъ квартиры и, не дождавшись, какъ бы следовало, для перехода въ другое заведеніе, пріѣзда своего родственника Бекарюкова, уже извѣщеннаго Зимовскимъ о нежеланіи держать у себя Полозова, подсудимый совершаетъ рядъ самыхъ непослѣдовательныхъ поступковъ: оставивъ Зимовскому записку объ удаленіи изъ Харькова съ цѣлію выполнить давно-задуманный планъ, и давъ такимъ образомъ новодѣ принять мѣры къ его розысканію, онъ скрывается изъ дома; вмѣстѣ съ Эдельбергомъ закупаетъ въ знакомыхъ магазинахъ ружья и пистолеты; вооруженный и не совсѣмъ въ трезвомъ видѣ появляется опять на старой квартирѣ и здѣсь заявляетъ Шидловскому о своемъ намѣреніи ранить или убить Зимовскаго, произвести кражу со взломомъ и т. п.;

единственно для того, *чтобъ не подумали другіе, что онъ съ дуру пошелъ разбойничать*, заявляетъ это чѣловѣку, въ которомъ не могъ быть увѣренъ, что онъ не предостережетъ Зимовскаго о грозящей ему опасности; и наконецъ выражаетъ намѣреніе, прождать, съ ружьемъ въ рукахъ, Зимовскаго, у воротъ его квартиры, находящейся въ одной изъ самыхъ населенныхъ частей города; все это не обличаетъ въ Полозовѣ не совершенно здороваго чѣловѣка. Далѣе, оставаясь на ночлегъ на постояломъ дворѣ, подсудимые, изъ опасенія появленія жандармовъ, заставили двери разными вещами, и въ тоже время не приняли никакихъ другихъ мѣръ предосторожности, даже не потрудились выбраться изъ города и только на другой день, и то не рано, уѣхали изъ Харькова, сказавъ извозчику, что отправляются на охоту. Произнесенныя Полозовымъ во время останова на пути въ трактирѣ и шинкѣ двѣ фразы, обращенныя къ извозчику: «онъ въ послѣдній разъ пьетъ чай» и «онъ въ послѣдній разъ пьетъ водку», характеристичны не потому, что онѣ своимъ таинственнымъ тономъ, какъ думаетъ г. прокуроръ, должны были дѣйствовать возбуждительно на Эдельберга, мальчика, по признанію даже обвинительной власти, безхарактернаго и не имѣющаго достаточно силы воли, а потому, что онѣ ясно обрисовываютъ то настроеніе духа подсудимаго предъ совершеніемъ преступленія и въ моментъ убійства, которое не соответствуетъ ни обыкновенному начинающему, ни закоренѣлому преступнику. Объяснять убійство извозчика не безуміемъ, а желаніемъ завладѣть имуществомъ убитаго и безденежемъ подсудимыхъ, нѣтъ ни малѣй-

шаго основанія, потому что Полозовъ, располагая всегда такими денежными средствами, какія по большей части рѣдко доступны мальчикамъ его возраста, имѣлъ не задолго до несчастія значительныя суммы въ своихъ рукахъ и потому находился далеко не въ такомъ положеніи, чтобы начать свою преступную карьеру ограбленіемъ у извозчика какихъ-нибудь 40—50 коп. Очевидно, это дѣйствіе Полозова безумное, вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени печальное и если бы въ печальномъ могло быть что-нибудь смѣшное, то это дѣйствіе и смѣшно. Обращаясь затѣмъ къ разсмотрѣнію настроенія духа Полозова послѣ убійства, защитникъ видитъ и въ веселости подсудимаго, невозможной у преступника, совершившаго преступленіе сознательно; и въ приглашеніи крестьянина, предложенномъ на пути изъ села Липецъ въ Харьковъ при ностороннихъ лицахъ, вступить за 100 рублевое мѣсячное жалованье въ его шайку, и наконецъ въ заявленномъ подсудимымъ, послѣ заподозрѣнія его въ убійствѣ и во время производства слѣдствія, правѣ отнимать жизнь у людей, когда это будетъ для него полезно; — во всемъ этомъ видитъ доказательства ненормальности умственныхъ способностей Полозова.

Приступая затѣмъ къ разрѣшенію, на основаніи указанныхъ данныхъ, вопроса о томъ, дѣйствительно ли Полозовъ былъ помѣшанъ во время совершенія преступленія, защитникъ прежде всего заявилъ, что названію той формы помѣшательства, которая замѣчается у подсудимаго, не слѣдуетъ придавать большаго значенія, такъ какъ въ психіатріи еще не установлены точныя и правильныя термины и еще не поконченъ вопросъ о нравственномъ помѣшательствѣ, а потому

иншія врачей Севостьяновича, Чехова и Черемшанскаго могутъ быть совмѣщены въ одно цѣлое. Чтобы придти къ правильному заключенію о томъ, слѣдуетъ ли въ данномъ случаѣ объяснить причину преступленія разстройствомъ умственныхъ способностей, а не простымъ неумѣньемъ владѣть собою, которое никогда не уничтожаетъ и не должно уничтожать ответственности предъ закономъ,—для этого необходимо послѣдовать совѣту врачей, которые въ такихъ случаяхъ предлагаютъ наблюдать данный субъектъ болѣе или менѣе продолжительное время, опредѣлить соотношеніе между понятіями даннаго лица и его дѣйствіями, сравнить характеръ его и поступки въ настоящемъ и прошедшемъ, рассмотреть его физическое состояніе и затѣмъ уже, взвѣсивъ всѣ эти данныя и принявъ во вниманіе, что нравственное помѣшательство часто встрѣчается въ наслѣдственной формѣ и особенно сильно скрывается за видимою логичностью и спокойствіемъ больнаго, опредѣлить психическое состояніе человѣка.—Г. Прокуроръ, ссылаясь на заявленіе одного изъ экспертовъ; не придаетъ никакого значенія въ отношеніи подсудимаго различнымъ нервнымъ страданіямъ въ семействѣ Целозовыхъ и кромѣ того утверждаетъ, что падучая болѣзнь не всегда уничтожаетъ умственные способности человѣка, а если и вызываетъ помѣшательство, то оно выражается умозступленіемъ, т. е. внезапнымъ приступомъ; между тѣмъ долговременными наблюденіями, произведенными Лиманомъ и Эспиролемъ надъ эпилептиками, дознано, что изъ числа больныхъ принадлежками падучей болѣзни болѣе трехъ-пятыхъ страдаютъ умственнымъ разстройствомъ и только менѣе двухъ-пятыхъ сохраняютъ хотя и разстроенное употреб-

леніе ума. Психіатръ Морель приводитъ примѣръ убійства, совершеннаго безъ всякаго повода молодымъ человѣкомъ, который считался своими родственниками совершенно здоровымъ, но между тѣмъ принадлежалъ къ семейству, имѣвшему въ числѣ своихъ членовъ нѣсколько эпилептиковъ, помѣшанныхъ и пораженныхъ апоплексіей; по заключеніи въ тюрьму, у молодого человѣка оказались припадки, имѣвшіе характеръ падучей болѣзни. Вообще помѣшательство вслѣдствіе эпилепсін, въ особенности унаслѣдованной отъ родителей, не легко узнается. Особенно громадное значеніе для наследственной формы помѣшательства имѣеть періодъ наступленія половой зрѣлости, когда у людей ко всѣмъ чувствамъ, свойственнымъ ихъ возрасту, прибавляется еще одно возбужденіе, тѣмъ болѣе сильное, чѣмъ менѣе человѣкъ способенъ противостоятъ ему. У Полозова, вслѣдствіе привычки, развившей возбужденіе извѣстной способности раньше обыкновеннаго и при существованіи наследственной слабости нервной системы, эпоха наступленія половой зрѣлости сдѣлалась еще болѣе опасною и дѣйствительно ознаменовалась совершеніемъ преступленія. Всѣ данныя, выработанныя наукою, однако не даютъ права освобождать отъ ответственности за преступленія лицъ, страдающихъ падучею болѣзною, или имѣющихъ родителей эпилептиковъ, если въ то же время не будетъ доказано: въ 1-хъ), разстройство умственное въ связи съ разстройствомъ физическимъ и во 2-хъ), проявленіе умственнаго разстройства въ неправильныхъ, поступкахъ.— Считая вліяніе наследственности и падучей болѣзни на умственное разстройство подсудимаго достаточно выясненнымъ,

защитникъ нашелъ необходимымъ указать на нѣкоторыя отрывочныя явленія, имѣющія, по его мнѣнію, въ настоящемъ дѣлѣ большое значеніе. Не останавливаясь, какъ на обстоятельствахъ взростепенныхъ, на ослабленіи памяти у Полозова, указанной его воспитателями, на вспышкахъ и наконецъ на галлюцинаціяхъ, случавшихся съ подсудимымъ въ дѣтствѣ, защитникъ указалъ на вкоренившееся въ Полозовѣ рядомъ съ отсутствіемъ религіи суевѣріе, встрѣчающееся только у людей религіозныхъ: онъ вѣрилъ тому сну, въ которомъ его мать видѣла образъ Николая Чудотворца и думалъ, на основаніи этого сна, что ему суждена великая будущность. Затѣмъ, незадолго предъ совершеніемъ преступленія, въ разговорѣ съ Эдельбергомъ, Полозовъ высказываетъ нелѣпыя идеи, ни какъ не идущія къ здоровому и развитому 15-ти лѣтнему мальчику: онъ мечтаетъ награть побольше денегъ съ помощью набранной шайки изъ кабардинцевъ и татаръ, поѣхать въ Америку, переселить краснокожихъ въ Европу и т. п., а для оправданія разбоя историческими примѣрами рассказываетъ Эдельбергу о Наполеонѣ, который, по его словамъ, умертвилъ 12 вліятельныхъ особъ посредствомъ втыканія иглки въ затылокъ для того, чтобы достигнуть престола. Далѣе, въ письмѣ Полозова къ Эдельбергу, случайно попавшемъ въ судъ и потому написанномъ вовсе безъ расчета дать доводъ въ пользу защиты подсудимаго, въ одномъ мѣстѣ говорится, что Полозовъ вѣрилъ въ чорта, а не въ Бога, потомъ заявляется о какой-то ассоціаціи, которой онъ придаетъ громадное значеніе и въ которой онъ участвуетъ и играетъ чуть-ли не первую роль; въ томъ же письмѣ, которымъ подсудимый хотѣлъ достигнуть извѣстной

практической цѣли, — остаться у Зимовскаго и приобрести любовь его дочери, — Полозовъ высказаетъ сомнѣнiе въ самомъ себѣ: пишетъ, что изъ него никогда не выйдетъ человѣка, что онъ хотя человѣкъ великій и энергическій, но всѣ его способности испорчены и рассчитаны на богатствъ; и потомъ далѣе встрѣчаются мѣста, доказывающiя какiя смутныя понятiя были у Полозова о самыхъ простыхъ вещахъ. Такъ онъ говоритъ, что женщины любятъ кровь и онъ рѣшился на разбой, чтобы заслужить любовь Зимовской. Еслибы онъ сказалъ, что всѣ женщины любятъ мужество, храбрость, то это былобы еще понятно, но когда онъ говоритъ, что женщины любятъ кровь, разбой, то это въ связи со всѣмъ приведеннымъ выше свидѣтельствуесть о томъ, что мальчикъ, высказывающiй подобныя нелѣпныя идеи, далеко не здоровый, а больной.

Изложивъ такимъ образомъ общiй характеръ настоящаго дѣла, защитникъ въ заключенiе своей рѣчи возражалъ на замѣчанiе прокурора объ опасности теорiи оправданiя преступленiй помѣшательствомъ, подкрѣпленное мнѣнiемъ юриста Брауна, который доказываетъ, что врачъ можетъ признать помѣшаннымъ кого ему вздумается, но что у лица нравственно-помѣшаннаго есть все таки достаточно силы воли и потому оно должно нести наказанiе за свое преступленiе. Этотъ отзывъ Брауна, по мнѣнiю защитника, доказываетъ только поверхностное пониманiе имъ дѣла и во всякомъ случаѣ мысль о томъ, что признавать преступника больнымъ — значитъ колебать общественныя основы, эта мысль, далеко не новая, нисколько не мѣшаетъ присяжнымъ заседателямъ въ каждомъ данномъ случаѣ рѣшать вопросъ о виновности или невинности подсудимаго на основанiи только

обстоятельствъ разсматриваемаго случая. Конечно если бы кто нибудь сталъ утверждать, что всякое преступленіе есть результатъ болѣзненнаго состоянія, то подобную теорію нельзя было бы принять, но если эксперты приводятъ убѣдительныя доказательства тому, что въ данномъ случаѣ подсудимый больной человѣкъ, то оправдательный приговоръ не можетъ представлять ничего опаснаго и въ такомъ случаѣ постановка вопроса: не опасно ли признать подсудимаго помѣшаннымъ -- указываетъ только на отсутствіе трезвыхъ и простыхъ отношеній къ дѣлу и на шаткость доказательствъ обвиненія. Что касается до указанія прокуроромъ на О'Коннора, котораго врачи признали больнымъ, а судьи не согласились съ ихъ мнѣніемъ, то еще неизвѣстно кто окажется правымъ -- врачи или судьи, и во всякомъ случаѣ этотъ примѣръ не можетъ служить доказательствомъ особеннаго недоверія англійскихъ присяжныхъ къ мнѣніямъ экспертовъ: случаевъ покушенія на достоинство королевской особы въ Англіи было нѣсколько и весьма значительное число преступниковъ, подобныхъ О'Коннору, признавалось англійскими присяжными и судьями больными и потому невиновными. Съ своей стороны защитникъ также привелъ въ примѣръ процессъ графа Хоринскаго (въ Германіи), который былъ признанъ виновнымъ въ отравленіи своей жены. При разсмотрѣніи этого процесса на судѣ возникъ вопросъ объ умственномъ состояніи подсудимаго, который уже давно страдалъ душевною болѣзнью и, какъ было доказано свидѣтельскими показаніями, у него иногда случались обмороки, иногда онъ писалъ странныя письма, вдругъ отказывался отъ начатаго разговора, начиналъ считать на пальцѣхъ клятти и т. п.; но

не смотря на эти странности, его считали человекомъ совершенно здоровымъ. Для дачи заключенія по вопросу объ умственномъ состоянїи Хоринскаго приглашены были лучшіе германскіе и даже французскіе врачи, изъ которыхъ Мартинъ, Зольбригъ и Гудденъ признали Хоринскаго совершенно здоровымъ, а Морель и Мейеръ дали противоположное заключеніе и при этомъ Морель высказалъ мнѣніе, что графъ Хоринскій чрезъ нѣсколько лѣтъ непременно будетъ эпилептикомъ или сойдетъ съ ума. Судъ принялъ первое изъ этихъ двухъ мнѣній, какъ мнѣніе большинства, и Хоринскій былъ заключенъ въ крѣпость, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ у него обнаружилось помѣшательство и онъ умеръ въ домѣ умалишенныхъ. «Этотъ случай, сказалъ защитникъ, можетъ имѣть значеніе и въ настоящемъ дѣлѣ и вамъ, гг. присяжные засѣдатели, слѣдуетъ спросить себя нѣо томъ, есть ли несомнѣнныя доказательства болѣзненнаго состоянїя Полозова, а есть ли у васъ доказательства противныя? По началамъ же нашего права и нашего новаго судопроизводства, всякій вопросъ, въ которомъ возбуждается какое нибудь сомнѣніе, долженъ рѣшатся въ пользу подсудимаго.

«И такъ, гг. присяжные засѣдатели, если вы скажете, что Полозовъ не сознавалъ совершеннаго имъ преступленія, потому что въ моментъ совершенія у него не было присутствія злой воли, которая одна только даетъ подсудимому названіе преступника, то вы скажете правду, которая не должна ужасать васъ. Отвѣтъ вашъ, съ одной стороны, долженъ будетъ вызвать мѣры, которыя могли бы исправить подсудимаго и сдѣлать изъ него опять человека нормальнаго, а съ другой стороны онъ сдѣлаетъ изъ этого процесса вели-

кій, дорогой и незабвенный урокъ для тѣхъ, на отвѣтственности которыхъ лежитъ воспитаніе молодого поколѣнія».

Защитникъ подсудимаго Эдельберга, Утинъ утверждалъ, что подъ вліяніемъ грубаго суроваго обращенія отца, который представляется челоуѣкомъ, чуждымъ всякой нѣжности, всякаго теплаго чувства, въ подсудимомъ Эдельбергѣ развилась скрытность, сосредоточенность, забитость, извращенная фантазія и рядомъ съ этимъ въ его характерѣ замѣтна мягкость, впечатлительность, вызванная ласковымъ, нѣжнымъ обращеніемъ матери, къ сожалѣнію слишкомъ рано сошедшей въ могилу. Подобная двойственность, въ особенности при содѣйствіи плохихъ воспитателей, должна была вредно дѣйствовать на разсудокъ и волю ребенка; онъ не въ состояніи былъ различать хорошее отъ дурнаго и, легко поддаваясь всякому постороннему вліянію, могъ безсознательно совершить какъ великое доброе дѣло, такъ и любое преступленіе. И вотъ къ такому-то слабохарактерному, неразвитому мальчику является Полозовъ—юноша съ больною, но сильною волею, съ сильнымъ, но больнымъ и разстроеннымъ умомъ,—раскрываетъ ему свои обіятія, ласкаетъ, любитъ его, рисуетъ ему картину свободной независимой жизни. Если бы Эдельбергъ былъ болѣе развитъ, имѣлъ болѣе сильную волю, то онъ сказалъ бы Полозову: «безумный, куда ты идешь, что дѣлаешь?» Но къ несчастію, въ немъ не было ни сильной воли, ни сильнаго разсудка и онъ долженъ былъ послѣдовать за Полозовымъ, тѣмъ болѣе что и воспитаніе его съ чтеніемъ «Лѣснаго бродяги», «тысячи и одной ночи» и тому подобныхъ сочиненій, и самое положеніе его въ домѣ, содѣйствовало развитію въ немъ, самомъ тѣхъ же фантазій, какія

рисовалъ ему Полозовъ. Эдельбергу хотѣлось вырваться изъ этой жизни пытки и мученій, которую онъ велъ дома, и вотъ этотъ мальчикъ, который не думалъ никогда ни о чемъ дурномъ, поддавшись вліянію Полозова, рѣшается бѣжать изъ дома отца, и вступаетъ на тотъ страшный путь, который привелъ его на скамью подсудимыхъ. Изложивъ затѣмъ самый фактъ преступленія, и не видя цѣли для совершенія его, защитникъ утверждалъ, что какъ скоро въ совершенномъ дѣяніи нѣтъ ни обмана, ни корысти, ни ревности, ни мести, вообще ни одного изъ тѣхъ побужденій, которыя такъ часто ведутъ къ преступленіямъ, если вмѣсто злой воли въ прошедшемъ подсудимаго оказывается только печальная трагическая семейная обстановка, а въ немъ самомъ извращенная фантазія, извращенная мечтательность, слабый разумъ и слабая воля, то совершенное дѣяніе—не преступленіе, а несчастіе. Обращаясь за тѣмъ къ вопросу, о полномъ или неполномъ разумѣніи, защитникъ заявилъ, что признать человека дѣйствовавшимъ съ полнымъ разумѣніемъ можно только тогда, когда онъ совершаетъ преступленіе сознательно при участіи злой воли, а въ данномъ случаѣ ни злой воли, ни сознательности поступка не было и потому здѣсь возможенъ только одинъ отвѣтъ, что несчастіе не наказуется и что подсудимый невиновенъ. «Но, продолжалъ защитникъ, вы, гг. присяжные засѣдатели, можете сказать: «несчастіе однако же совершилось, зло, хотя быть можетъ и невольное, но все таки есть». Я думаю, что въ этомъ невольномъ злѣ вы не можете обвинить Эдельберга. Изъ показанія слѣдователя Влескова видно, что и во время предварительнаго слѣдствія Эдельбергъ имѣлъ видъ ребенка

неразвитаго, тупаго, который внушалъ одно сожалѣніе. Такое же впечатленіе онъ произвелъ и во время судебного слѣдствія. Невольное зло, совершенное Эдельбергомъ, куплено слишкомъ и слишкомъ дорогою цѣною. Я незнаю, что еще можно прибавить къ той мукъ, которая на всю жизнь отравила существованіе Эдельберга. Эта мука заключается въ воспоминаніи, что онъ невольно принималъ участіе въ убійствѣ человѣка; передъ нимъ вѣчно будетъ носиться образъ убитаго и будетъ постоянно наталкивать на одно: на жизнь, полную добра, полную служенія человечеству. Пусть же среди печали и несчастья, на которыя обреченъ подсудимый, для него будетъ однимъ утѣшеніемъ память о томъ, что въ мрачныя, мучительныя минуты, въ которыя онъ предсталъ передъ вами, вы отнеслись къ нему съ полнымъ состраданіемъ и признали, что въ немъ дѣйствовалъ не человѣкъ сознательный, не юноша съ злою волею, а мальчигъ, поступившій слѣпо и безсознательно. Вы пощадите эту молодую жизнь; я прошу васъ, объ этой пощады и надѣюсь, что вы не откажете въ ней.»

Стороны еще разъ обмѣнялись возраженіями.

Подсудимый Полозовъ «Послѣ всего здѣсь сказаннаго, мнѣ остается только просить пощады у васъ, гг. присяжные засѣдатели. Пощадите меня, если не для меня, то для моей несчастной матери, которая не переживетъ моего осужденія. Я — человѣкъ молодой, мнѣ хочется жить, осужденіе же ваше будетъ для меня смертью, я не вынесу каторги. Я еще молодъ, я посвящу всю свою жизнь на то, чтобъ хотя чѣмъ-нибудь загладить сдѣланное мною зло. Гг. присяжные засѣдатели! Надъ вами виситъ образъ Спасителя,

вспомните, какъ онъ простилъ разбойнику; и я обращаюсь къ вамъ съ тѣми же словами, съ какими Спаситель отнесся къ разбойнику: «простите, ибо не вѣдалъ, что творилъ». Гг. присяжные! Я никогда болѣе не рѣшусь ни на какое зло, не только что на убійство; не убивайте меня нравственно и физически, я довольно уже наказанъ, я 15 мѣсяцевъ сижу уже въ тюрьмѣ; все-равно, мнѣ и такъ недолго остается жить, я скоро умру или отъ падучей, или отъ чего-нибудь другаго, дайте мнѣ спокойно умереть.

Подсудимый Эдельбергъ ничего не сказалъ.

На разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей было предложено судомъ 13 вопросовъ. На первый изъ этихъ вопросовъ: соверши ли ли подсудимые убійство извозчика Мерзликина,—присяжные отвѣтили отрицательно. Поэтому всѣ остальные вопросы о виновности подсудимыхъ, о полномъ или не полномъ разумѣніи при совершеніи преступленія и объ умственномъ состояніи при этомъ Полозова—оставлены безъ отвѣта.

Вслѣдствіе протеста прокурора, уваженнаго сенатомъ, дѣло это вновь разсматривалось, въ маѣ 1873 г., въ Курскомъ окружномъ судѣ, причемъ присяжные засѣдатели, вынеся утвердительный отвѣтъ на вопросъ о фактѣ преступленія, признали Полозова находившимся во время совершенія преступленія въ состояніи умопомѣшательства, а Эдельберга оправдали.

Судъ постановилъ заключить Полозова въ домъ умалишенныхъ.

Д Ъ Л О

ОБЪ УЧЕНИКЪ ВЛАДИМІРСКОЙ ГИМНАЗІИ

ВЛАДИМІРЪ ЕГОРОВЪ ПЕСТРОВО,

(12-ти лѣтъ)

обвинявшемся въ нанесеніи тяжкой раны, послѣдствіемъ которой
была смерть.

Дѣло это разсматривалось во Владимірскомъ окружномъ судѣ 16-го Декабря 1871 г. подъ предѣдательствомъ тов. предѣдателя *Ариимовича* и при тов. прокурора *Смирновѣ*, защищалъ г. *Куперникъ*.

Изъ обвинительнаго акта видно, что 5 марта 1871 г., въ 5-мъ часу по полудни, подсудимый съ сестрою своею, Елизаветою Егоровною *Пестрово*, находился на каткѣ, на пруду, близъ Золотыхъ воротъ во Владимірѣ, при чемъ Елизавета Пестрово выразила желаніе кататься съ кончившимъ курсъ въ Ярославскомъ Демидовскомъ лицейѣ Рафаиломъ Михайловичемъ *Карякинымъ*. Владиміру Пестрово, повидимому, не понравилось это желаніе сестры, такъ какъ, по показаніямъ свидѣтелей Афонасьева и Ореста Аппельберга, онъ сталъ оттаскивать ее отъ Карякина, а когда она затѣмъ сказала, что на каткѣ дурно кататься, вслѣдствіе появившейся уже воды, то подсудимый замѣтилъ: «еще бы не дурно, когда вы наведи подюжины такихъ долговязыхъ чертей». Карякинъ принялъ эти слова на свой счетъ и заявилъ, что Пестрово сердить на него за вчерашнюю штуку—но какую именно не скалъ. Послѣ того, по показаніямъ Ореста и Руфа Аппель-

берговъ и Мельникова, когда Елизавета Пестрово и Карякинъ стали кататься держась за руки, то подсудимый повисъ у нихъ на рукахъ, а, по словамъ Афонасьева, билъ даже Карякина по рукъ. На просьбу же послѣдняго оставить его въ покоѣ, Пестрово обругалъ его сволочью, на что Карякинъ погрозилъ надрать ему уши и дѣйствительно погнался за нимъ съ этою цѣлю. Пестрово, убѣгая, упалъ на спину и въ то время какъ Карякинъ, нагнувшись, взялъ его за лѣвое ухо, подсудимый нанесъ ему ударъ въ ногу ножомъ, бывшимъ у него, Пестрово, въ ножнахъ за поясомъ между двумя панталонами, которыя онъ обыкновенно надѣвалъ для катанья на конькахъ. По показанію же самаго Карякина, отобранному 9 марта 1871 г., поводомъ къ столкновенію между нимъ и Пестрово было то, что онъ, видя, какъ подсудимый пристаеъ съ палкой къ какому-то гимназисту, обратился къ нему съ словами: «какой онъ воинъ, сердить да не силенъ». Въ отвѣтъ на это Пестрово назвалъ его сволочью, а онъ, Карякинъ, погнался за нимъ, чтобы надрать ему уши. Такимъ же образомъ разсказалъ происшествіе и самъ Пестрово, который, не отрицая нанесенія имъ раны Карякину, показалъ, что онъ въ ту минуту дѣйствовалъ безъ сознанія своего поступка, оскорблясь тѣмъ, что Карякинъ взялъ его за уши. Ножъ, которымъ нанесена рана и который имѣлъ видъ обыкновеннаго кухоннаго, средней величины съ заостреннымъ концемъ, приобрѣтенъ подсудимымъ, по его словамъ, еще за мѣсяцъ передъ тѣмъ. Онъ и прежде ходилъ съ этимъ ножемъ на катокъ, нося его въ ножнахъ собственнаго своего издѣлія;—обстоятельство это подтверждено свидѣтелями Аппельбергами.

По освидѣтельствованіи врачомъ, у Карякина оказалось рана на внутренней поверхности правой ноги, внизу верхней трети голени съ поврежденіемъ задней больше-берцовой артеріи. Рану эту, по за заключенію врачей, слѣдуетъ отнести къ тяжкимъ. Послѣ двухъ недѣльной болѣзни, 19 марта, Карякинъ скончался.

Кромѣ изложеннаго, предварительнымъ слѣдствіемъ обнаружено, что еще наканунѣ происшествія Карякинъ, проходя на каткѣ, мимо Пестрово, погладилъ его по головѣ, за что тотъ плюнулъ ему въ лицо. Карякинъ хотѣлъ его выдрать за уши, но Пестрово отмахивался отъ него и пригрозилъ ему словами: «хорошо, погодите, я вамъ». Вообще, по показаніямъ свидѣтелей, Пестрово мальчикъ вспыльчиваго, раздражительнаго характера; его любили дразнить, потѣшаясь его вспыльчивостью и онъ, въ свою очередь, старался нанести вредъ тѣмъ, кто его дразнилъ. По показанію кандидата Московскаго университета А. А. Никитина, когда онъ однажды долго дразнилъ Пестрово, то тотъ, встрѣтивъ его на другой день на каткѣ, разстегнулъ шубу и, вынувъ длинный ножъ въ формѣ кинжала, сказалъ: «вотъ вамъ, если вы будете меня дразнить». Слова эти Никитинъ принялъ за шутку.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ данныхъ ученикъ 2-го класса Владимірской гимназіи, сынъ коллежскаго секретаря, Владиміръ Пестрово, 12 лѣтъ, обвинялся въ томъ, что хотя и безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, въ запальчивости и раздраженіи, но однакоже умышленно нанесъ ножомъ Карякину рану, отъ которой тотъ умеръ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ во 2 отд. 1484 ст.

На судѣ подсудимый призналъ себя виновнымъ въ неумыш-

ленною нанесеніи Карякину раны и затѣмъ, на вопросы предсѣдателя, объяснилъ, что не имѣлъ вообще причинъ сердиться на Карякина, а хотѣлъ только напугать его и что Карякинъ погнался за нимъ потому, что когда назвалъ его рыцаремъ, то подсудимый обругалъ его.

Спрошенные на судѣ свидѣтели, подтвердивъ обстоятельства, изложенныя въ обвинительномъ актѣ, добавили: *им-назистъ Орестъ Аптельбергъ*—что Владиміръ Пестрово, увидавъ кровь на ногѣ Карякина, просилъ его закинуть куда нибудь ножъ; *свидѣтель Мельниковъ*—что Карякинъ сердилъ Пестрово, называя его рыцаремъ; *свидѣтель Давыдовъ*—что, ранивъ Карякина, подсудимый сталъ предъ нимъ на колѣни и просилъ прошенія, потомъ билъ себя табуреткою, коньками, вообще былъ въ ненормальномъ состояніи, такъ что его даже, кажется, связали, потому что онъ просилъ ножъ, чтобы зарѣзаться; *свидѣтельница Дюкова* (гувернантка въ домѣ Пестрово)—что подсудимый любилъ строгать, имѣлъ нѣкоторые стальные инструменты и даже самъ вырѣзалъ себѣ ножны, и что мальчикъ онъ былъ смышленный, учился хорошо и былъ на красной доскѣ.

Четыре эксперта признали рану, нанесенную подсудимымъ Карякину, тяжкою и между прочимъ сообщили, что при такой ранѣ, по статистическимъ даннымъ, изъ 254 случаевъ умираютъ 50.

Гов. Прокурора доказывалъ виновность подсудимаго въ нанесеніи съ разумѣніемъ тяжелой раны, отъ которой послѣдовала смерть.

Защитникъ утверждалъ, что смерть Карякина послѣдовала не отъ раны, нанесенной ему Владиміромъ Пестрово и что

12-ти лѣтнаго подсудимаго нельзя признать дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ.

Присяжные засѣдатели признали Пестрово виновнымъ въ нанесеніи легкой раны, которая не была причинною смерти Карякина, заслуживающимъ снисхожденія и дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ.

Защитникъ основываясь на томъ, что при совершеніи таковаго дѣянія, въ которомъ ирисяжные признали виновнымъ Пестрово, обвиненіе начинается не иначе, какъ частнымъ порядкомъ, а въ дѣлѣ имѣется просьба Карякина не преслѣдовать Владиміра Пестрово уголовнымъ порядкомъ, требовалъ полного его оправданія.

Судъ объявилъ подсудимаго свободнымъ отъ суда.

